

КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

КОНКУРСЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ПРОГРАММ

**РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:**
ЛУЧШИЕ ЭССЕ
И ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

МИСКП
2014

Константин Глазков, Ксения Круглова

*«Пограничные» понятия:
теоретические и эмпирические основания
различения типов локальностей*

- 6 -

Ирина Зябрева

*Города как системы реального времени:
новые подходы к изучению поведения горожан
в пространстве современного мегаполиса*

- 30 -

Сергей Мохов

*Городское «мертвое» пространство:
к вопросу репрезентации*

- 48 -

Анастасия Мокроусова, Константин Глазков

*Пространственно-сетевой подход
к изучению потенциальных городских сообществ*

- 66 -

IRINA VOROBUEVA.

*Explaining “Cultural Revolution” in Perm:
public space, urban memory and idea of “culturedness”*

- 96 -

Наталья Антропова, Анастасия Илюхина,

Александр Стрепетов, Алексей Сахаров

*Культурная жизнь в спальном районе Москвы:
организации, сообщества, мероприятия, инфраструктура*

(на примере р-на Строгино)

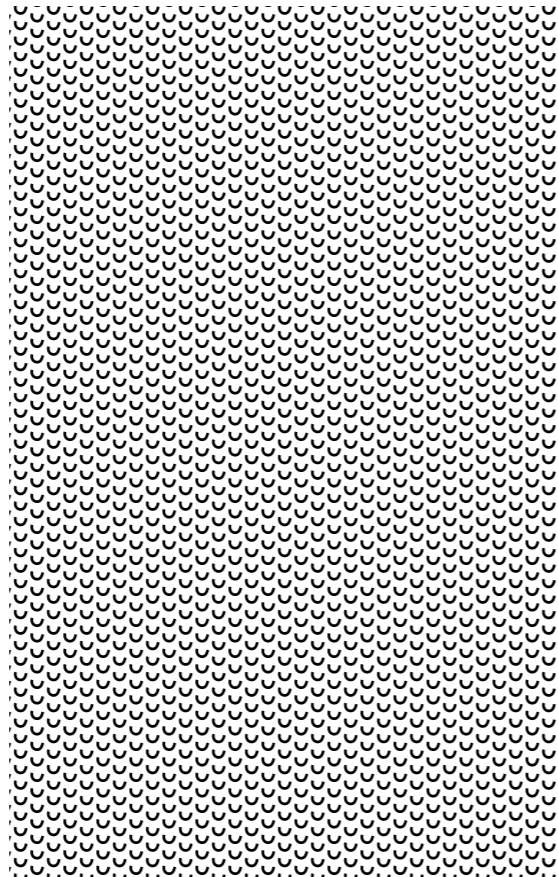
- 126 -

РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:
ЭССЕ

Константин Глазков, Ксения Круглова

«Пограничные» понятия: теоретические и эмпирические основания различения типов локальностей

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БАЛАНС ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В социологии сложилась давняя традиция исследования социальных феноменов, которые так или иначе носят пространственный характер. Еще в ту пору, когда социология оформлялась как самостоятельная дисциплина, исследовательский взор устремился в первую очередь на города [Вебер, 1994; Зиммель, 2002]. Мало того, бытует мнение, что социология сама по себе дисциплина городская — исследующая город и феномены, которые в нем имеют место [Парк, 2002]. Первые полноценные попытки концептуального описания города в рамках Чикагской школы социологии нашли свое воплощение в множестве новых понятий, необходимых для рассмотрения города как многостороннего комплексного явления, природа которого размыта и находится где-то на стыке физического, психического и социального. Среди таких понятий «локальная группа / естественный ареал», «социальная дистанция / расстояние», «позиция/местоположение», «коммуникация/мобильность» (сюда же относятся технологии и транспорт) [Парк, 2011б]. Логика попарного соотнесения понятий имеет задачу четче обозначить необходимость сохранения концептуального баланса («социальное — физическое») при описании той констелляции свойств («морфологических аспектов общества») [Дюркгейм, 1995;

Парк, 2011б]), игнорирование которых приведет к усеченному пониманию городского.

Позднее можно наблюдать лишь расширение понятийного ряда. Так, накопилось немало работ по изучению городской среды [Парк, 2011а; Джекобс, 2011; Глазычев, 1984], которые дали основание для оформления, например, инвайроменталистской психологии [Соловьева, 2006] в отдельную отрасль знания. Другие исследователи в большей степени сосредоточились на изучении публичных (общественных) пространств, их свойств, причин упадка или процветания и т. д. [Сеннет, 2002; Уайт, 2001; Утехин, 2012; Гройс, 2012; Паченков, 2012]. Отдельный исследовательский сюжет, вокруг которого активно ведется дискуссия и по сей день, — районирование и поиск естественных группировок (социальных агрегатов) внутри города. В социологии это нашло отражение в исследованиях сообществ и ареалов обитания [Уорнер, 2000; Добрякова, 1999], в социальной географии — вернакулярных районов [Смирнягин, 1999; Павлюк, 2006] и территориальных общностей [Трофимов, Шарыгин, Исмагилов, 2008]. Развитие также получил интерес к мобильности и аспектам перемещения по городу [Беньямин, 1997; Ги Дебор, 1958; де Серто, 2008; Ганжа, 2012]: расширение его границ привело к формированию особой области — социологии мобильностей [Урри, 2000]. Список этот можно продолжать бесконечно; при этом необходимо отметить, что соотнесение авторов с тем или иным концептом в на-

шем тексте весьма условно — на деле мы сталкиваемся с целым «клубком» взаимно увязанных понятий.

Так или иначе, сложно отрицать значимость пространственного размещения и упорядочения вышеописанных явлений. Это заставило исследователей обратиться к вопросу включения пространства как такового в социологический дискурс.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ

Проблема, с которой сталкиваются исследователи в попытке признания пространственных сущностей изучаемых социальных явлений, заключается в первоначальном противопоставлении физического и психического при оформлении социологии как самостоятельной дисциплины. Дабы обрести свое место, социология предъявляет свои претензии на «мир с мыслей», который принципиальным образом несводим к двум другим мирам [Вахштайн, 2005].

Дальнейшие усилия по разрешению декартова дуализма и определению положения социального в такой ситуации сводятся к редукционистским подходам, которые можно обозначить как 1) *социальный конструктивизм* (социальный детерминизм) [Сорокин, 1992; Бурдые, 2007] и 2) *пространственный фетишизм* (географический детерминизм) [Голд, 1990; Семашко, 2001]. Оба подхода представляют собой сведение либо

физического к социальной сущности, либо социального к физической, общее объяснение устройства и организации одного через другое.

В качестве выхода из этих крайностей предлагаются снятие первичного противопоставления «субъект — объект» и переход к концептуальному рассмотрению «гибридного мира» по средствам акторно-сетевой теории [Latour, 1997; Вахштайн, 2005]. Авторский подход в данном исследовании заключается в сохранении аналитического различия физического и социального с учетом широко представленного диапазона концептов, варьирующихся между тем и другим. Пространство при этом выступает не как антагонист действия — напротив, следуя соображениям Б. Верлена, мы трактуем пространство как систему координат, оформляющую средства и возможности действия. Материальность и смыслы переплетаются друг с другом, порождая континуальные явления и способы их описания, которые противопоставляются уже сложившейся традиции принципиального разнесения социальных и физических понятий. «Материальность становится осмысленной только в ходе осуществления действия с определенными намерениями и при определенных социальных (и субъективных) обстоятельствах» [Верлен, 2001: 34].

Снятие оппозиции «субъект — объект», свойственной ранним теоретическим ресурсам, приводит к отказу от разграничения социального и физического

в используемых понятиях. Как следствие, появилось немалое число «пограничных» понятий, которые пытаются одновременно заключить в себе как социальное, так и физическое, смысловое и материальное. Среди них «место», «не-место», «пустота», «руины», «ландшафт» и др.

Сложившееся положение дел позволяет сформулировать *проблемную ситуацию* в рамках нашего исследования. В литературе по данному вопросу практически не наблюдается попыток соотнести накопившиеся концепты, вписать их в общую картину. Кроме того, не до конца ясна связь «пограничных» понятий с относительно устойчивым концептуальным языком описания, например, той же городской среды, как у Глазычева при выделении *environment* и *milieu* в качестве ее составляющих [Глазычев, 1984]. Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе.

ТИПЫ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Для начала оговорим обобщенное понятие, которое мы будем использовать для рассмотрения многообразия «пограничных» концептов, описанных выше. В качестве такового выбрана «локальность», которая при отсутствии дополнительных коннотаций несет в себе идею неких конкретно локализованных территорий, выделенных на основании смыслового различия. Надо отметить, что локализованность, террито-

рия и смысловое различие выступают в качестве взаимосвязанных явлений. Без локализованности не приходится говорить о территории, существование границ и координат которой (не обязательно географических) позволяет выделить ее из безграничного и неделимого пространства. В свою очередь, локализация и выделение невозможны без придания смысла определенным границам и координатам, без смыслового межевания и определения содержания (смыслового комплекса) той или иной территории.

В данном разделе мы хотели бы показать, какие определения разных типов локальностей встречаются на текущий момент, какие есть нестыковки в этих понятиях, какие характеристики они подразумевают, как различать их между собой и всегда ли можно их различить. Мы также хотели бы предложить результирующую схему, которая систематизирует рассматриваемые нами типы локальностей на основе двух базовых дихотомий.

Место

Одним из базовых различий, с которого начинается вычленение «пограничных» концептов, является разделение пространства и места. Абстрактное и первоначально недифференцируемое пространство в процессе освоения размежевывается, наделяется смыслами и преобразуется в места. Суще-

ствуется ряд трактовок (как эксплицитных, так и контекстуальных) понятия «место», которые мы попытаемся здесь обозначить для прояснения термина.

Упомянутый ранее Б. Верлен писал об «осмысленной материальности» и необходимости рассмотрения пространства как места действия [Верлен, 2001]. Действование и смыслообразование как процессы при этом идут рука об руку. Похожее размышление мы встречаем у Э. Кейси: «Место представляет собой непосредственное окружение живого тела, арену для действий, одновременно физическую и историческую, социальную и культурную» [Casey, 2001; Степанцов, Безруков, 2008: 45]. При этом Кейси делает акцент на связи, возникающей между человеком и местом, которая, тем не менее, есть не только результат действия, но и механизм «взаимного конституирования человеческого Я (Self) и места» [Степанцов, Безруков, 2008: 48]. Развитие этой идеи мы находим в работе М. Оже, который пишет, что «место может быть определено отношениями, исторически и через идентификацию себя с ним» [Auge, 1995: 77]. «Места “входят” в нас в результате нашего присутствия в некотором месте и ощущения этого места. Они обладают “цепкостью” (tenacity), оставаясь внутри нас много дольше после того, как мы их покинули» [Степанцов, Безруков, 2008: 48]. Место как «арена действия» подразумевает также «включенность в место» и человеческую активность, при отсутствии

которой место переходит в разряд других смысловых локальностей (например, в руины — об этом подробнее см. раздел 3, «пустота») [Трубина, 2013]. Определение места в свою очередь дает А. Филиппов: «Место. Элементарный смысловой комплекс. Территория, воспринимаемая как неделимое единство» [Филиппов, 2008: 261].

В результате мы получаем следующие свойства мест, которые выделяют их среди других возможных локальностей:

1. Смысловая природа мест помимо их пространственной размещенности.
2. Место как арена действия, место действия.
3. Конституирующая связь между человеком и местом, подразумевающая идентификацию и историческую соотнесенность себя с местом (привязанность).
4. Смысловая элементарность и неделимость мест.

Не-место

Другим типом локальности является не-место. Своим возникновением это понятие обязано противопоставлению не-мест местам, сформулированному М. Оже. Если местам свойственно соотнесение человека с ними, то «пространство, не имеющее таких связей, есть не-место» [Auge, 1995: 77–78]. При этом нельзя отождествлять не-место с пространством, так как, несмотря ни на что,

в любом случае сохраняется минимальное смысловое содержание. Тем не менее различие мест и не-мест носит не только количественный характер (по смысловому объему, степени привязанности), но и качественный. Так, Мишель де Серто указывает на транзитную природу не-мест: «Каждый маршрут в каком-то смысле определяется (*diverted*) названиями, которые придают им заранее непредсказуемые значения (или направления). В конкретных местах эти названия образуют не-места; они превращают их в пассажи» [de Certeau, 1990 (перевод мой. — К. К.). Географ Рельф, в свою очередь, предлагает понятие «безместность» (placelessness) [Relph, 1976], которое в значительной мере совпадает с не-местами, к тому же опять отсылает к идее об утрате местом своей аутентичности и обретения зависимости от других мест (ориентированности на другие места). Результат транзитного отношения заключается в том, что опыт пребывания в не-местах сводится ко времени (units of time), затраченному на их преодоление. «Все эти действия обладают готовым социальным смыслом, который выражается в единицах потраченного на них времени» [Ганжа, 2012]. В силу транзитности наблюдается нарушение «функций собраний и коммуникации» [Паченков, 2012], причем коммуникация сводится к оформлению не-мест через слова и тексты (инструкции по использованию) [Auge, 1995].

Выделим отдельно свойства не-мест (отличающих их от мест):

1. Слабая степень привязанности человека к не-месту, выраженная в отсутствии идентификации и соотнесения себя с ним;
2. Транзитная природа не-мест;
3. Нарушение коммуникации;
4. Текстуальный способ смыслового выделения не-мест с предписанием по пользованию пространством.

Пустота

Отдельного рассмотрения требует понятие «пустота», рассматриваемое нами как один из типов локальностей. Выделение этой локальности обусловлено фокусировкой на текстуре пространства. «Текстура социального пространства образована, с одной стороны, материальными артефактами, носителями объективированного смысла, а с другой стороны — устойчивыми модусами поведения находящихся в нем людей и прочими повторяющимися конфигурациями социальных событий» [Филиппов, 2009: 17]. Пустое пространство (пустота) — «слабо текстурированное, однородное», что означает несущественную представленность физических объектов и поведенческих сюжетов. Пустота выступает потенциальным местом всевозможных поведенческих актов, в отношении которых «не даются никакие смысловые ориентиры». «[...] Там, где отсутствует минимальная текстура, отсутствует и поведенческая рутина, пусто-

му соответствует ожидание радикального наполнения массой» [Филиппов, 2009: 25]. Причем, как пишет А. Филиппов, опустение связано не с процессами наполнения-освобождения, а с внятной интенцией преобразования.

Философ и теоретик искусства, Б. Гройс создание пустого связывает с использованием «нулевого дизайна». «Нулевой дизайн — это попытка искусственно создать для зрителя разрыв в плотной текстуре мира — зону прозрачности, которая позволит зрителю увидеть вещи такими, каковы они есть в действительности» [Гройс, 2012].

Несмотря на отсутствие предписаний по использованию пространства, пустота остается локальностью «с уникальной историей и особым смыслом, не похожим на смыслы других мест ни объективно, ни субъективно» [Филиппов, 2009: 29]. В частности, пустота является результатом семиотического «опространствования» истории («приемом удержания в памяти» [Ассман, 2004]) и в таком случае выступает мнемотопом. Здесь стоит упомянуть альтернативное пустоте явление по локализации исторического — руины. Е. Трубина определяет руины как «...материально воплощенное прошлое» [Трубина, 2013]. То есть применительно к руинам акцент ставится на материальное оформление локальности. Другое отличие руин от пустот заключается в том, что их (пре)образования часто носят незапланированный характер. Возникновением руины обязаны смещению центра

активности и появлению «совместных экологических продуктов человеческой и нечеловеческой деятельности» [Трубина, 2013].

Возвращаясь к пустотам, необходимо отметить, что в отличие от мест и не-мест пустоты, по типологии Лефевра, обладают «трансфункциональным» свойством. Это говорит о том, что локальность «несет определенные функции и, кроме того, имеет символический, эстетический, культурный и даже “космический” характер, несводимый к функциональности» [Ганжа, 2012: 296]. Это противопоставляется «насыщенным и уплотненным» пространствам, функция которых «заключается в том, чтобы служить времяпрепровождению и [...] заполнять этот промежуток времени непрерывно и равномерно» [Ганжа, 2012: 305].

Выделим отдельно свойства пустот:

1. Пустоты слабо текстурированы и однородны (в отличие от мест и не-мест), что приводит к отсутствию материальных смысловых ориентиров по пользованию этими пространствами (в отличие от не-мест);
2. Пустота обладает аутентичностью (в отличие от не-мест) и порой представляет собой опространственную историю, фиксация которой носит семиотический (символический), а не материальный характер (в отличие от руин);
3. Функции пустот не сводятся к действительно представленным, но обладают трансфункциональным

свойством, не конвертируемым в «единицы времени» (в отличие от не-мест).

4. Образование пустот в некоторых случаях имеет природу намеренной интенции (в отличие от руин).

РЕЗУЛЬТИРУЮЩАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

В результате проделанного обзора мы хотели бы представить попытку соотнесения рассмотренных локальностей друг с другом через включение их в общую схему на базе двух дихотомий (см. табл. 1).

Первая дихотомия, «смысл» («смысловая насыщенность — смысловая скудность локальности»), отсылает в большей степени к различению мест и не-мест и указывает на наличие либо отсутствие конституирующей связи между локальностью и человеком. Места, в отличие от не-мест, обладают смысловой самодостаточностью, которая является следствием нетранзитной активности, протекающей в них. Текстурные ресурсы в не-местах предзаданы и текстуально зафиксированы — используются, так сказать, по назначению, что практически исключает возможность транссмысловых отсылок, выходящих за пределы конкретной ситуации.

Вторая дихотомия, «текстура» («достаточно текстурированная — слабо текстурированная локальность»), содержит в себе

различение материально наполненных и пустых локальностей. Под наполненностью понимается наличие объектов и тел, образующих сюжетику возможных поведенческих актов. Сами объекты опосредуют действия, вовлекая людей в поток активности.

Крайним случаем отсутствия (скудности) смысловой насыщенности и текстурированности выступают локальности второго порядка, основания для выделения которых находятся за пределами описанных дихотомий. Так как степень смысловой насыщенности и текстурированности определяется непосредственно самими участниками взаимодействия, то возможные иные типы локальностей могут быть аналитически вычленены на базе критериев наблюдателя взаимодействий. На данный момент этот вопрос остается непроработанным и требует дальнейших изысканий.

Перед тем как перейти к эмпирической части работы, необходимо отметить, что схема не предлагает четкого разграничения выделенных понятий — напротив, она создает континуум, полюса которого заданы, а промежуточные градации требуют обоснования.

Таблица 1

СХЕМА РАЗЛИЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ
НА БАЗЕ ДИХОТОМИЙ «СМЫСЛ» — «ТЕКСТУРА»

ТЕКСТУРА/ СМЫСЛ	Достаточно текстурированная локальность	Слабо текстурированная локальность
Смысловая насыщенность	Место	Пустота
Смысловая скудость	Не-место	Локальности второго порядка

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы проиллюстрировать различие теоретически выделенных типов локальностей, было проведено эмпирическое исследование. Оно проходило в районе Китай-Город гор. Москвы весной 2013 г. Объектом изучения выступал сам район, рассматриваемый как среда обитания разных групп населения. В частности, мы

фокусировались на трех группах: 1) жителей района, 2) экскурсоводах, которые водят экскурсии по окрестностям и 3) москвичах, иногда проводящих время в этом районе. Внимание именно к этим трем группам было продиктовано стремлением продемонстрировать различные видения одного и того же района города, которое изначально бралось за основу. Это связано с интуитивным ощущением неоднородной погруженности представи-

телей этих групп в жизнь района. В одном случае она обусловлена фактом проживания, в другом — родом занятий.

Исследование проводилось группой студентов-социологов НИУ ВШЭ в два этапа. Первый этап включал в себя наблюдение за многообразием уличной активности (всего 32 часа наблюдения). Для удобства работы Китай-Город был поделен на несколько условных территориальных частей. С целью обеспечения наиболее комплексной картины происходящего мы стремились к равномерной пространственной и временной наполненности наблюдений (разное время суток и дни недели). Для фиксации уличной активности и пройденной территории и использовался GPS-трекинг, который позволил провести триангуляцию увиденного и осуществить геолокационную привязку фотографий к местности. Фотосъемка осуществлялась для более точного анализа увиденного и для проверки качества в выполненных наблюдениях. С помощью фотосъемки фиксировались все типы активности людей на улице: отдых, прогулки, фотографирование, общение, занятия спортом и т. д. Уличная активность людей фиксировалась для того, чтобы понять, как варьируются способы использования пространства, и найти центры концентрации активности.

Второй этап заключался в проведении интервью с использованием ментального картографирования (всего 10 интервью с представителями трех интересующих групп информан-

тов). Задача данного этапа исследования сводилась к изучению представлений о районе у респондентов. В ходе интервью давалось следующее задание: «Нарисуйте, пожалуйста, карту Китай-города. При этом постарайтесь вспомнить и указать на своей карте места, с которыми Вас связывают истории, воспоминания, чувства и отношения». По мере выполнения задания исследователь уточнял у информанта, что это за места, где они расположены, в связи с чем упоминаются.

Обработка данных проводилась с помощью таблиц, сводящих информацию об уличных активностях, их классификацию и пространственную локализацию, а также места привязанности информантов. Здесь надо отметить, что метод наблюдения слабо чувствителен к выявлению смысла происходящего, в то время как в интервью информанты мало рассказывают о том, что и где они делают в районе. Отсюда вытекает важность соотнесения данных, полученных на разных этапах исследования.

В следующем разделе приведены примеры рассматриваемых выше типов локальностей, а также проиллюстрированы практические возможности предложенной в конце обзора результирующей теоретической схемы.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ ТИПОВ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Место

После анализа интервью создается впечатление, что в данном районе у респондентов не происходит ничего. Первым делом они стараются рассказать что-то об истории района, привести различные исторические факты, далее говорят об истории своей жизни, связанной с этим районом, но почти ничего не рассказывают о себе в настоящем. Так, один из жителей Китай-города рассказал, что он изредка ходит за хлебом в булочную, с которой у него связана своя история: он участвовал в акции по ее реставрации, а в детстве его все время посылали туда за хлебом. Также он поведал, что иногда подходит к людям во дворе старше него или к ровесникам и начинает с ними разговаривать, расспрашивать в надежде, что они его узнают, вспомнят. К этому сводится все упоминание мест в его интервью.

Думается, положение дел могла бы и исправить прогулка с респондентом по Китай-городу — тогда у него, возможно, всплыла бы в памяти еще какая-нибудь дополнительная информация об этом районе, какие-то факты, упоминания, которые дополнили бы картину о местах и практиках. За неимением такой возможности мы скомбинировали данные, полученные

в ходе наблюдений и интервью, с целью выявить места.

Анализ интервью позволил отчетливо выделить некоторые объекты, которые могут быть классифицированы как места. Они обязательно имеют какую-либо смысловую нагрузку и/или эмоциональное содержание. В пример можно привести такие описания мест, как «реликтовое», «замечательное», «место силы», «для меня это как сон прекрасный», «волшебное место», «прекрасное» и т. д. Это в какой-то степени раскрывает смысловую природу места.

Мы, таким образом, можем привести несколько примеров выделенных нами мест (см. рис. 1 — карту с размещением всех примеров локальностей). Одним из таковых является Морозовский сад. Данное место обладает ярко выраженной смысловой наполненностью, которая исторически связывает с ним людей. Морозовский сад расположен на пересечении Подкопаевского, Хохловского и Б. Трехсвятительского переулков и ведет свою историю с XVIII века. Сад находится при усадьбе, владельцы которой несколько раз менялись. Одними из последних владельцев была семья Морозовых; от них и пошло название сада. В данный момент сад является частной собственностью, в открытом доступе находится только нижняя его часть, однако вход туда часто перекрывается нынешними владельцами территории под предлогом ремонтных работ. До недавнего времени даже нижняя часть сада была закрыта. В связи с этим жители района

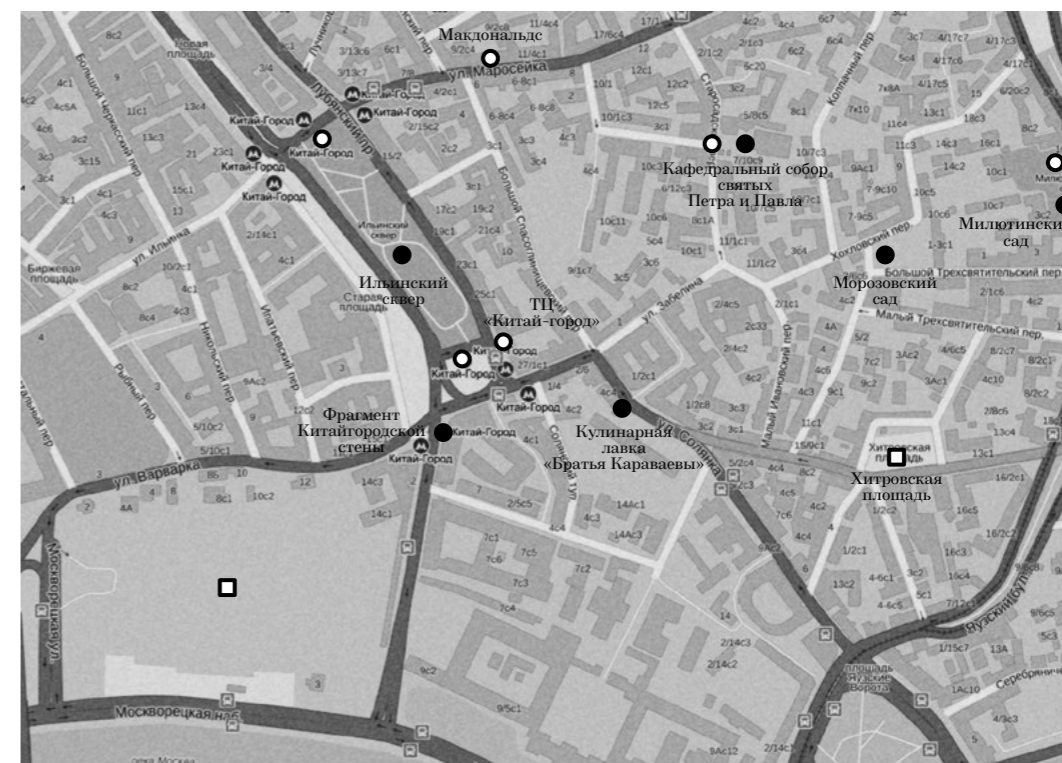
и активисты обращались к местным властям с просьбой восстановить свободный доступ к территории сада. Активная борьба

заинтересованных лиц за то, что им дорого, дает представление о том, насколько тесна связь жителей района с этим местом.

Рис. 1.

КАРТА РАЙОНА
С ОТМЕЧЕННЫМИ ПРИМЕРАМИ
ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

● Место ○ Не-место □ Пустота

Территория Морозовского сада является местом, посетители которого вовлечены в самые разнообразные практики. Там собираются художники, люди фотографируются с причудливыми деревьями, друзья и влюбленные назначают там встречи, чтобы пообщаться. Часто люди просто приходят туда посидеть и отдохнуть, многие жители района гуляют там с детьми.

Еще один пример места — кулинарная лавка братьев Караваевых. За несколько лет она из заведения формата столовой преобразилась в уютное кафе с приятным интерьером и довольно демократичными ценами. Сотрудники кафе приветливы, еда готовится быстро. Все это очень привлекает посетителей.

Таким образом, в данном месте также наблюдается большое количество практик: многие покупают выпечку и хлеб на вынос, кормят там детей. Люди, работающие в данном районе, часто заходят в кафе на обед и даже на ужин.

Другое выделенное нами место — Ильинский сквер. Ильинский сквер был разбит в 1882 г. Через несколько лет в сквере был установлен памятник героям Плевны, а спустя столетие — памятник Кириллу и Мефодию. Некоторые информанты называли данное место площадью Ногина: такое название оно носило в советское время. Летом, когда в городе стоит жара, сквер воспринимается как оазис, так как там много высоких деревьев, которые дарят прохладу; но и в другие времена года

по нему приятно гулять и он привлекает множество людей. Они назначают здесь встречи, гуляют, проводят время с детьми. Пожилые люди (и не только) читают газеты и книги, в летний период многие устраивают в сквере пикники или просто сидят на траве. Молодежь, в свою очередь, порой устраивает в Ильинском сквере фотосессии.

Не-место

В качестве примера не-мест хотелось бы привести три типичных городских объекта: кафе быстрого питания, торговый центр и подземный переход, ведущий в метро. Для начала хотелось бы отметить, что с точки зрения людей, которые работают в этих местах или по другим причинам проводят здесь много времени, данные городские объекты могут попасть под категорию не-мест, но мы рассмотрим их, скорее, с позиции человека, использующего их разовым образом. В таком случае данные объекты обладают всеми выделенными свойствами не-мест.

Первым рассматриваемым нами не-местом является кафе быстрого питания «Макдональдс». Ни один из респондентов не акцентировал внимание на данном объекте. В кафе неуютная атмосфера, часто заняты все места и собираются большие очереди. Нельзя точно утверждать, что люди не идентифицируют себя с кафе, но исторически он не вписывается в контекст

данного района и вряд ли воспринимается москвичами как знаковое место.

Данный объект имеет ярко выраженную транзитную природу. *Во-первых*, сам тип заведения говорит о том, что люди не должны здесь задерживаться, даже наоборот — желательно, чтобы они поскорее сделали заказ, поели и ушли. *Во-вторых*, в ресторане довольно неудобная мебель, на которой нельзя просидеть относительно долго. Зачастую внутри собирается множество людей, они сидят очень близко друг к другу, что вызывает напряжение у посетителей и нарушает возможности коммуникации. Имеются также столы, похожие на барные стойки, с высокими стульями, на которые усаживаются одиночные посетители; таким образом, человек может сидеть вплотную к незнакомцам, при этом избегая чужого взгляда и уткнувшись в гаджет. *В-третьих*, в данном заведении предусмотрен только ограниченный доступ к Интернету (что является немаловажным параметром в наше время), а также установлен лимит на скачивание, что тоже не побуждает задерживаться в этом месте. Ко всему сказанному можно добавить, что ресторан быстрого питания «Макдональдс» унифункционален (по терминологии Лефевра) и не располагает к совершению каких-либо других практик, кроме предзаданных (питание, посещение уборной, доступ к Интернету).

Другим выделенным нами не-местом является торговый центр «Китай-город».

Прежде всего, нужно сказать, что этот торговый центр появился в здании по адресу Солянский проезд, 1 после его реконструкции. Согласно информации с официального сайта торгового центра, он открылся в 2008 г. Вряд ли можно предполагать, что за это время у москвичей появилась историческая привязанность к этому месту. Показательно, что по большому счету в интервью не шла речь ни о каких практиках, совершаемых в этом районе; информанты в основном рассказывали об истории мест, о своих впечатлениях и воспоминаниях. Торговый же центр упоминается жителями не в связи с какими-либо воспоминаниями или историческими фактами, а именно в связи с тем, что они совершают в нем покупки. Таким образом, подтверждается предписанное пользование пространством. В свою очередь, отсутствие лавочек и длинные коридоры указывают на транзитность локальности.

Следующим ярким примером не-места является сама станция метро «Китай-город» и относящаяся к ней инфраструктура в данном районе. Интересен тот факт, что у станции насчитывается 15 выходов; это абсолютный рекорд по данному показателю в Московском метрополитене. Многие респонденты отмечали, что им не нравится эта станция, что они не любят находиться на ней, в подземных переходах и поблизости, что чувствуют себя потерянно. Таким образом, можно утверждать, что у москвичей в целом нет привязанности к этой станции метро.

Между тем метро как городской объект за счет воссоздаваемого контекста транслирует его пользователям функцию, которую оно выполняет, что также позволяет отнести его к категории не-мест. Метро само по себе имеет транзитную природу, что лишней раз подтверждает нескончаемый поток пассажиров. Транзитность ведет к нарушению коммуникации, вызывает напряжение у людей и способствует замкнутости, что можно наблюдать в ситуациях нежелательных задержек или проволочек при попытках беспрепятственного движения (например, когда спрашивают дорогу).

Интересно, что при спуске в один из переходов метро можно заметить небольшой фрагмент Китайгородской стены, и к этому месту люди относятся уже совсем по-другому. Рассматриваемый объект привлекает и экскурсоводов, у которых по этому поводу заготовлена отдельная история, и просто прохожих, остановившихся разобрать надпись или буквально «поковыряться» в прошлом.

В связи с этим хотелось бы отметить, что далеко не всегда уместна однозначная типизация той или иной локальности. Некоторые из них затруднительно классифицировать, что позволяет аналитически описать противоречивую природу происходящего.

Одной из таких локальностей представляется кафедральный собор святых Петра и Павла. Это очень красивое место, куда люди приходят на службу, полюбо-

ваться на архитектуру собора и послушать органную музыку. Однако по прилегающей территории проходит значительный поток людей, которые сокращают путь, переходя напрямую со Старосадского переулка на Колпачный или наоборот. Рассматриваемая локальность включает в себя свойства как места, так и не-места, проведение символической и пространственной границы между которыми требует большего внимания.

Другой аналогичный пример — Милютинский сад. Здесь постоянно гуляют родители с детьми, малышня катается на самокатах, остальные приходят сюда покормить птиц, позаниматься спортом на площадке или просто отдохнуть от суеты. На территории сада располагаются учреждения детского досуга и творчества; жители близлежащих домов собираются там и играют в настольные игры. Между тем существенное количество людей сокращает путь через этот парк. Для многих «спешащих» сотрудников офисов это самый быстрый и удобный способ попасть с бульвара к переулкам, ведущим напрямик к метро. Поток прохожих пространственно оформляется прямолинейной дорожкой, расположенной между двумя сквозными выходами и задевающей остальные объекты сада по касательной.

Пустота

Пустоты, как мы уже отметили, обладают трансфункциональным свойством, в противовес материальным смысловым ориентирам, диктующим их использование. Отсутствие предписанных поведенческих сюжетов не отменяет возможности присутствия и осуществления активности людей в пустотах. Тем не менее, понимая задачу настоящего исследования — как можно четче разграничить типы локальностей, — мы сведем наши примеры пустот к территориям, пустующим как в материальном, так и поведенческом плане¹.

В качестве пустоты мы выделили так называемую Хитровскую площадь. В XIX в. после пожара 1812 г. эта площадь была обустроена и подарена городу генералом Н. З. Хитрово, в честь которого и получила свое название. На площади располагались мясные и зеленые ряды, осуществлялась торговля. Однако во второй половине XIX в. это место стало известно по расположенным там ночлежкам, доходным домам и бирже труда. Туда стекалось огромное количество низкоквалифицированных рабочих. Об этом периоде писал В. А. Гиляровский, о чем трепетно рассказывают многие москвичи, с благодарностью отмечая, что историк помог сохранить память

о «той самой» Хитровке. Впрочем, некоторые упоминают Гиляровского с недовольством, считая, что он исказил факты. После революции обстановка в районе ухудшилась, возрос уровень преступности и было решено снести рынок, а на его месте разбить сквер.

Понятно, что здесь мы имеем дело с очень богатой и долгой историей, которая берет свое начало от древнего поселения Подкопаево. В ходе интервью выяснилось, что у москвичей наблюдается сильная привязанность к площади. В начале 2000-х гг. на месте площади хотели построить бизнес-центр; в связи с этим колледж был снесен, а территорию огородили высоким забором. Но жители района и другие москвичи были категорически против того, чтобы на данном месте возводился многоэтажный бизнес-центр. Они прислали огромное количество писем в управу района и департамент культурного наследия. В итоге активисты были услышаны, и строительство отменили. За последние несколько лет был разработан план озеленения территории и реконструкции памятника культурного наследия. Впрочем, на текущий момент этот замысел не реализован.

Подводя итоги, отметим, что Хитровская площадь обладает всеми выделенными свойствами пустот. Это пространство слабо текстурировано и в данный момент представляет собой огороженную территорию, заполненную обломками и строительным мусором. Также мы видим, что

¹ Возможно, здесь мы имеем дело с подвидами пустоты, которые можно было бы охарактеризовать как «активная» и «пассивная» пустоты.

Хитровская площадь действительно представляет собой опространственную историю и несет в себе символический смысл. Нетрудно заметить и явное отличие этого пространства от руин. На протяжении всей истории своего существования данное место перестраивалось и облагораживалось намеренно.

Следующая выделенная нами пустота — район Зарядья, более известный как территория гостиницы «Россия». В настоящее время эта территория пустует и на ней не производится практически никаких работ, что говорит об однородности и низкой текстурированности данного пространства. Если говорить об истории этого места, можно отметить, что постройки исторического района Зарядья в большинстве своем были снесены, когда закладывался фундамент восьмой сталинской высотки. От них остались только ряд построек по улице Варварка, состоящий по большому счету из церквей и палат. После смерти Сталина строительство высотки отменили и впоследствии выстроили на ее фундаменте гостиницу «Россия», в которой случился пожар, после чего здание долго не восстанавливали. Затем здание решено было разобрать, а на его месте построить бизнес-центр. Но строительство бизнес-центра отменили по той причине, что оно могло усугубить и без того тяжелую ситуацию на дорогах и спровоцировать пробки. На данный момент утверждён план по озеленению территории, однако работы еще не начались.

В связи с этим в очередной раз хотим подчеркнуть интенциональную природу всех преобразований этой локальности.

Различие места и пустоты ярко проступает в ходе сравнения Морозовского сада и Хитровской площади. Обе эти локальности обладают своей историей, которая связывает с ними москвичей. Тем не менее символическая привязанность горожан к Морозовскому саду находит свое воплощение в осуществляемых там практиках, вновь и вновь укрепляющих значимость этого места через вовлечение его материальных составляющих во взаимодействие с людьми. Между тем Хитровской площади пока что отведена участь символической пустыни, пески которой бороздят лишь проходящие мимо экскурсионные группы да случайные зеваки.

Пустоты и не-места в рамках нашей схемы выступают в качестве оппонентов с набором противоположных альтернатив по базовым дихотомиям (грубо говоря, соотношение «смысл/текстура» у пустот «+/-», а у не-мест «-/+»). В силу этого буквальное их сравнение затрудняется за отсутствием однозначного основания (как в случаях различения пустот и не-мест, с одной стороны, и мест, с другой)².

² Это лишний раз демонстрирует опорную роль места в нашей схеме. Очевидное противопоставление не-места, усиленное простым приложением отрицательной частицы, применимо и к пустотам. Пустоты — тоже не места (без дефиса) по весьма твердому основанию, заключающемуся в материальности и связанной с ней телесности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы могли убедиться, в концептуальном описании социальных явлений комплексной природы можно отметить значительную представленность «пограничных» понятий, существующих на стыке разных «миров» (физических объектов и смыслов). Тем не менее попытки выстраивания на их базе объяснительных теоретических рамок в литературе представлены слабо; еще хуже обстоит дело с взаимным соотношением выделенных концептов.

Результатом нашей работы можно считать выделение ряда свойств 1) места, 2) не-места и 3) пустоты, которые благодаря их системному рассмотрению позволили не только уточнить характеристики каждого («если пустоты обладают трансфункциональным характером, что мы можем сказать про не-места?»), но и предложить аналитическую схему по различению типов локальностей на базе двух дихотомий «смысл — «текстура».

Дальнейшее повествование связано в большей мере со стремлением к эмпирической апробации представленного различения, с описанием через собранный материал свойств каждой локальности и содержательного противопоставления ее другим типам. На этом этапе возникло, пожалуй, больше вопросов, чем ответов, что мы предлагаем обсудить ниже.

Проведенное нами исследование можно рассматривать в качестве частно-

Утверждать, что пустота вобрала в себя одни свойства мест, а не-места — другие, тоже было бы не вполне корректно. Чтобы показать их различия, предлагаем вновь обратиться к пустующей территории гостиницы «Россия» и переходу к станции метро «Китай-город». Переход служит транзитной средой для ежедневного перемещения колоссальных человеческих потоков, причем сюжеты пользования пространством вполне ограничены несколькими вариантами. Исторический слой, на уровне которого находится переход, скрыт за типичным и ничем не выделяющимся оформлением, что лишает его своей аутентичности и смысловой глубины. Что до пустыря, со всех сторон обнесенного простым забором, споры о том, что на нем построить, ведут и до сих пор, иногда прерываясь на подведение промежуточных итогов конкурсов среди архитекторов и девелоперов. Широкий простор для архитектурской и ландшафтной мысли ограничен лишь сложившимся символическим порядком, который опирается на многовековую историю, художественные и документальные фильмы (к примеру, «Важное место, или жить в центре», 2010 г., 40 мин.) и немалую заинтересованность людей, болеющих душой за этот клочок земли и следящих за его судьбой.

го случая, который необходимо логически распространить и на другие «попарно соотнесенные» понятия («локальная группа / естественный ареал», «социальная дистанция / расстояние», «позиция / местоположение», «коммуникация/мобильность»). Скрывая за собой полюса, соответствующие разным «мирам», они пребывают в динамическом соотношении друг с другом, тем самым неявно подразумевая множество градаций от социального к физическому. Нерешенным остается вопрос о взаимосвязи «пограничных» понятий со сложившимся каноном теоретического описания. Какую роль играют пустоты в современной городской среде? Что мы можем сказать о городских сообществах с позиций пространственного и смыслового соотношения мест и не-мест? Как связаны проблемы, с которыми сталкиваются общественные пространства, со сложившимися практиками перемещения по городу и транзитной природой не-мест? Проблематичная область продолжает сохранять интригу для дальнейших исследований.

ЗАТРУДНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На начальном этапе исследования мы различали типы локальностей по наличию у них текстуры и по смыслам, придаваемым им респондентами. Была составлена таблица, где были обозначены наличие или отсутствие текстуры и смысловой нагруженности и соответствующие этим ситуациям типы локальностей. На абстрактном уровне все было достаточно ясно, однако после эмпирического исследования стали возникать некоторые трудности с типизацией локальностей. Возник вопрос: а что считать смыслом (или единицей смысла)? Воспоминания людей, их эмоции или знание истории данного места? Как определить степень важности этих категорий, чтобы найти какие-то «основные» места (Места с большой буквы, если можно так сказать)? В каком месте «больше смысла»? Допустимо ли вообще сравнение мест, которые являются уникальными сами по себе?

Сложности возникали и с трактовкой собранных материалов. Когда все данные были сведены в общую таблицу, оказалось, что в ряде мест по результатам наблюдения было зафиксировано несколько практик, и при этом разные люди вкладывали в них разный смысл. Появилось затруднение, связанное с интерпретацией этого многообразия. Непонятно, можно ли место, где зафиксировано большее количество практик (по типам стационарной активности)

по сравнению с каким-то другим, называть более текстурированным местом? В таком случае текстура представляет собой нечто накапливаемое, но так ли это на самом деле? Возможно, такое пространство следует назвать многофункциональным. Но тогда возникает вопрос о функциях этого пространства: может ли пространство выполнять функции? Ведь на деле все зависит от того, как люди обживают это пространство. Могут ли вообще такие процессы быть локализованными в материальном мире? И если да, то каким образом можно определить функции пространства, если зачастую они не транслируются напрямую?

Другая проблема возникла в связи с тем, что текстура мест плохо выявляется в ходе интервью. Нередко приходилось сталкиваться с ситуацией, когда люди не говорят о том, что они делают в городе. Можно ли спросить у них об этом напрямую, и будет ли такой вопрос корректен — неизвестно. Вряд ли респондент захочет отвечать на вопрос о том, что он делает, к примеру, в парке. Этот вопрос ему покажется как минимум глупым — ведь для него очевиден спектр тех активностей, которые допустимы в данном месте.

Кроме того, при интервьюировании выявилась следующая особенность: даже если респонденты говорят о каких-то практиках, в основном они относятся к прошлому. Таким образом, оценка смысловой насыщенности и текстуры той или иной локальности сталкивается с темпо-

ральной континуальностью взаимосвязи человека и места. Место может потерять свой прежний вид, перестать выполнять былые функции, но в сознании людей остаться тем же. Что в таком случае важнее учитывать: историю, актуальное или будущее? До конца неясно. В связи с этим, даже если информация о практиках была получена в ходе интервью, она требовала проверки и повторного осмысления.

Наблюдение, с одной стороны, очень помогает решить эту проблему. Наблюдая за локальностью в течение разных временных периодов, нескольких дней или недель подряд, можно увидеть, казалось бы, весь спектр активностей. Однако возникает проблема доступности некоторых мест, которые являются достаточно закрытыми — туда пускают только «своих», причем грань между «своим» и «чужим» порой проводится очень четко. Преодоление этой трудности в большей степени связано с погружением в контекст происходящего, с приобщением к жизни локального сообщества.

Эти и другие вопросы теоретического и методологического характера остаются пока без окончательного ответа и заслуживают последующего рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. AUGE M. *NON-PLACES. Introduction to an anthropology of Supermodernity* / Translated by -Howe J. London — New York: Verso, 1995. P. 77-78.
2. CASEY E.S. *Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 683-693.
3. DE CERTEAU M. *L'Invention du quotidien* // *Arts de faire*. 1990. Цит. по: Auge M. *Non-Places. Introduction to an anthropology of Supermodernity* / Translated by Howe J. London — New York: Verso, 1995. P. 121.
4. LATOUR B. *Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension* // *Common knowledge*. 1997. No. 6/3.
5. RELPH E. *Place and placelessness*. London: Pion, 1976.
6. URRY J. *Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century*. L. and N. Y.: Routledge, 2000.
7. WHITE W. H. *The Social Life of Small Urban Spaces* // *Project for Public Spaces Inc*, 2001. P. 125.
8. АССМАН Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / Пер. с нем. Сокольской М. / М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
9. БЕНЬЯМИН В. *Центральный парк* / Пер. с нем. А. Ярина // *Иностранная литература*. 1997. № 12.
10. БУРДЬЕ П. *Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение* // 2007. URL: [HTTP://WWW.GUMER.INFO/BIBLIOTEK_BUKS/SOCIOLOG/BURD/01.PHP]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
11. ВАХШТАЙН В. *Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории* // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4. № 1. С. 94-115.
12. ВЕБЕР М. *Город. Избранное. Образ общества* / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 309-440.
13. ВЕРЛЕН Б. *Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география* // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 2. С. 29-47.

14. ГАНЖА А. *Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве* // *Логос*. 2012. № 1. С. 289-310.
15. ГИ ДЕБОР Э. *Теория дрейфа* // 1958. URL: [HTTP://PSYCHOGEO.SPB.RU/PAGE_75.HTML]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
16. ГЛАЗЫЧЕВ В. Л. *Социально-экологическая интерпретация городской среды*. М.: Наука, 1984. 180 с. // URL: [HTTP://WWW.GLAZYCHEV.RU/BOOKS/SOC_ECOLOG/SOC_ECOLOG_3.HTM]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
17. ГОЛД Д. *Психология и география: Основы поведенческой географии*. М.: Прогресс, 1990. 304 с. URL: [HTTP://WWW.GUMER.INFO/BIBLIOTEK_BUKS/PSIHOLOG/GOLD/INDEX.PHP]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
18. ГРОЙС Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* // *Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»*. 2012 // URL: [HTTP://WWW.LITRES.RU/BORIS-GROYS-2/PUBLICHNOE-PROSTRANSTVO-OT-PUSTOTY-K-PARADOKSU/]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
19. ДЕ СЕРТО М. *По городу пешком* // *Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 2 // URL: [HTTP://SOCIOLOGICA.HSE.RU/DATA/2011/03/30/1211834290/7_2_2.PDF]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
20. ДЖЕКОБС Д. *Смерть и жизнь больших американских городов* / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
21. ДОБРЯКОВА М. С. *Исследования локальных сообществ в социологической традиции* // *Социологические исследования*. 1999. № 7. С. 125-133.
22. ДЮРКГЕЙМ Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
23. ЗИММЕЛЬ Г. *Большие города и духовная жизнь* // *Логос*. 2002. № 3-4 // URL: [HTTP://MAGAZINES.RUSS.RU/LOGOS/2002/3/ZIM.HTML]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
24. ЛЕФЕВР А. *Идеи для концепции нового урбанизма* // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2. № 3 // URL: [HTTP://WWW.HSE.RU/DATA/2011/03/30/1211856676/2_3_3.PDF]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
25. ПАВЛЮК С. Г. *Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху* / С. Г. ПAVЛЮК // *Постиндустриальная трансформация социального пространства России*. Сб. докл. Шестых Сократических чтений. — М.: Эслан, 2006. С. 94-115.

26. ПАРК Р. *Город как лаборатория // Социологическое обозрение*. 2002. № 3. Т. 2. С. 3–12.
27. ПАРК Р. *Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // ПАРК Р. Избранные очерки*. М.: ИНИОН, 2011а. С. 19–56.
28. ПАРК Р. *Городское сообщество как пространственная коммуникация и моральный порядок // ПАРК Р. Избранные очерки*. М.: ИНИОН, 2011б. С. 66–79.
29. ПАЧЕНКОВ О. *Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение*. 2012. № 117 // URL: [HTTP://WWW.NLOBOOKS.RU/NODE/2638]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
30. СЕМАШКО Л. М. *Тетрасоциология — социология четырех измерений. К постановке проблемы. 2001 // URL: [HTTP://ECSOCMAN.HSE.RU/DATA/113/689/1231/005SEMASHKO.PDF]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.*
31. СЕННЕТ Р. *Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе*. М.: Логос, 2002. 424 с.
32. СМирНЯГИН Л. В. *Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Л. В. Смирнягин // Региональное самосознание как фактор формирования региональной политической культуры в России*. М.: МОНФ, 1999.
33. СОЛОВЬЕВА Е. А. *Основы средовой психологии*. СПб.: СПбГАСУ, 2006. 188 с.
34. СОРОКИН П. А. *Социальное пространство, социальная дистанция, социальная позиция / П. А. Сорокин. Человек, цивилизация, общество*. Гл. Структурная социология. М.: Политиздат, 1992. С. 297–301.
35. СТЕПАНЦОВ П., БЕЗРУКОВ В. *Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии // Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7. № 3. С. 44–54.
36. ТРОФИМОВ А., ШАРЫГИН М., ИСМАГИЛОВ Н. *Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // 2008*. URL: [HTTP://WWW.GEO-VESTNIK.PSU.RU/FILES/VEST/84_TERRITORIALBNAQ_IDENTIFIKACIQ_V_GEOGRAFIJ.PDF]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.

37. ТРУБИНА Е. *Примираясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас*. 2013. № 89 // URL: [HTTP://WWW.NLOBOOKS.RU/NODE/3728]. ПРОВЕРЕНО: 10.11.13.
38. УОРНЕР У. *Живые и мертвые*. М., СПб.: Университетская книга, 2000.
39. УТЕХИН И. *Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»*. 2012. // URL: [HTTP://WWW.LITRES.RU/ILYA-UTEHIN/MESTO-DEYSTVIYA-PUBLICHNOST-I-RITUAL-V-PROSTRANSTVE-POSTSOVETSKOGO-GORODA/]. ПРОВЕРЕНО 10.11.13.
40. ФИЛИППОВ А. *Пустое и наполненное: трансформация публичного пространства // Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8. № 3. С. 16–30.
41. ФИЛИППОВ А. *Социология пространства / СПб: Владимир Даль*, 2008. 285 с.

Ирина Зябрева

Города как системы реального времени: новые подходы к изуче- нию поведения горожан в пространстве совре- менного мегаполиса

ВВЕДЕНИЕ

К началу двадцать первого столетия транспортные и информационные технологии достигли такого высокого уровня, что многие исследователи заговорили о смерти пространства и смерти городов. Кажется, что продолжающаяся глобализация, сопровождающаяся взрывным развитием информационных технологий (в результате появился, например, такой феномен, как удаленная работа) упразднит основу бытия города — территориальное разделение труда, тесное переплетение множества функций на ограниченной территории. Теперь человек не будет привязан к конкретному месту, города станут просто совокупностью невязанных объектов: жилых зданий, офисов, досуговых центров. Однако по прошествии некоторого времени силу стали набирать противоположные точки зрения, согласно которым города не исчезли и даже не потеряли своего значения — они просто изменились. Принципиально, что изменился не только внешний облик городов: их архитектура, инфраструктура, но и внутренние механизмы, обуславливающие функционирование города как единой системы.

Развитие информационных технологий постепенно приводит к формированию принципиально иного способа функционирования и восприятия городов и городского пространства, созданию города в цифровом измерении. Помимо сугубо

инженерных и управленческих сфер применения эти изменения затрагивают область взаимоотношения и взаимодействия города и горожан.

Такие две ипостаси города, как город в объективной реальности и образ этого города в головах людей существовали, наверное, с момента возникновения городов. Постепенно, с накоплением знаний и мнений о городе и его жизни, ментальная реальность стала оказывать влияние на реальность объективную. Но на протяжении веков воздействие это осуществлялось усилиями немногих харизматиков: вождей, градостроителей, архитекторов, философов. Произшедшая в последние десятилетия информационная революция позволила жителям городов включиться в этот процесс, стать не потребителями, а активными участниками преобразований городской среды. Социальные сети, блоги, фотохостинги становятся сейчас продолжением физического пространства города, местом приложения социальной активности людей, их общения и самовыражения, участия в формировании ментального и реального городского пространства.

Города изменились, но способы их изучения в значительной мере остались прежними: это традиционные социологические опросы, статистика, построенная на отчетности предприятий, экспертные заключения. Такие методы «не успевают» за стремительно меняющимися городами,

не могут обеспечить достаточной информационной базы для принятия эффективных планировочных и управленческих решений. Описанные выше изменения не только сами по себе являются важными и интересными для изучения, — они порождают огромное количество информации о жизни города. Побочным продуктом «цифровой» жизни города является создание массива данных, исследование которого может помочь исследователям приблизиться к пониманию процессов, происходящих в современных городах. Однако эти данные требуют новых методов исследования и анализа. Разработка подобных методов не может быть осуществлена силами специалистов, традиционно занимающихся изучением города: архитекторов, урбанистов, социологов и т. д. Так как изучаемая проблема лежит на пересечении сфер интересов многих наук — от кибернетики до социологии, подобные изыскания могут вестись только в научных коллективах, объединяющих специалистов из многих отраслей научного знания.

В настоящей работе были поставлены следующие задачи:

- рассмотрение изменений, произошедших с городами в результате быстрого развития информационных технологий;
- обзор источников информации о городе и различных сферах городской жизни, ставших доступными в результате этих изменений;

- рассмотрение методов обработки информации, полученной из новых типов источников;
- обзор некоторых проектов.

1. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В ГОРОДАХ

Для того чтобы показать масштаб и основные направления влияния информационных технологий на современные города, их облик и особенности функционирования, достаточно рассмотреть несколько «краеугольных» свойств городов. Что такое город? Перечислим основные черты, присущие городам и положенные в основу различных определений понятия «город».

1) Особый тип планировки, архитектуры, инфраструктуры — городской «хард»

Уже сегодня повседневное существование города, которое невозможно без регулярных поставок тепла и энергии, работы транспорта и связи, утилизации отходов и т. д., нельзя представить без применения информационных технологий. Для обеспечения эффективной и слаженной работы всех обслуживающих город организаций используются системы мониторинга и оповещения, базы данных, управляющие

системы. С каждым годом применение информационных технологий в этой области

2) Высокая плотность населения

Возрастающая нагрузка на социальные службы делает необходимым повышение эффективности систем предоставления государственных услуг населению. Достичь этого возможно, в том числе, за счет внедрения цифровых технологий. «Первоочередная задача — использование информационных технологий в социальной сфере. Они призваны активно помогать образованию, став средством формирования человеческого капитала и технологического развития экономики города и страны. Упростить доступ к медицинским услугам, став залогом оздоровления нации» [сайт информационных технологий города Москвы]. Так описывается роль информационных технологий в совершенствовании социальной сферы в городах на сайте созданного в 2011 г. Департамента информационных технологий города Москвы.

3) Склонность к инновациям и изобретениям

Одной из основных черт в совокупном портрете городов на протяжении веков считалась способность к созданию новых идей, изобретений, моделей поведения. Город

воспринимался людьми как кузница прогресса по сравнению с более консервативной сельской местностью. Сегодня существование развитых информационных технологий не просто является необходимым условием развития науки, — эти технологии позволяют создать информационное пространство, среду общения, которая уже при перенесении в реальное пространство города может породить технические и социальные инновации.

Тесно связана с этой стороной городской жизни и другая — роль города в формировании общества.

4) Место формирования гражданского общества

Появление гражданского общества и его институтов в греческих полисах или итальянских городах Эпохи Возрождения было бы невозможным без городской площади, на которой происходило тесное взаимодействие между горожанами. Масштабы современных городов не позволяют принимать общие решения путем прямого голосования на площади, но социальные сети и другие интернет-ресурсы становятся площадками для общения и взаимодействия горожан.

Не будем здесь говорить о роли городов как экономических центров, так как роль информационных технологий во всех сферах экономики очевидна.

2. ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ГОРОДЕ

Город является сложной, многофункциональной системой. Для того чтобы изучить, спрогнозировать развитие города и, тем более, как-то повлиять на него, необходимо обладать большим объемом

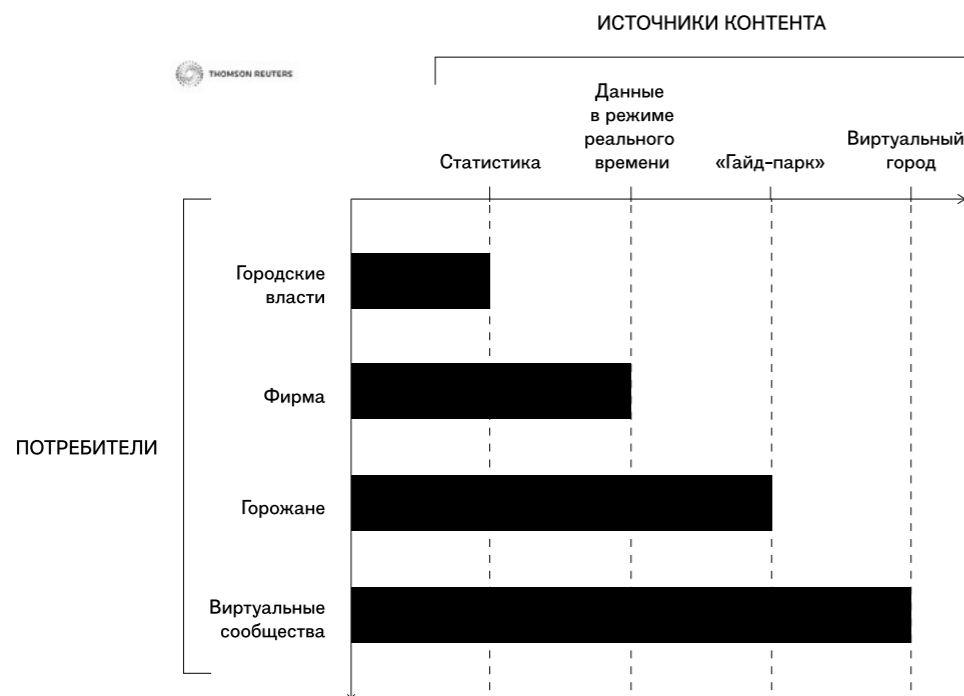
информации о нем, набором эмпирических данных, на основе которых можно вывести закономерности функционирования города.

Можно выделить три основных группы источников информации о городе и городской жизни и три группы пользователей этой информации (рис. 1).

Рис. 1.

Источники и пользователи информации о городе

Источник: [THOMSON REUTERS. URBAN DATA PROJECT]

1) Статистика

Эта группа включает в себя привычные для исследователя статистические источники вне зависимости от того, кто собирает данные: государство (службы государственной статистики), международные органы или какие-либо другие организации. Количество и качество (достоверность, актуальность, детальность, репрезентативность) информации, которую можно получить, значительно различается от источника к источнику. Используя источники этой группы, можно получить информацию о таких параметрах города, как:

- 1) размер города и его частей;
- 2) уровень его экономического развития;
- 3) отраслевая структура;
- 4) структура землепользования;
- 5) роль города в территориальном разделении труда;
- 6) основные демографические показатели населения: половозрастная структура, естественное и механическое движение и т. д.;
- 7) уровень жизни.

Главным недостатком этого источника информации является временной лаг, возникающий между изменениями и их отражением в статистике. Статистика «отстает» от реалий стремительно меняющихся городов и, следовательно, не может использоваться для проведения мониторинга городской жизни. Кроме того, информация,

полученная из источников этого типа, в большинстве случаев относится к экономической стороне жизни города. Она мало затрагивает такие сферы, как образ жизни, качество городской среды, динамика города, которые в настоящее время становятся значительными факторами развития городов.

Основные потребители информации из источников данного вида — городские и муниципальные власти, архитекторы-планировщики и ученые, занимающиеся городской тематикой.

2) Информация в режиме реального времени (real time data)

Причина возникновения источников этого типа — появление в современном мире такого феномена, как «большие данные» (big data) — огромного массива информации обо всех сферах существования человека (более подробно понятие «больших данных» будет рассмотрено далее), а также методов обработки и анализа этих сведений. Основная цель таких источников — осуществление оперативного мониторинга городской среды и процессов, происходящих в городе. Они дают оперативную информацию о динамике жизни города: транспортной ситуации, движении потоков людей, загрязнении. В современном мире использование подобных источников не является прерогативой ученых и городских властей:

серверы, обеспечивающие сбор информации о городе и обмен ею среди горожан, органично влились в жизнь жителей крупных городов и широко используются в повседневной жизни. Например, многие москвичи используют веб-сервер Яндекс. Пробки. В настоящее время круг тем, которые охватываются источниками этой группы, достаточно узок, они «не улавливают» многих аспектов городской жизни. Кроме того, уже существующий массив данных используется в сугубо прикладных целях, мало разработаны средства анализа и интерпретации получаемой информации.

Источники этого типа, особенности их использования будут рассмотрены в данной работе.

3) «Гайд-парк» — площадки для обмена знаниями о городе и открытой дискуссии горожан

К этому источнику информации относятся различные электронные порталы, предназначенные для диалога городских властей и горожан.

4) «Виртуальный город»

«Виртуальный город» — это общественное пространство, перенесенное в виртуальную реальность. Такие серверы в настоящее время только начинают развиваться, одна-

ко в дальнейшем им будет отведена значительная роль. Открытое пространство для дискуссии в сети Интернет — своеобразное развитие идеи городской площади, на которой горожане собираются для общения и совместного принятия решений. Очень важно, что в этом случае о городе говорят люди, знающие его жизнь изнутри. Уже не сторонний наблюдатель — исследователь оценивает нужды и потребности городских жителей, но сами горожане могут рассказать о том, каким они хотят видеть свой город. Кроме того, такая дискуссионная площадка сама по себе является важным инструментом формирования городского сообщества: люди начинают понимать, что они имеют реальную возможность повлиять на развитие своего города, и испытывают чувство ответственности за его настоящее и будущее.

В данной работе рассматривается второй тип источников данных — информация в режиме реального времени. Изучение этого источника представляется особенно интересным и востребованным, так как в настоящий момент уже существует огромное количество данных, однако адекватные методы их обработки и, главное, анализа пока не созданы.

3. ГОРОДА КАК СИСТЕМЫ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

3.1 Системы реального времени

Термин «системы управления в режиме реального времени» (real-time control systems, далее RCS) был заимствован геоинформатикой, а позже и геоурбанистикой, из кибернетики. Наиболее широко употребляемый русскоязычный аналог — «системы реального времени».

В научной литературе существуют разные определения понятия «система реального времени». Например, в работе С. Сорокина дается такая формулировка:

«Система называется системой реального времени, если правильность ее функционирования зависит не только от логической корректности вычислений, но и от времени, за которое эти вычисления производятся» [Сорокин, 1997].

RCS были созданы для повышения эффективности протекания различных процессов и функционирования различных систем (производственных, природных и т. д.)

По мнению Карло Ратти, основателя исследовательской группы SENSEable City lab, RCS имеет четыре ключевых компонента [CALABRESE ET AL., 2007]:

- система, в отношении которой осуществляется мониторинг;
- датчики, обеспечивающие получение

информации о состоянии системы в реальном времени;

- некий интеллект (intelligence), контролирующий развитие системы в нужном направлении;
- люди, разрабатывающие стратегию для получения желаемых результатов.

Таким образом, на начальном этапе создания подобных систем необходимо обеспечить постоянный мониторинг всех сфер жизни города «от экологии до психологии». Вот каким представлялось будущее таких мониторинговых систем в конце прошлого века (цитата взята из статьи Нейла Гросса, опубликованной в 1999 г.): «В следующем веке наша планета получит электронную оболочку. Основой для ее построения и функционирования станет сеть Интернет. Такая оболочка формируется уже сейчас. Она состоит из миллионов устройств: термостатов, манометров, датчиков загрязнения, камер, микрофонов, электроэнцефалографов. Эти приборы будут осуществлять мониторинг состояния городской среды и исчезающих видов, атмосферы, кораблей, автомобильных дорог, наших тел, разговоров и даже мыслей» [BIDERMAN ET AL., 2011].

3.2 Города как системы реального времени

Основной идеей многочисленных проектов под названиями «Умный город», «Город

будущего» и т. д. является превращение городов в саморегулирующиеся системы. Но может ли город функционировать как RCS? Не приведет ли это к чрезмерной автоматизации и «роботизации» городской жизни? Не будет ли продуманная строительная структура слишком механистичной и завязанной на технике (что, в свою очередь, приведет к нарушению устойчивости и стабильности)? Залогом жизнестойкости такой городской системы должен стать ее уникальный элемент — горожане. На протяжении веков городские жители были отлучены от непосредственного участия в управлении городской средой и в ее преобразовании. Теперь же развитие информационных технологий открывает перед горожанами такие перспективы. Необходимо создание платформы для накопления пространственной информации и обмена ею в реальном времени, за счет чего будет обеспечен доступ городских жителей к этим данным. Такая платформа позволит горожанам стать активными участниками процесса управления городской средой и ее преобразования, поможет сделать управление городом более демократичным.

4. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОВЕДЕНИЯ ГОРОЖАН

Ниже рассмотрена принципиальная схема метода исследования города с использованием информационных технологий, пред-

ложенная специалистами лаборатории SENSEable City Lab:

1. На первом этапе собираются пространственно-временные данные о городе (методы их сбора будут рассмотрены ниже). После накопления определенного массива данных можно делать выводы о многих важных характеристиках функционирования городов. Примерами таких характеристик являются направление и мощность основных пешеходных и транспортных потоков, особенности суточной и сезонной динамики; некоторые методы (например, использование ресурса Flickr) позволяют «замерить» популярность разных частей города у местных жителей и туристов. Далее анализируются процессы, происходящие в городе, их причины и последствия для города; результатом анализа становится создание модели «идеального поведения» (virtuous behavior model).
Критическая точка 1: разработка путей внедрения этой модели поведения в городскую среду путем использования новых технологий (например, новых средств транспорта, таких как велосипеды, оборудованные датчиками состояния городской среды, в совместном проекте лаборатории и городских властей Копенгагена — Copengagen Wheel).
2. После того как разработанные технологии проникают в городскую жизнь,

параллельно начинают происходить два процесса: во-первых, начинается своеобразная диффузия инноваций — разработанная модель поведения распространяется среди жителей города; во-вторых, во многих случаях «те, кто использует новые продукты и услуги, сами становятся активными сенсорами, собирающими данными о городской среде» [Gross, 1999]. (Как правило,

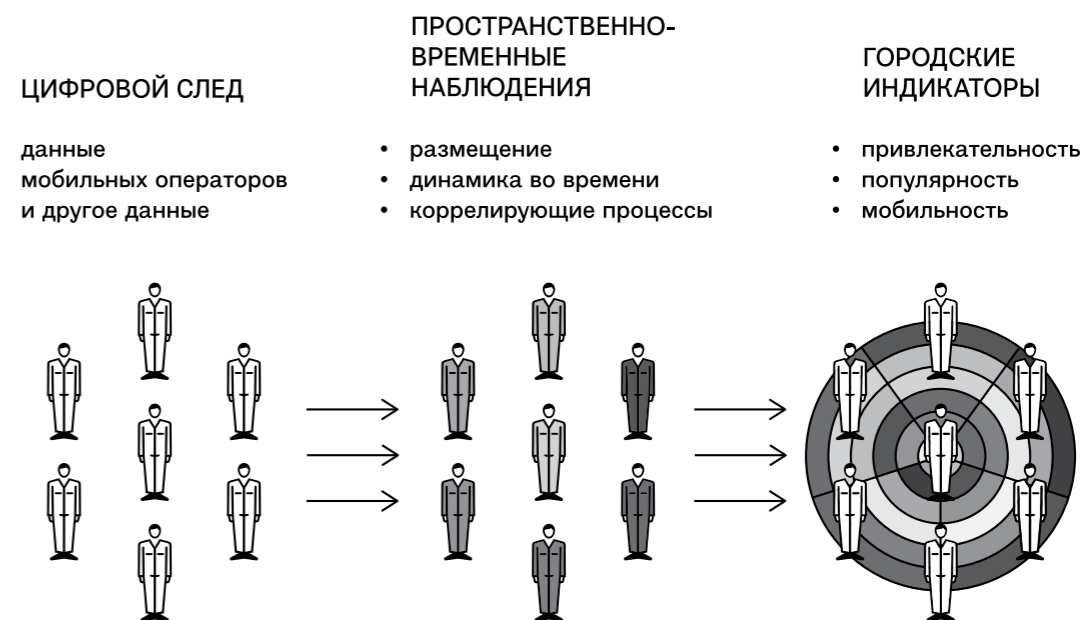
этот сбор информации осуществляется с использованием датчиков, которыми оборудуются велосипеды, автомобили, мобильные устройства.)

На сегодняшнем уровне работы лаборатории основное внимание уделяется первому этапу вышеописанной схемы: процессу сбора информации, методам обработки данных, способам визуализации и представления результатов (рис. 2).

Рис. 2.

МЕТОДОЛОГИЯ СБОРА ДАННЫХ.

Источник: [MARTINO ET AL., 2010С].

На первом этапе («Цифровой след») происходит получение данных непосредственно из городской среды (например, путем регистрации звонков мобильных телефонов). На втором этапе полученные пространственно временные данные анализируются, делаются выводы: определяется плотность населения и направление людских потоков, выявляются закономерности (сезонные, суточные, пространственные), корреляция различных процессов. На заключительном этапе («Индикаторы городской жизни») возможно создание таких индикаторов городской среды, как индекс привлекательности, связности и т. д.

Поскольку исследование посвящено процессу получения знаний о городе, его результаты могут быть использованы в самых разных целях: от принятия конкретных управленческих решений в области транспортной или градостроительной политики до научных исследований, ставящих задачей проанализировать функционирование городского организма. Создатели проекта предлагают такие практические сферы использования результатов исследований, как управление городом, планирование строительства дорог, оценка транспортной доступности, предотвращение и преодоление последствий чрезвычайных ситуаций и мониторинг дорожной обстановки.

Рассмотрим теперь основные источники, из которых можно получать данные о городе, и методы, применимые для каждого из этих источников.

4.1 Получение информации от стационарных сенсоров и с использованием GPS

Методологическая основа построения саморегулирующейся системы, получающей данные от большого числа датчиков, входящих в состав единой сети, была заимствована из концепции ITS (Intelligent Transportation Systems). ITS — транспортная система, использующая информационные технологии для выявления проблем и сбоев в функционировании системы [Martino et al., 2010b]. На настоящий момент существуют два основных способа функционирования таких систем (критерий, по которому они выделяются, — источник пространственно-временной информации):

- 1) получение информации от стационарных сенсоров;
- 2) получение информации с использованием GPS.

У каждого из этих методов есть свои недостатки: стационарные сенсоры требуют значительных затрат на установку и обслуживание, а кроме того, для получения целостной картины необходима густая сеть таких датчиков; при использовании GPS-датчиков необходимо, чтобы большая доля автомобилей была оснащена GPS-устройствами, поэтому в данном случае надежной и репрезентативной является только информация о функционировании крупных транспортных потоков.

4.2 Получение информации с помощью сотовой сети

Несколько лет назад начались исследования возможности сбора данных с использованием мобильных телефонных сетей. Значительное преимущество такого способа мониторинга заключается в повсеместной распространенности мобильных устройств и их использовании в повседневной жизни. Нет необходимости в создании сети датчиков — достаточно получить доступ к тем данным, которыми обладает любая телефонная компания, фиксирующая все звонки и SMS-сообщения своих абонентов. Вся изучаемая территория разбивается на ячейки (размер ячеек зависит от таких факторов, как размер территории, техническая оснащенность, цель исследования и может меняться в достаточно широком диапазоне). Для каждой ячейки на основе данных, предоставляемых мобильным оператором, возможно рассчитать целый ряд параметров, как то: количество пользователей, скорость и направление их передвижения, интенсивность взаимодействия (звонков) между соседними пикселями или всеми пикселями изучаемой территории.

В частности, результатом совместной работы SENSEable City Lab MIT и телефонной компании Telecom Italia стала разработка программной платформы, предназначенной для получения статистической информации о городе в реальном

времени на основе анонимных данных о передвижении абонентов сотовой сети. Звонки и SMS-сообщения фиксировались по отдельности. Большое внимание было уделено разработке системы, гарантирующей анонимность данных, в соответствии с постановлением Европарламента о защите персональных данных в секторе электронных коммуникаций.

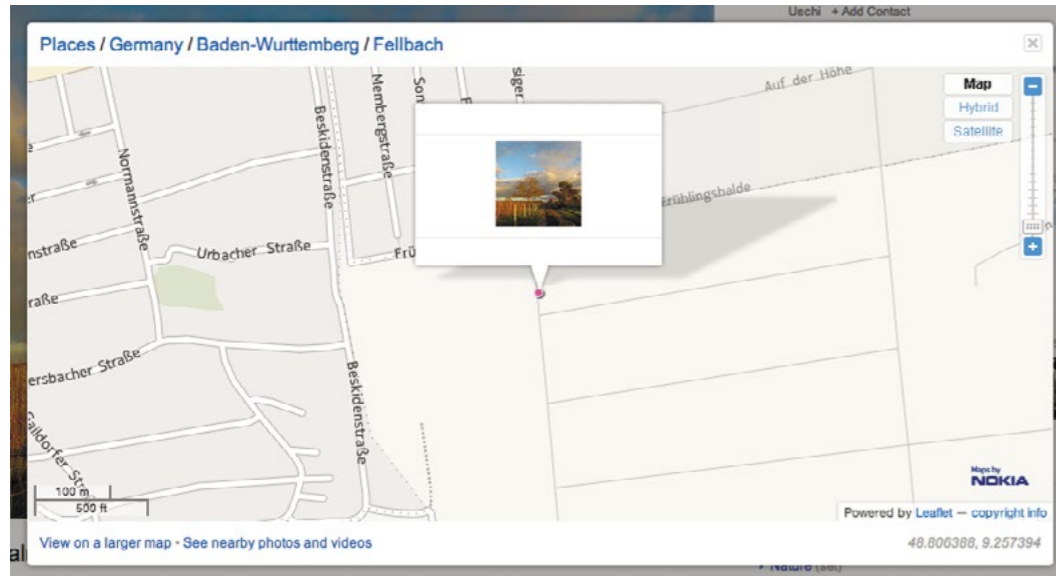
4.3. Получение информации с помощью социальных сетей

Социальные сети, а также фотохостинги Flickr — интернет-сервис, предназначенный для размещения цифровых фотографий и видеороликов. Flickr был запущен в начале 2004 г. и стал одним из первых сервисов Web 2.0. Этот фотохостинг является одним из крупнейших в мире (рис. 3).

К каждой размещенной на сервере фотографии пользователь может добавлять название, краткое описание и ключевые слова (tags); кроме того, все фотографии имеют географическую привязку и метаданные. Таким образом, для исследователя Flickr является поставщиком пространственной информации самого разного масштаба (сервис позволяет уточнять местоположение вплоть до отдельных домов). На основании анализа этой информации можно делать выводы о частоте посещаемости места, его привлекательности, особенности восприятия данного места людьми. При

Рис. 3.
ПРИМЕР СТРАНИЦЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ФОТОХОСТИНГА FLICKR

Источник: [САЙТ ФОТОХОСТИНГА FLICKR]

условии разработки метода исследования Flickr может послужить альтернативой социологическим опросам, направленным на выявление особенностей восприятия различных мест в городе: памятников архитектуры, парков, целых районов; только в этом случае нет необходимости в организации трудоемкого процесса сбора информации.

Так как данные персонифицированы (при регистрации пользователи сообщают краткие сведения о себе), исследование может проводиться по отдельным группам

в зависимости от пола, возраста, национальности, рода занятий, интересов etc. Методы обработки данных таких ресурсов, как Flickr и возможности применения полученных результатов еще мало разработаны. Пример использования полученных данных, предложенный МГУ, — выделение так называемых desire lines, наиболее популярных маршрутов в городе. Исходя из полученных результатов можно делать выводы о том, как люди используют городское пространство, и преобразовывать его соответствующим образом.

4.4 Получение информации с помощью навигационных систем

Один из немногих подобных проектов, осуществленных в России, — Яндекс.Пробки.

Каждый пользователь мобильного приложения Яндекс.Карты может участвовать в создании карты пробок, включив соответствующий режим. Информация о скорости движения на каждом участке пути автоматически передается в аналитический центр Яндекс.Пробки. Таким образом создается интерактивная карта транспортной ситуации в городе. Сегодня веб-сервер Яндекс.Пробки востребован горожанами — многие водители руководствуются данными портала при выборе маршрута (рис. 4).

Информация, доступная благодаря существованию этого проекта, на текущий момент используется в сугубо прикладных целях. Однако она может оказаться очень полезной для исследователей (как материал для анализа структуры транспортной сети, ее загруженности, особенностей использования) и для городских планировщиков (на основании анализа данных можно принимать обоснованные решения о строительстве новых развязок, мостов и т. д.).

Этот проект организован в соответствии с принципами действия систем реального времени (рис. 5) и соответствует критериям, приведенным в главе 3 настоящей работы (см. главу 3, раздел 3.1).

Рис. 4.

СХЕМА РАБОТЫ ПРОЕКТА ЯНДЕКС.ПРОБКИ.

Источник: [САЙТ ПРОЕКТА ЯНДЕКС.ПРОБКИ]

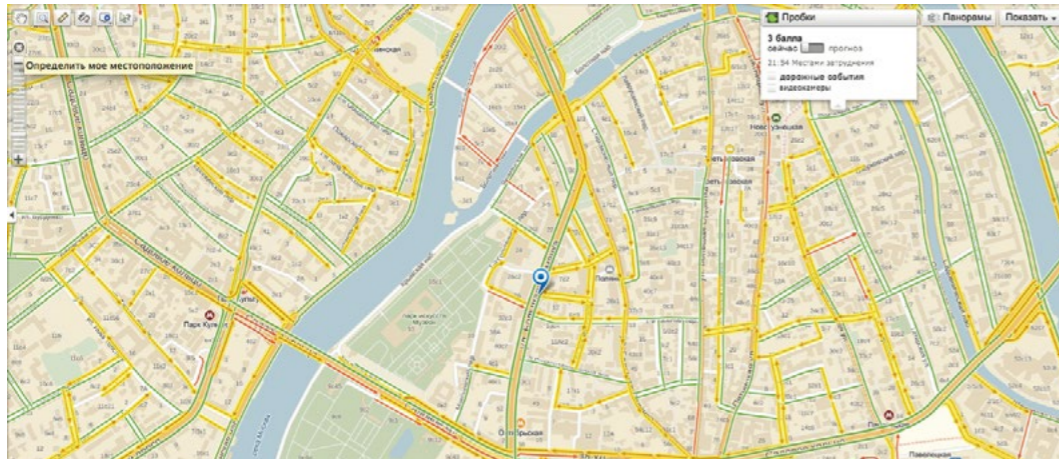

Источники информации о городе в режиме реального времени можно рассматривать в рамках условной шкалы, на одном полюсе которой находятся источники, не требующие активного участия горожан, а на другом — источники, существующие благодаря такому активному участию. Для рассмотренных выше источников эта шкала могла бы выглядеть так: сенсоры (стационарные и GPS) — информация с мобильных телефонов — информация из социальных сетей — информация из навигационных систем. Только в последнем случае горожане являются активными производителями данных: они принима-

Рис. 5.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДАННЫХ: ИНТЕРАКТИВНАЯ КАРТА.

Источник: [сайт проекта Яндекс.Пробки]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ют участие в их сборе осознанно, по своему желанию. В других же случаях данные являются «побочным» продуктом жизни города и могут собираться исследователями без ведома горожан.

Произошедшая в последние десятилетия информационная революция породила значительные изменения в жизни городов, механизмах их функционирования и развития. Побочным продуктом «цифровой жизни» города, протекающей в социальных сетях, на форумах, геоинформационных серверах и фотохостингах, является создание огромного массива данных о городе и городской жизни в режиме реального времени. Роль подобных данных в исследованиях городов, при условии разработки необходимых методов

анализа и интерпретации, со временем будет возрастать. В данной работе были выделены следующие важные особенности этих данных:

1) Ключевая роль городского сообщества

Информация о городе в режиме реального времени не может быть собрана без участия самих горожан. Невозможно создать всеохватывающую систему искусственных датчиков или получить необходимую информацию в результате полевых исследований, но жители города, регулярно использующие его дороги, улицы, дома и парки, могут предоставлять эту информацию. Примером проекта по сбору данных о городе в режиме реального времени силами горожан и использованию таких данных является портал Яндекс.Пробки. Поэтому возрастает роль городского сообщества, его социализации и участия в изучении и изменении города.

2) Важность методов визуализации

Объем исследуемых данных очень велик, поэтому для облегчения восприятия необходимы средства визуализации информации. Оптимальным инструментом визуализации является карта, обновляемая в режиме реального времени.

Качество городской среды во многом определяется способностью города к саморефлексии, к усвоению получаемой информации, выявлению происходящих изменений и быстрой реакции на них. Информационные технологии предоставляют возможность создания системы сбора данных о различных аспектах жизни города в режиме реального времени и оперативного реагирования. Важнейшим условием существования системы, помимо создания технических средств и инфраструктуры, является активное участие городского сообщества. Для эффективного функционирования подобной системы необходимо разработать новые методы анализа и визуализации данных.

БИБЛИОГРАФИЯ

Публикации в периодических изданиях:

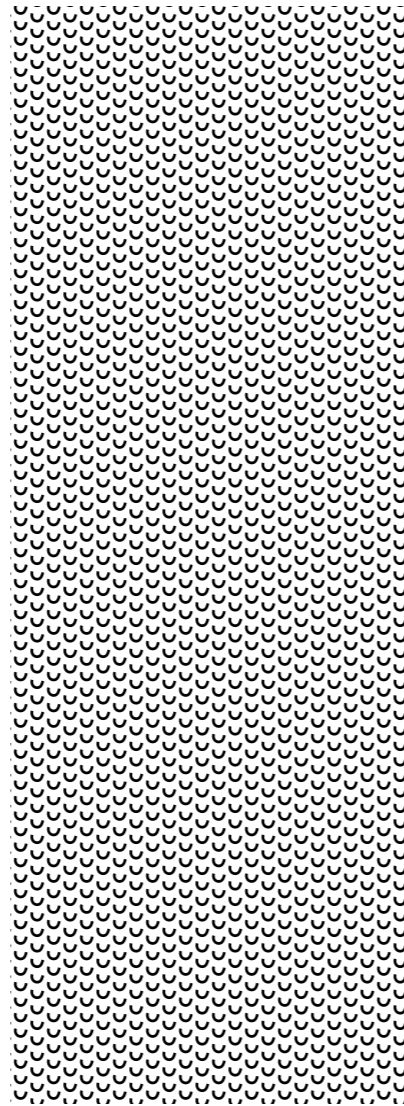
1. THOMSON REUTERS. *Urban data project*.
2. СОРОКИН С. *Системы реального времени. Современные технологии автоматизации. № 2. 1997. С. 22–29.*
URL: [HTTP://WWW.CTA.RU/PDF/1997-2/SOFTWARE6_1997_2.PDF](http://www.cta.ru/pdf/1997-2/software6_1997_2.pdf).
3. BIDERMAN A., NABIAN N., RATTI C. *SENSEable City Guide*.
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2011_SENSEABLE_CITY_GUIDE.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2011_senseable_city_guide.pdf).
4. CALABRESE F., KLOECKL K., RATTI C. *WikiCity: real-time urban environments. IEEE Pervasive Computing. 2007. Pp. 52–53.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2007_CALABRESE_ET_AL_WIKICITY_PERVASIVE_COMPUTING.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2007_calabrese_et_al_wikicity_pervasive_computing.pdf).
5. CALABRESE F., RATTI C. *Real-Time Urban Monitoring Using Cell Phones: A Case Study in Rome, I.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2010_CALABRESE_ET_AL_ROME_TITS.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2010_calabrese_et_al_rome_tits.pdf).
6. GROSS N. *The Earth Will Don An Electronic Skin / 21 Ideas for the 21st Century. Business Week. August 30, 1999. Issue 3.*
URL: [HTTP://LINK.SPRINGER.COM/ONLINE](http://link.springer.com/online).
7. MARTINO M., BRITTER R., BIDERMAN A., RATTI C. *Senseable city. 2010a.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2010_MARTINO_ET_AL_DUMS_SENSEABLE_CITY.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2010_martino_et_al_dums_senseable_city.pdf).
8. MARTINO M., BRITTER R., BIDERMAN A., RATTI C. *Senseable city, 2. 2010b.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2010_MARTINO_ET_AL_DUMS_SENSEABLE_CITY.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2010_martino_et_al_dums_senseable_city.pdf).
9. MARTINO M., BRITTER R., BIDERMAN A., RATTI C. *Senseable city, 3. 2010c.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2010_MARTINO_ET_AL_DUMS_SENSEABLE_CITY.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2010_martino_et_al_dums_senseable_city.pdf).
10. RATTI C., SOBOLEVSKY S., CALABRESE F. *Redrawing the Map of Great Britain from a Network of Human Interactions, 9.*
URL: [HTTP://SENSEABLE.MIT.EDU/PAPERS/PDF/2010_RATTI_ET_AL_REDRAWING_PLOSONE.PDF](http://senseable.mit.edu/papers/pdf/2010_ratti_et_al_redrawing_plosone.pdf).

Веб-сайты:

11. Официальный сайт проекта Яндекс.Пробки.
URL: [HTTP://YAPROBKI.RU/ABOUT/SOURCE.XML](http://yaprobki.ru/about/source.xml).
12. Сайт фотохостинга Flickr.
URL: [HTTP://WWW.FLICKR.COM/](http://www.flickr.com/).
13. Сайт информационных технологий города Москвы.
URL: [HTTP://DIT.MOS.RU/ABOUT/MISSIYA/](http://dit.mos.ru/about/missiya/).

Сергей Мохов

Городское «мертвое» пространство: к вопросу репрезентации

ВВЕДЕНИЕ

Разрушение и созидание лежит в основе деятельности каждого человека. По словам Фрейда, необходимость удовлетворения «мортидо» и «либидо» — это две базовые потребности. По сути, все продукты «производства» человека — это круговой процесс разрушения и создания. Так, земледелие является, по мнению Фрейда, идеальной деятельностью для человека как раз за счет своей цикличности и постоянной смены разрушения созиданием. Поэтому любой труд, «сделавший из обезьяны человека», и есть не что иное, как непрерывное разрушение во имя созидания. Жизнь ради смерти и смерть ради жизни: *«...Инстинкт смерти, очевидно, в потенциальной форме, гнездится в природе человеческой. Если бы цикл жизни людской следовал своему идеальному, физиологическому ходу, то инстинкт естественной смерти появлялся бы своевременно — после нормальной жизни и здоровой, продолжительной старости. Вероятно, этот инстинкт должен сопровождаться чудным ощущением, лучшим, чем все другие ощущения, которые мы способны испытывать. Быть может, тревожное искание цели человеческой жизни и есть не что иное, как проявление смутного стремления к ощущению наступления естественной смерти. В нем должно быть нечто сходное с неопределенными чувствами молодых девственниц, предшествующими настоящей любви»* [Мечников, 1961: 231].

Однако при всей своей кажущейся естественности «мортидо» постоянно вы-

тесняется из публичного пространства. Тема смерти проходит процесс сакрализации и даже табуируется, неизбежно попадая в область культурно этических понятий и ценностных систем. Смерть выходит за грань нормы и стигматизируется. По меткому выражению Ж. Бодрийяра, быть мертвым — значит демонстрировать неисправимо отклоняющееся поведение.

Древние культуры полностью описываются через взаимоотношения мертвых и живых и символические практики обмена между этими двумя метафизическими категориями. Смерть понималась как нечто обычное, без негативной коннотации. В средневековье на кладбищах кипела жизнь — шли гулянья, празднества. Происходил интенсивный обмен между мертвыми и живыми. Культура этого типа, охарактеризованная А. Гуревичем как «культура безмолвствующего большинства», курировала мир живых [Кетова, 2002]. В позднем средневековье ситуация меняется. С ростом индивидуализма и установлением протестантской этики смерть уже насыщается чувством меланхолии и определенной подавленности.

С процессом вытеснения смерти из публичной жизни связано и появление домов смерти — моргов. Стремление к «комфортной и правильной смерти» ведет сначала к появлению, а затем и бурному росту сферы ритуальной атрибутики. Мертвый отныне должен походить на живого. К XX в. смерть постепенно уходит из домов — люди

все чаще умирают в больницах и специализированных местах.

Вопросы смерти и насилия неизбежно переходят в сферу властных взаимоотношений. В попытках убежать от собственной смерти человек стремится подчинить ее, овладеть ей. Через подчинение, рационализацию происходит снижение напряжения, чувств опасности и страха [Бодрийяр, 2000: 272–273]. Человек учится объяснять, как «со смертью можно жить», как можно влиять на нее. В этом ему помогают медицина, здоровый образ жизни, спорт, религиозные и всевозможные символические и обрядовые практики и даже рыночная возможность подготовки к собственной смерти и выбор необходимой атрибутики. Иными словами, человек учится овладевать смертью и приручать ее.

Однако в рамках концепта овладения смертью речь может идти не только обо всем, что прямо связано с процессом биологического умирания, но и о том, что можно обозначить как влечение к смерти, начиная с таких явлений, как тяга к вредительству, саморазрушению. В перечень разрушительных явлений, характеризующих «некрофильский тип личности», входят не только попытки самоубийства, но и алкоголизм, вредительство, аскетизм, симуляция, полихирургия, преднамеренные несчастные случаи. Также логично говорить и о других моделях деструктивности — например, о тяге к физическому уничтожению материальных объектов [Шмидт-Хеллерау,

2003]. Кроме того, речь идет и об интенции к механизации, ностальгическим проявлениям, собирательству и коллекционированию [Фромм, 2004].

Таким образом, само понятие «смерти» и «мертвого» гораздо шире, чем биологическое его понимание. К объектам умирания могут относиться бытовые и вообще неодушевленные предметы. Подобные проявления «мортидо» находятся во всех сферах человеческой деятельности. При попытке найти их в городской среде оказывается, что подобное «мертвое» гораздо ближе и отчетливее, чем кажется на первый взгляд. К объектам умирающего социально-материального тела относятся разрушенные и брошенные дома, большое количество бесхозных предметов и простой бытовой мусор. Также сюда можно отнести и следы хозяйственных перестроек, сломанных и деформированных объектов, потерявших свою функциональность.

Город как социальный организм проходит те же стадии жизни, что и биологические организмы. Зарождение, рост, болезни, трансформации, отмирание некоторых частей и даже смерть сопровождают его в течение всего периода развития. Такого рода аксиоматические метафоры помогают по-новому взглянуть на процессы освоения пространства и его репрезентации в дихотомической паре «мертвое — живое».

МЕТОДОЛОГИЯ

Очевидно, что городское «мертвое» пространство проходит через определенный процесс освоения человеком, через некие практики рационализации, объяснения и нового применения. Цель данного эссе — выяснить, как эти объекты, аксиоматически определяемые как «мертвые» (прежде всего заброшенные здания), описываются (метафоры, стратегии, мотивы...) их посетителями. Надо отметить, что предметом вторичной авторской репрезентации и

интерпретации стали в основном заброшенные городские объекты — дома, заводы, бытовые здания и постройки, а также мусор, находящийся внутри.

В качестве предмета исследования выбраны высказывания, посты, комментарии в интернет-форумах, гостевых книгах, онлайн-дневниках и сообществах в социальных сетях, тематически связанных с городской средой и городом как таковым. Выбор источников обусловлен доступно-

стью получения информации, а также высоким уровнем содержания и наполнения контентом в данных сообществах.

Среди них можно особо выделить следующие сайты:

- сайт «Другой город»
[[HTTP://WWW.ANOTHERCITY.RU/](http://www.anothercity.ru/)];
- сайт о заброшенных местах «Города-призраки»
[[HTTP://URBAN3P.RU/](http://urban3p.ru/)];
- сообщество «Заброшенные места Москвы» в социальной сети vk.com
[[HTTP://VK.COM/CLUB18704008](http://vk.com/club18704008)];
- сайт по тематике «города-призраки, мертвые города»
[[HTTP://GORODA-PRIZRAKI.RU/](http://goroda-prizraki.ru/)];
- блог Сталкеров
[[HTTP://BLOG.STALKERSWORLD.RU/](http://blog.stalkersworld.ru/)];
- сообщество «Мертвые города» в социальной сети vk.com
[[HTTP://VK.COM/GHOSTS_TOWNS](http://vk.com/ghosts_towns)].

В ходе этого небольшого исследования был реализован метод нетнографии (наблюдение в режиме онлайн) как способ сбора данных. Автором данного термина принято считать Роберта Козинца, профессора Йоркского университета бизнеса в канадском Торонто [KOZINETS, 2006: 129–142].

«Нетнография» — достаточно новый термин, обозначающий подход к этнографическим исследованиям, сосредоточенный на различных видах онлайн-сообществ и культур [GARCIA ET AL., 2009: 52–84].

Отбор сообществ осуществлялся по принципу максимальной вариативности.

Рассматривалось шесть онлайн-сообществ, которые различаются по количеству участников, географии, платформе. Онлайн-наблюдения длились две недели.

Такого рода текстуализация ощущений помогает лучше понять процесс ежедневного столкновения и взаимодействия с проявлениями «мортидо» в городе и увидеть, как через вторичное освоение данного пространства происходят его подчинение/оживление и рефункционализация.

Для описания дискурсивных практик были выбраны четыре исследовательских фокуса, через которые возможно отображение, описание практик взаимодействия с объектами: звук, движение, взгляд, запах. Именно по этим четырем точкам и будет построено описание.

ЗАПАХИ

Запахи являются одним из первичных и базовых элементов при описании опыта посещения заброшенных мест или других покинутых людьми элементов городского ландшафта. Запахи присутствуют практически в 2/3 сообщений и основных по-

стах о поездках и экспедициях в подобные места. Этим интересуются и комментаторы, спрашивая у авторов публикаций, как пахло в том или ином посещенном месте или с чем ассоциируется запах, встреченный там.

Однако, как правило, в подобных описаниях запахам придается не самая важная роль, в отличие от материальных элементов: мусора, забытых и оставленных предметов. Запахи скорее служат подтверждением «особенности» данного места, неким маркером и инструментом его спецификации — в том числе и для определения его бывшего назначения: «больница», «склад», «завод». Именно поэтому запахи ассоциируются с неким родом деятельности:

«Пустоватые и скучноватые цеха. Но именно осенью, в пасмурную погоду в них становится довольно живописно. Грохочущее железо, запах отработки и атрибуты советского дизайна»¹.

Можно сказать, что именно запах оживляет покинутое и мертвое пространство, реанимирует его в представлении случайных посетителей, позволяя им вернуться в те времена, когда здесь все функционировало. Запах выступает связующим звеном между прошлым и настоящим, инструментом погружения человека в ткань пространства и его функциональность. С помощью запаха любой посетитель может попасть в прошлое и почувствовать прямо сейчас, как пахло тогда, как «жило» это место еще совсем недавно:

«Эх, кажется, даже от фотографий чувствуется тот самый запах» — там же внутри

запах специфичнейший... Пахнет краской, резиной, тканевой оплеткой, маслом... Такой характерный запах военной радиоаппаратуры».

При этом все запахи описываются как тяжелые. Это не спектр ароматов, а доминанта одного запаха, характерного именно для данного пространства. Место не может пахнуть легко, иметь едва уловимый запах. Прошлое навсегда осталось в воздухе:

«Бывший военный госпиталь находится в центре города. Он огорожен высоким бетонным забором. По ту сторону забора тихо. В первые минуты затхлый запах забивает нос, как вата, но потом привыкаешь».

Запахи не текстуализируются как новые, как меняющиеся или как воссозданные. Они являются наследием прошлого, признаком тления, разложения окружающих предметов. Запахи умирают вместе с пространством, несмотря на то что они остаются здесь долгое время и имеют прямую связь с объектом. Хотя посетитель всегда может уловить связь запаха и места, запах все равно подвержен изменению, своеобразному тлению.

Запахи маркируют пространство как «мертвое». Они описываются как холодные, сложные, тяжелые, сырые, неприятные и едкие. При этом в этом и состоит вся их привлекательность. Им приписывается набор определенных перемен-

ных, которые делают их уникальными и желанными.

«Топот ног, холмик, небольшой спуск и звук крутящегося штурвала — Гермодверь открыта, затхлый запах сырости зовет нас внутрь, в неизвестность...»

«Не было затхлого запаха, не ощущалась сырость и прохлада, наоборот, в доме было уютно и тепло, и пахло».

«В нос ударяет запах подвала — холодный запах сырости, земли и гниющей картошки».

Запахи имеют свою память. Они передают прошлое, реконструируя в настоящем утраченное. Именно своей непривычностью, своей непохожестью они и привлекают. Они становятся уникальным маркером пространства:

«Чем же привлекают такие дома? Своей атмосферой, загадочностью и особым запахом. Запахом истории, чьими-то судьбами, желаниями. Попадая в такой дом, чувствуешь себя исследователем. Аккуратно ходишь по дому и осматриваешь каждую комнату».

В используемых описаниях запахи играют и роль того индикатора, что отделяет собственные воспоминания, фантазии от реальности. Запах помогает воссоздать прошлое, прикоснуться к нему. При этом

не только пространство имеет запахи, но и предметы, находящиеся в нем:

«Бесконечные мириады пустынь коммунальной вселенной, в которых так легко потеряться. Где бы ты ни был — ты помнишь вкус, запах и бесконечность того пространства, в котором ты обитал, несмотря на то, каким ничтожно тесным оно было».

Таким образом, можно говорить, что «мертвое городское» пространство (заброшенные здания) описываются посетителями как места, обладающие, прежде всего, сильным, доминирующим запахом. Запах этот имеет природу тления и разложения объекта, его трансформации. Он выступает связующим звеном с прошлым, описывает и рассказывает историю этого места и поясняет его функциональность. Запах — это

¹ Здесь и далее сохранена стилистика авторов сообщений.

структурный элемент, помогающий понять «мертвое место».

ДВИЖЕНИЕ

Попытка освоения заново «мертвого» пространства осуществляется через некую проверку «окончателности» смерти. Если жизнь — это движение, то смерть — это покой, определенная обездвиженность. Посетители пытаются проверить, мертв ли объект, утратил ли он свою функциональность, проверяя его способность к движению. Таким образом, действует логика: мертвый объект — это объект, утративший свою возможность к движению.

«Все люки открываются, и запах еще не выветрился».

В этом контексте предмет еще можно оживить, воссоздать, вернуть в человеческую жизнь. Если предмет не утратил свою способность к движению, значит, он не окончательно мертв. Значит, его можно встроить в систему властных отношений, подчинить и воссоздать в дихотомической паре «жизнь — смерть»:

«Ручки двигаются, правда, ничего не включается и не работает».

Старые предметы могут быть «практически новыми», не отжившими свое. Время

над ними еще властно, оно их как бы вырвало из общего вектора истории, погрузив в небытие, но смерть объекта не конечна, если вырвать его из контекстуального пространства и дать второй шанс:

«Все покрылось ржавчиной, но несмотря на это кажется, что неплохо сохранилось. Если почистить, то будет практически новое».

При этом такого рода тест на пригодность к реанимации не должен разрушать тонкую ткань сложившегося пространства. Ведь если нельзя вернуть предмет, то надо оставить все как есть — не вытаскивать его из смерти, а дать возможность остаться в истории данного места:

«Нужно проникнуть в вечность, не задев ничего, оставив все так, как было, когда уходили последние люди».

Однако необходимо отметить, что люди, являющиеся посетителями этих мертвых пространств, преследуют разные цели в ходе своих экспедиций. Если одни приходят насладиться процессом ухода в небытие этих самых пространств и через созерцание подчинить этот процесс себе, то другие пытаются реанимировать данные пространства, предоставить им вторую жизнь в новом образе. И здесь движение тоже играет свою роль. Размер пространства становится его преимуществом. Преимуществом для реконструирования, прове-

дения культурных мероприятий, создания арт-объектов, преобразования в пространство новой функциональности — склад, производственный объект и т. п.

В любом случае движение является одним из важнейших показателей «оживления» и подчинения мертвого пространства. В перечень «оживляемых» объектов попадают выброшенные предметы, сломанные игрушки, городские свалки — любой материальный объект, функциональность и предназначение которого нарушены. Где-то между состояниями жизни и смерти

застыли ремонтные мастерские, пункты продажи бывших в употреблении вещей и другие пространства реабилитации и оживления, подчинения смерти.

ВИД

Мертвое хаотично. Оно брошено как попало, оставлено в спешке. В этом беспорядке, а точнее, в его описании чувствуется некоторая внезапность. Смерть приходит внезапно, и очевидно, что мертвое имеет

схожую характеристику: неожиданность. Пространства не умирают запланированно, в их заброшенности считывается необходимость, резкая смена обстоятельств. Смерть страшна именно тем, что она не может быть предугаданной, и смерть пространств подчинена этим же правилам:

«Внутри много интересных вещей, которые свидетельствуют о нескольких отраслях индустрии и даже научной деятельности. Все разбросано — видно, было ненужно, среди предметов встречается много интересного».

В описании подобных пространств чаще всего встречаются слова «брошенные», «сохранено», «лежат», «разбросаны», «оставили», фразы, указывающие на догадку («кажется, здесь было...»), «это очень похоже на...»), сообщения о принадлежности и рабочем/нерабочем состоянии объекта:

«Некоторые станки были закрыты белыми простынями, как накрывают покойников. Под простынями оказались уже никогда не работающие агрегаты».

«...На столах лежат вещи в том же положении, как их оставили последние сотрудники этого огромного НИИ».

Несмотря на возможную и даже частную физическую близость описываемых объектов, они отстранены и удалены от потенциального взаимодействия. Такого

рода стигматизация описывается словами «закрыто», «вдалеке», «недоступно»:

«...Мы долго не могли пройти туда, здание заросло деревьями, входа не было».

При этом недоступность объекта может быть весьма условной. Так, например, мешать проходу и контакту с данной областью могут ветки, выросшие деревья, камни, отсутствие прямых дорожек, обветшалый забор. В данном случае важна скорее символическая отстраненность.

Таким образом, «городское мертвое» не целостно, его оболочка нарушена, вскрыта. Если это здание, то описывается обветшалость стен, отсутствие элементов архитектуры, окон; если это предметы — фрагментированность, потеря внешнего вида. Объект внешне всегда отличается от «живого» и легко считывается. Живое не может быть оставлено, а мертвое всегда отстранено.

ЗВУК

Мертвое молчит. Оно никогда не заговорит, не издаст никакого звука, который характеризуется как звук живого движения, созидательного движения. Так же, как и запахи, что доминируют, подавляют, являются главными в мертвом пространстве (и делают пространство таковым), звуки в нем однообразны, бессмысленны. Они едва заметны, но всегда монотонны, легко отличимы:

«Вы никогда не прислушивались к тишине в старых заброшенных зданиях? В них во всех при-

сутствует один характерный звук. Если надолго остаться в здании одному, то его можно услышать в любой момент. Но в старых заброшенных зданиях он громче. Звук похож на тиканье механических часов. Обращаю внимание, ПОХОЖ, если прислушаться, то отличия все же есть».

Звуки мертвого пространства характеризуются предметами, что находятся во власти умирания и ухода в небытие. Это звуки индустрии, механики, неживого, неодушевленного:

«Очень интересные звуки. Почти всегда одни и те же. Звук железа, ударов, соприкосновения предметов».

«Вам не очень уютно в этом месте. Странные звуки издаются».

«У него вместо окон — плохо закрепленные железные листы. И от ветра, бьющего в стены здания, они издают самые разнообразные звуки, похожие на шаги, открывание дверей, стук молотка и работу агрегатов».

«Находясь в одном из заброшенных больничных блоков, он слышал странные звуки — скрип ржавой двери и звяканье по крыше».

Иногда мертвые пространства и вообще молчат. Они давно покинуты. Кроме старых предметов ничто более не может издавать звука. Это пространство тишины, которая пугает своей непривычностью:

«То, что сразу привлекает внимание, — это отсутствие звуков. Полная тишина, где-то вдалеке только слышно, как город шумит, но здесь пугающая тишина».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мертвое городское пространство не однообразно. Как писалось выше, оно может включать в себя огромное количество объектов — мусор, свалки, сломанные предметы бытового и хозяйственного назначения, заброшенные дома и заводы.

Большинство практик освоения не рефлексировалось людьми. Практики освоения, возможно, следует фиксировать при помощи нескольких инструментов социальных исследований: включенного наблюдения, интервью и других качественных методов. Одним из возможных способов анализа может послужить и изучение того, как люди, целенаправленно посещающие такие места, описывают свой опыт.

Из вышеприведенных примеров видно, как происходят текстуализация и репрезентация практик освоения мест, которые можно характеризовать как «мертвые пространства» города.

Эти объекты всегда отличаются несколькими типичными характеристиками:

— Сильный, доминирующий запах

Это запах тления и разложения предметов. Они меняются вместе с пространством и умирают с ним же. Запах маркирует место как специализированное, позволяя определить его назначение в прошлом.

— Потеря функциональности

Мертвое городское пространство и предметы, его наполняющие, потеряли свою функциональность. Они не двигаются. Если же есть возможность их движения, значит, их еще можно вернуть к жизни, придать им новую спецификацию.

— Отсутствие целостности

Мертвые объекты имеют нарушенную «оболочку»: они повреждены, испорчены как функционально, так и внешне.

— Отстраненность объекта

Объекты удалены, отстранены от «живого» пространства. Даже если они находятся в непосредственной близости от него, всегда есть что-то, что мешает их визуальному включению в публичное, общее пространство.

— Отсутствие звуков или технический, неконтролируемый, однообразный звук

Звук, как и запах, однообразен. Он сложный, тяжелый и глухой. Его сложно контролировать, его свойства обусловлены потерей функциональности, работоспособности, а как следствие, и жизни.

При этом ни один из этих признаков не является исключительным или, говоря точнее, необратимым. Выше было отмечено, что практики освоения пространства включены в процесс присвоения и подчинения данного пространства и тех предметов, что с ним связаны. Старые, мертвые места и предметы могут быть возвращены к жизни через приписывание и придание им новой функциональности — путем ремонта, помещения в иной контекст. И, конечно же, путем посещения и освоения живыми людьми: благодаря этому данные объекты все еще остаются «нужными» и остается надежда на их возвращение в жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

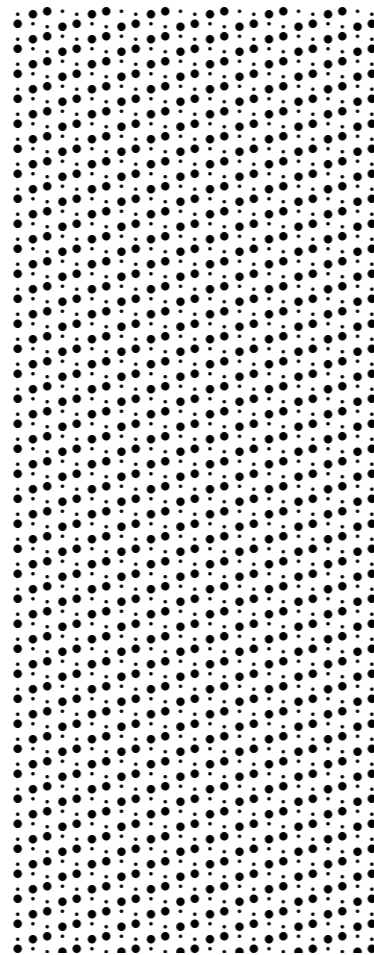
1. БОДРИЙЯР Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000.
2. КЕТОВА Т. Н. *Жизнь и смерть в метафизическом и социальном пространстве*. 2002. URL: [HTTP://CREDONEW.RU/CONTENT/VIEW/304/54](http://credonew.ru/content/view/304/54).
3. МЕЧНИКОВ И. И. *Этюды о природе человека*. М., 1961.
4. ШМИДТ-ХЕЛЛЕРАУ К. *Влечение к жизни и влечение к смерти. Либидо и Лета. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории*. СПб., 2003.
5. ФРОММ Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ, 2004.
6. KOZINETS, ROBERT V. *Netnography 2.0 / Handbook of Qualitative Research Methods in Marketing*, Russell W. Belk (ed.). Cheltenham, UN and Northampton, MA: Edward Elgar Publishing. 2006.
7. GARCIA, A. C., STANDLEE, A. I., ВЕЧКОФФ J., CUI Y. *Ethnographic Approaches to the Internet and Computer-Mediated Communication / Journal of Contemporary Ethnography*, No. 38 (1), February 2009.

РАБОТЫ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
2013 ГОДА:
**ПРОЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Анастасия Мокроусова, Константин Глазков

Пространственно-сетевой подход к изучению потенциальных городских сообществ

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЗОР ДИСКУССИЙ

Общие проблемы и ограничения в изучении сообществ

В урбанистическом дискурсе среди проблем больших городов часто отмечают отсутствие низовой интеграции населения. Исследовательский вопрос имеет глубокие корни и рассматривался в ставших уже классическими текстах Г. Зиммеля и Л. Вирта. Так, Георг Зиммель замечает, что «нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие», а также что «физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» [Зиммель, 2002: 27, 30]. С ним соглашается и Льюис Вирт, отмечая, что в городе при явной тесноте физических контактов контакты социальные дистантны, что порождает одиночество и фрустрации, а включенность в слишком большое количество групп не позволяет человеку посвятить себя более глубоко жизни какой-то одной группы [Вирт, 2005: 93–118]. Сообществ, понимаемых как реальные группы (сплоченные и действующие), достаточно мало в сравнении со специфически сплоченными и эпизодически действующими, и особенно редко они формируются по территориальному признаку. Суще-

ет множество концепций и определений сообщества, а также методов, которые на данный момент, однако, уже достаточно слабо «улавливают» современные их формы [см., например, JENKS, DEMPSEY, 2007: 153–177; GALLENТ, 2007: 97–106]. В этой связи появляется необходимость как в теоретической проработке понятия «сообщества», так и в поиске новых (или же позаимствованных из смежных для городских исследований дисциплин) методов, способных выявлять неочевидные связи. На наш взгляд, уместно даже такое словосочетание, как «потенциальные сообщества», особенно если эти сообщества выделяются с точки зрения исследователя по неким важным для него основаниям. При этом члены сообщества совсем необязательно ощущают свою причастность к нему (например, до определенного времени, пока не произойдут события, способные заставить этих людей осознать свои общие интересы).

Города сильно изменились за последние десятилетия. Рост плотности и скорости коммуникаций в области передачи информации и транспорта повлиял на облик современных больших городов. Увеличение мобильности иногда связывают с потерей территориальной принадлежности (идентичности), но это не всегда так. Например, исследование шведского ученого П. Густафсона показывает, что территориальная принадлежность никуда не исчезает — она лишь приобретает другие формы и масшта-

бы. По словам исследователя, человек чувствует принадлежность к более широкой территории, чем раньше, иногда не теряя при этом и чувства принадлежности своему району (соседству) [GUSTAFSON, 2009: 490–508].

Если исходить из того, что «на ранней стадии развития “community studies” сообщество мыслится как функция от индивидов и территории» [Вахштайн, 2011: 76], в современных исследованиях нам придется либо принять такой подход, либо выбрать альтернативный, например связанный с объединением сообществ через сети коммуникации, либо постараться балансировать между этими подходами, допуская, что оба они могут быть применены для объяснения современных городских сообществ. В нашем проекте мы остановимся на последнем варианте и постараемся сохранить баланс между условным «территориальным» и «сетевым» подходами. Ведь, изучая пространство, необходимо различать пространство, в том числе, как тему коммуникации наблюдателей [Филиппов, 2008: 120]. В этом случае мы, с одной стороны, анализируем коммуникацию людей, их высказанное отношение к определенным объектам, то есть смотрим на сообщество с точки зрения « сетевого » подхода, а с другой стороны, анализируем связь тех территорий, на которых проживают респонденты, и территорий, которые они используют в повседневных практиках, то есть основываем свои рассуждения, скорее, на «территориальном» подходе.

Каждый из подходов в отдельности имеет свои ограничения; так, если в построении сообщества преобладает территориальный признак, то, вероятно, такие сообщества обретают достаточно жесткие границы, что приводит к различным видам сегрегации в больших городах. В частности, Д. Торнс приводит следующий пример построения городских сообществ. «Построение соседских связей может быть выполнено несколькими способами. Первый заключается в использовании ограничивающих договоров и исключаящих практик зонирования. Такие ограничения создаются для того, чтобы не пускать людей, которые не соответствуют местному образу. Эти договоры могут предусматривать такие вещи, как минимальная площадь помещения, минимальная цена дома, который можно построить на данном месте, типы материалов и пр. Подобные ограничения обычно используются более высокими социально-экономическими группами и формируют часть их “стратегии сближения”; чтобы обеспечить это, поддерживаются цены на собственность, близость, этничность, гендер и родство» [THORNS, 2002: 112]. В исследовании Мэтью Кармоны (MATTHEW CARMONA) рассматривается аналогичный пример, но на более локальном уровне: «это может быть явлено, например, в виде входной платы, привязанной к серии кодифицированных правил и инструкций, часто указанных на билете. Множество внутренних публичных пространств — музеев, метро и т. д. — ис-

пользуют данную стратегию. Более тонкая тактика подразумевает установление визуальных сигналов, которые сообщают, что приветствуются только платежеспособные, а те, кто не входит в данную категорию, будут восприняты с подозрением или даже задержаны. Вошедшие должны заявить о своем праве на вход особыми наборами визуальных сигналов, в частности одеждой. Яркий пример — эксклюзивные торговые пассажи: с виду они открыты для всех, а на деле лишь для тех, кто способен покупать» [CARMONA, 2010: 138].

Сетевой принцип построения может иметь и отрицательные стороны. Так, потеря жителями чувства места, территориальной принадлежности может сказаться и на самих территориях: «ничейная» земля с гораздо большей вероятностью превратится в заброшенную и пустынную, чем земля, которую люди считают «своей».

Для анализа пространства пока нет единого и ясного языка описания, поэтому исследователям приходится на основе многочисленных социологических теорий каждый раз создавать особый способ описания и работы с объектом. Вот почему столь важно изучать основные существующие разработки в этой области и с осторожностью сочетать их в новых исследованиях. Так, например, согласно Дюркгейму, представления о пространстве порождаются самой группой, причем они для нее есть нечто самоочевидное. Категориальный аппарат Зиммеля дает возможность

изучать взаимодействие людей в пространстве, а также сделать важные замечания о соотношении единства пространства и единства группы. У Парсонса мы находим анализ связи социальных ролей, пространства (так, коллектив, чтобы сохранять свое существование, должен разделять общую территорию взаимодействия) и норм [Филиппов, 1995: 421–476].

Идентичность имеет тесную связь с пространством: «пространство продолжает быть значительной частью того, как люди организуют и осмысливают свою жизнь, и позволяет им идентифицировать себя с тем, кем они хотят себя видеть» [Линч, 1982: 98]. Как пишет Кевин Линч, «людям приятно “знать” большой город, его историю, и сильное чувство места поддерживает чувство самотождественности личности» [Линч, 1982: 236].

К. Линч писал, что в городах есть такие места, сохранением которых обеспокоены почти все жители. Именно эти места и «составляют подлинно общественную сферу — те значимые внешние или внутренние пространства, которые очевидным образом доступны широчайшей публике и действительно используются ею: главные улицы, парки и скверы, площади, а также главные вестибюли, платформы метрополитена, большие залы и универмаги» [Линч, 1982: 236]. *Наше исследование будет касаться в основном именно таких мест в городе, значение которых важно для того или иного (потенциального) сообщества.*

Дилемма территориального и сетевого подходов

Связь расстояния между людьми и уровнем их сплоченности подробно проанализировал Георг Зиммель в главе из книги «Социология», «Пространство и пространственные порядки общества». По его мнению, большие расстояния между людьми и невозможность встретиться иногда способствуют укреплению взаимной привязанности, а проживание в непосредственной близости друг от друга вовсе не обязательно побуждает к сплочению. Зиммель как раз приводит в пример большие города, где люди зачастую безразличны именно к своим ближайшим соседям. Такие рассуждения, с одной стороны, говорят против использования территориального подхода для анализа современных городских сообществ; с другой стороны, Г. Зиммель замечает, что слишком дальнее расстояние, которое исключает любую возможность общения и встречи, в итоге тоже снижает сплоченность и привязанность друг к другу. Впрочем, необходимо помнить о том, что в рассуждениях Зиммеля не могли быть учтены новые формы коммуникации в современном мире, позволяющие людям преодолевать значительные расстояния за короткое время и находиться на связи практически вне зависимости от своего местоположения. Однако классик понимал силу грядущих изменений. По словам Франка Лехнера, анализировавшего вопро-

сы социального пространства в творчестве Зиммеля, последний приходит к выводу, что современное общество становится все более «ацентричным», *centreless* (даже находясь на одном месте, можно сейчас наслаждаться преимуществом «виртуальной» мобильности) [LECHNER, 1991: 199] и абстрактным в отношении человека к пространству (у людей все чаще нет необходимости присутствовать в каком-то определенном месте для совершения тех или иных операций, которые раньше требовали физического присутствия) [LECHNER, 1991: 200]. Определенная проблема снижения привязанности к месту проживания все же существует. Люди зачастую проводят в месте жительства, где и должно существовать «соседство», меньше времени, чем в других частях города. Согласно исследованию П. Густафсона, которое уже упоминалось выше, чувство локальной территориальной принадлежности ослабляется, если ежедневный путь (например, от дома до работы) занимает более часа. Сообщество не может нормально выстраиваться в ситуации, когда человек не чувствует к нему привязки.

Вероятно, наличие постоянного доступа в Интернет со временем повлияло на социальные взаимодействия гораздо больше, чем возможность позвонить человеку. Сеть общения, связанная с определенным пространством (например, в случае общения людей, стоящих в пробке) фактически создает новые, хотя и достаточно аморфные,

сообщества. Пространство перестает быть просто физической средой с машинами, пусть и передвигающимся по определенным правилам, но становится местом коммуникации, а значит, наполняется новыми смыслами, образами и знаниями других людей, позволяющими конструировать пространство чуть иначе. Уже существуют карты местности, созданные с использованием разнообразных сетевых ресурсов, где люди могут делиться описаниями, мнениями, комментариями об определенных местах. Таким образом, находясь в той или иной точке, можно увидеть, какие объекты расположены вблизи и стоит ли их посещать. Пространство меняется с появлением каждой новой метки, каждого нового комментария, что так или иначе влияет на привлекательность конкретного места. К тому же пространство, «обживаемое» в разнообразных социальных сетях за счет того, что оно связано со знакомыми вам людьми, становится в вашем восприятии гораздо более дружественным, потому что «до X десять минут езды на машине», а «У недавно был на той же выставке, куда я иду, и ему понравилось» и т. п. Это выстраивает стили общения, планирование и восприятие пространства, отличное от предыдущих форм восприятия и которое уже становится более привычным, «своим». Меняется, вероятно, и его общий образ.

Если обратиться к истории изучения сообществ — в частности, городских, — в рамках социологии и антропологии, то

эти две традиции изучения, по сути, как раз можно сравнивать с интересующими нас территориальным и сетевым подходами. Как пишет М. С. Добрякова, понятие «локального сообщества отражает прежде всего качественные, а не количественные характеристики населенного пункта. <...> Первоначально подобные сообщества являлись объектом исследования антропологов и этнологов, изучавших примитивные общины. Впоследствии и социологи заинтересовались этим методом исследования, но попытались применить его не только к примитивным общинам, но и к своему, то есть современному обществу (точнее, его частям — местным сообществам)» [Добрякова]. В своих рассуждениях М. С. Добрякова понимает под локальным городским сообществом сообщество всего города в целом, в то время как мы, скорее, подразумеваем под городскими сообществами множество различных объединений — как физически расположенных внутри города, так и имеющих гораздо более размытые границы.

К экологической традиции в своем проекте мы относим наше «территориальное» понимание сообщества. Для данного подхода важно было представление города как экологической среды (в духе Чикагской школы), где на определенной территории существуют различные «виды», то есть сообщества. Антропологическая традиция в большей степени связана с «сетевым» пониманием сообщества. В данном случае важны «содержание» сообщества, его

культура, традиции, нормы, то есть то, что формируется в первую очередь за счет коммуникации, создания единого поля общения, символического языка, разделяемого всеми членами сообщества.

Переосмысление территориального и сетевого подходов как взаимодополняющих

Анализируя фрагменты работы Ф. Тенниса «Общность и общество», связанные с городом и пространством, можно выделить следующее. Автор пишет, что «общность крови [Blut], как сущностное единство, развивается и обособляется в общность места [Ort], непосредственно выражающуюся в совместном проживании, а эта последняя, в свою очередь, — в общность духа [Geist], характеризующуюся лишь совместным действием в едином направлении, одинаковой настроенностью. Общность места можно понимать как взаимосвязь животной, а общность духа, в равной мере, — как взаимосвязь ментальной жизни, и потому последнюю в ее связи с предшествующими — как собственно *человеческую* и наивысшую разновидность общности» [Теннис, 2002: 25].

Рассмотрение данного отрывка обращает наше внимание при изучении городских сообществ на такие моменты, как идентификация себя с местом и коллективная память места (мнемотоп, по Яну Ассману). Коллективную идентичность, ве-

роятно, мы можем сравнить с «общностью духа» Тенниса; тогда можно предположить, что ее формирование во многом обусловлено именно совместным проживанием на одной территории, а значит, и сама территория должна накладывать отпечаток на коллективную идентичность. Г. Зиммель говорил, что человек (в особенности это ярко видно на примере чужака) может нести на себе след той территории, на которой он жил раньше, ассоциироваться с ней и с людьми, идентифицирующими себя с ней.

Такие рассуждения, как и приведенные выше тезисы Г. Зиммеля о значимости расстояния между людьми, подтверждают верность «территориального» подхода, однако снова мы должны заметить, что в современном городе все не так однозначно. Ф. Теннис рассматривал общество в его исторической перспективе; города в «Общности и обществе» — это в основном ранние средневековые города (для их обозначения используется термин *Stadt*), а в остальных случаях Теннис употребляет выражение «большие города» — они отличаются от деревни уже не только размерами, но и сущностными характеристиками. Как пишет в этой связи А. Ф. Филиппов, «духовная общность — не рассудочная общность, и город — область дружбы и духовного *Gemeinschaft*» а — не то же самое, что большой город, воплощение *Gesellschaft*» а [Филиппов, 2002: 410].

Вернемся еще раз к рассуждениям Георга Зиммеля. Он выделяет объекты, ор-

ганизованные как по пространственному, так и по непространственному принципу. На наш взгляд, здесь мы можем провести параллель с городскими сообществами и предположить, что они также могут быть организованы как пространственно, так и иным образом. Воспользуемся двумя крайними примерами Зиммеля: рассмотрим государство и церковь, объекты, один из которых организован по пространственному принципу (требующему уникального места), а другой — по непространственному (позволяющему объекту быть безразличным к пространству).

Государство относится к объектам, образуемым по пространственному принципу, как и в примере Зиммеля со средневековыми городскими цехами [ZIMMEL, 2009: 547]: в городе может быть только один кожевенный или ткацкий цех, потому что пространство разделяется ими не количественно, а функционально (много позже Э. Гидденс назовет подобное деление пространства по функциям локалами). Между тем церковь дает нам пример непространственного объекта: в одном городе могут быть возведены культовые постройки разных религиозных течений (если, конечно, законом государства не закреплено иное), но ни одна из них не может претендовать на привилегированное положение; нельзя сказать, что в этом городе отмечается влияние только одной конкретной религии. Другой вопрос связан с границами этого влияния в принципе: в действительности

его нельзя четко определить, распространение той или иной религии может быть только декларировано.

Соответственно, объекты, организованные по непространственному принципу, очень мало зависят от физического изменения пространства, на которое они распространяют свое влияние. Однако изменение границ этого влияния, естественно, сказывается на самих территориях: так, христианские миссии имели значение для развития обществ Северной Америки, но сама католическая церковь не трансформировалась вследствие этого (хотя, надо думать, она усилила свою мощь за счет увеличения территории влияния).

Предположим, что определенные городские сообщества также могут существовать вне зависимости от того, какую территорию они охватывают и где живут их участники, особенно если они общаются исключительно «виртуально». Такие сообщества должна объединять идея (определенные интересы и ценности), связанная, как мы уже говорили выше, с городской средой. К подобным сообществам, вероятно, можно причислить правозащитное движение автомобилистов «Синие ведерки» и сходные с ними.

Однако появление новых способов коммуникации и увеличение мобильности еще не отменяет существования сообществ, объединенных по территориальному принципу. Правда, они кажутся во многом более уязвимыми в современном

городе. Исследователи пережившего реконструкцию парка «Царицыно» в Москве, например, пришли к следующим выводам: «реконструкция переменила не только архитектурный облик Царицыно, но радикально перекроила социальную карту этого пространства, — говоря языком городского физиолога, сменился “социальный тип” основного посетителя парка» [Абрамов, Фень, 2011]; сообщества, существовавшие в парке длительное время, разрушились. Социальные экосистемы крайне хрупки. Когда уничтожаются социопространственные места, система больше не может поддерживать себя. Таким образом, если пространство было замкнуто (overlocked), смена дизайна может создать большие проблемы.

Впрочем, некоторая сложность в сохранении сообществ, организованных по территориальному принципу, еще не означает, что люди не готовы преодолевать подобные препятствия ради поддержания высокого уровня сплоченности сообщества, понимая ценность достигаемых таким способом результатов. Человек может идентифицировать себя с определенным пространством, а нахождение в общем пространстве может послужить сближению людей и идентификации друг друга как принадлежащих к одному сообществу. Так, «...пространства, предназначенные для личных встреч, — отмечает З. Бауман, — <...> играют решающую роль в интеграции <...> элиты, несмотря на культурные, языковые, религиозные, идеологические или

любые другие различия, которые могут разделять ее и препятствовать развитию чувства общей принадлежности. На самом деле развитие взаимопонимания и общего жизненного опыта, необходимого для такого понимания, позволяют разобраться, отчего бизнесмены или ученые не перестают путешествовать, приезжать друг к другу и встречаться на конференциях» [Бауман, 2008: 50].

Современность необратимо повлияла на устройство городов и организацию городской жизни. Механизмы ассоциирования себя с городом и его жителями тоже претерпели изменения. В таком большом городе, как Москва, при описании естественных группировок сложно опираться лишь на принципы соседства и административного районирования. В то же время возникает вопрос о состоятельности территориального описания города и его сообществ как такового. Можно ли сейчас говорить о Москве как о локализованном объекте, имеющем свои пространственные границы?

Предлагаемый проект исследования направлен на прояснение связи между *территорией города и его жителями*. Комбинируя «территориальный» и «сетевой» подходы, мы предлагаем рассматривать в качестве основания для выделения потенциальных городских сообществ *места привязанности, принадлежность к которым раскрывается в сформировавшемся образе города, в ценностях и интересах его жителей*.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Исследовательская проблема и перспективы решений

Приведенный выше краткий обзор основных идей позволяет сформулировать *исследовательскую проблему*: какой способ описания городских сообществ считать наиболее адекватным в ситуации роста мобильности и изменения территориальной принадлежности в современных больших городах? Делая нашу исследовательскую оптику чувствительной к пространству, мы можем придать определенные, коллективно и/или индивидуально мыслимые границы нашему объекту изучения (к примеру, «исследование городских сообществ Москвы»). Однако как можно описывать сообщества «территориально», если пространство зачастую подменяется (тематизируется, конструируется и т. д.) нелокализованными сетями отношений? В чем заключается баланс, включающий «территориальную» и «сетевую» логику описания?

Наше исследование, о методах которого будет подробнее рассказано далее, направлено на получение следующих прикладных результатов:

- карта мест повседневной активности, то есть зоны активного использования и реального доступа — та

территория, к которой человек и потенциальные сообщества ощущают свою принадлежность;

- карта мест конфликта и мест притяжения (солидарности).

Однако кроме таких «конкурентных» результатов наше исследование в перспективе способно послужить отправным пунктом к аналитическому (абстрактному) выделению на основе полученных карт местности потенциально возможных территориальных сообществ, внутренне связанных именно своим отношением к местам солидарности и конфликта, своей ценностно-символической базой. Вопрос о том, каким образом происходит переход от потенциальных сообществ к действительным (деятельным), остается открытым в нашем исследовании. Мы можем лишь вспомнить здесь высказывание Д. Харви, касающееся образа идеального города. Речь идет о том, что мы должны сначала вообразить свой город, а потом все вместе его сотворить: «мы поодиночке и сообщая в своей повседневной деятельности, предпринимаем политические, интеллектуальные и экономические усилия, строим город. Все мы, так или иначе, архитекторы нашего городского будущего. Право на изменение города — это не абстрактное право, а право, которое укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет» [Харви, 2008: 82]. Воображение здесь неотделимо от практики. Мы делаем нечто под влиянием воображения —

или воображаем в процессе повседневной жизни, меняя что-то по своему вкусу. Возможно, в этом рассуждении кроется механизм превращения потенциальных сообществ в активных участников городской жизни, способных коллективно защищать свои интересы в сфере становления городской среды.

В перспективе мы можем также определить, почему для кого-то (в сообществе) район, соседство, своя «зона доступа» имеют одни границы, а для кого-то — другие. Есть ли какие-либо барьеры вхождения в то или иное пространство? Финансовые (недостаточно средств, чтоб посетить те или иные заведения, магазины и пр.), атмосферные (например, мигранты не посещают какие-то места в центре города, так как ощущают, что это не для них, не чувствуют себя там в безопасности), властные или онтологические (частная собственность может быть огорожена заборами или какие-то общественные дороги могут быть перекрыты, так как того пожелал владелец близлежащего предприятия, здания, хотя бы и не имея на это права)?

В качестве основного инструмента сбора данных мы используем ментальные карты. Ментальные карты помогают принимать различные управленческие решения в том или ином районе города. Так, мы получаем карту района, где видны места конфликта и места притяжения, места открытые и «не для всех», места безопасные и опасные, значимые и незначимые. К тому

же появляется возможность проанализировать, какие именно общности используют те или иные места и почему. Объединение людей может формироваться на основе местной истории и локально значимых территорий. Кристаллизация потенциального сообщества может наблюдаться, к примеру, в момент сплочения единомышленников, когда возникает угроза изменения значимой для них территории.

«Локальные», «внутригородские» и «городские» сообщества

Мы уже много раз использовали понятие «сообщество», но до сих пор так и не дали ему определения. В научном языке, и в социологии в частности, всегда есть ряд терминов, которые кажутся заведомо ясными и интуитивно понятными; к тому же они используются не только в научных дисциплинах, но и в повседневном языке. Например, слово «пространство» поймут все — однако проблема в том, что поймут совершенно по-разному. С «сообществом» происходит примерно то же. Кроме того, отдельные сложности привносит изучение сообществ именно в городах: существует достаточно тонкие терминологические различия между «локальными», «внутригородскими» и «городскими» сообществами. Мы кратко остановимся на этом пункте, чтобы максимально прояснить свою позицию, но в целом будем считать, что

подобными нюансами в дальнейшем можно пренебречь. Итак:

- понятие «локальные сообщества» не имеет однозначной привязки к городам, хотя может использоваться в том числе и при изучении сообществ, образованных в городах. На наш взгляд, в непереуказанном варианте термин *local communities* все же имеет больше политические, чем социологические коннотации (или, как минимум, широко используется именно в политической сфере, которой мы в нашем исследовании касаться не будем);
- понятие «внутригородские сообщества» указывает на то, что мы изучаем только города. Но и здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, остается нерешенной проблема с определением города и его границ. Во-вторых, такое словосочетание может быть неверно понято как при переводе на английский язык, так и теми, кто изучает именно сообщества внутренних городов, так как есть вероятность, что «внутригородские сообщества» — это не вполне верное употребление термина «сообщества внутренних городов» (*inner cities communities*);
- понятие «городские сообщества» (*urban communities*) позволяет придерживаться городского контекста исследования, не привнося при этом нежелательных дополнительных

коннотаций (будь то политика или внутренние города). Это понятие будет использоваться в качестве основного в нашем исследовании.

Потенциальные городские сообщества: территория и сети

Как уже было отмечено, мы опираемся на различие «территориальных» и «сетевых» городских сообществ. Наша концептуализация будет максимально широкой, так как в процессе исследования мы хотим выяснить, существуют ли подобные сообщества и какими характеристиками они могут обладать, — поэтому в основном мы будем говорить лишь о потенциальных сообществах. *Потенциальные сообщества, выделяемые по территориальному принципу, — это группы горожан, объединенных совместной территорией проживания и/или зоной повседневной активности. Потенциальные сообщества, выделяемые по сетевому принципу, — это группы людей, которые не обязательно являются жителями города на данный момент, но объединены определенными интересами и ценностями, связанными с городской средой, ее объектами и территориями.*

Ограничения изучения сообществ

При изучении сообществ исследователи сталкиваются с определенными проблемами. По мнению В. Вахштайна, есть как

минимум четыре серьезных ограничения [Вахштайн, 2011: 77–79], которые мы постараемся учесть в своем исследовании:

- не утверждать, что сообщество существует, не доказав предварительно этот факт. В связи с этим ограничением в большинстве случаев мы будем говорить лишь о потенциальных сообществах;
- не приписывать «найденному» сообществу некие характеристики, которые не подтверждены нашими исследованиями;
- стремиться к территориальному описанию (в рамках определенной территории) сообщества. Впрочем, это ограничение как раз и выступает предметом наших размышлений и изучения;
- не переносить результаты и характеристики, полученные в рамках изучения определенного сообщества, на все общество в целом.

Пространственно-сетевой (гибридный) подход описания городских сообществ

В рамках нашего исследования мы предлагаем придерживаться баланса между «территориальным» и «сетевым» описаниями сообществ в пределах города. Баланс заключается в специфическом комбинировании особенностей того и другого

подхода. Если территориальный подход сосредоточивается на консолидирующем воздействии мест проживания и активности, то сетевой подход — на разделяемых интересах и ценностях. При этом первый подразумевает общность опыта и переживаний лишь по факту соседства (который в больших городах, по мнению Г. Зиммеля, может иметь обратный эффект), в то время как второй размывает границы сообщества, исключая его привязку к любым территориальным образованиям.

Предлагается использовать гибридный подход описания. Его логика восходит к работам Эдварда Сойи, касающимся значения пространственного фактора в современных условиях коммуникации и мобильности. Сойя отмечает, что, казалось бы, убедительные аргументы по поводу «конца географии», «отсутствующей (*nowhere*) географии» и кризиса чувства места получают в ответ новые формы пространственно обусловленной организации социальной жизни. «Объединение и создание узловых точек представляет собой фундаментальный и стратегический ответ на вызовы расстояния...» [Сойя, 2008: 130–140]. Аналогию с «узловыми точками» мы находим у Кевина Линча в сюжете, посвященном местам общей значимости и интересов.

Вслед за Э. Сойей и К. Линчем мы предлагаем сфокусироваться на воображаемом, которое вбирает в себя территориальное описание (так как воображается собственно сам город и его территория)

и сетевое описание (так как в процессе рассказа о городе тематизируются ценности и интересы). «Городское воображаемое <...> относится к нашему ментальному и когнитивному картографированию (топологии) городской реальности и интерпретативных координатных сетей, согласно которым мы мыслим о чем-либо, знаем по

опыту, оцениваем и решаемся на действие в местах, пространствах и коммуникациях, в которых мы живем» [Сойя, 2003: 133–150].

В результате гибридный подход описания сообществ (рис. 1) учитывает воображаемое 1) лишь жителей города, делая при этом акцент 2) не на местах проживания, а 3) на местах общих ценностей и интересов.

Рис. 1.

Гибридный подход описания сообществ

III. ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологические основания изучения воображаемого

В середине прошлого века Кевин Линч и его коллеги провели исследование, которое легло в основу книги «Образ города». Задача состояла в том, чтобы четко очертить образы трех американских городов и доказать, что читаемость образа — главный атрибут хорошо спланированного города. Методика, среди прочего, предполагала анализ интервью (кабинетных и во время прогулок по определенным маршрутам) и анализ нарисованных респондентами планов города [Линч, 1982: 113–115]. Исследование вызывает интерес до сих пор. Действительно, образ города — любопытный концепт. Являясь частью символической системы горожан, он может быть рассмотрен как фактор формирования личной и коллективной идентичности, а как отмечает Д. Торнс, на исследования городской жизни в конце XX — начале XXI вв. в наибольшей степени повлияли те работы, где особое внимание уделялось подъему идентичности, поскольку он, среди прочего, позволяет понять, как формируется социальная жизнь [THORNS, 2002: 96].

Д. Торнс, говоря о книге К. Линча, писал: «...эта работа показывает, что люди

обладают знаниями о том, где живут им подобные — те, с кем они хотят себя ассоциировать. Ментальные карты довольно часто отличаются от физических карт города, и в некоторых аспектах они индивидуальны для каждого жителя. Здесь требуется анализ, показывающий, насколько перекрываются образы города в сознании людей и сети их социальных взаимоотношений» [THORNS, 2002: 111].

Визуальный образ города, полученный в результате анализа нарисованных карт, в первую очередь связан с настоящим, с повседневными практиками. Так, на планах зачастую оказываются небольшие магазины, школы и пометки «мой дом». Конечно, визуальный образ города для каждого свой — он неизменно содержит отсылки к личным историям и воспоминаниям, — и тем не менее образ всего города, как считает К. Линч, создается из повторяющихся частей индивидуальных образов. Как пишет Линч, «в жизни чувств, порождаемых повседневностью, исторические памятники занимают крайне скромное место. Гораздо более сильные эмоции связаны с нашей собственной жизнью, с жизнями членов семьи и друзей, поскольку их мы знаем персонально. Поэтому наиболее существенным напоминанием о прошлом служит то, что непосредственно связано с нашим детством, с жизнью родителей и, может быть, дедов. <...> Большая часть того, что сохраняется как классическое наследие прошлого, задевает людей лишь на минуту и оказыва-

ется на периферии внимания, удаленной от жизненно важных переживаний. Это и древнее, и безличное. То, что продолжается в сегодняшний день, эмоционально более значимо, чем давнее прошлое, хотя оно может казаться благороднее, таинственнее или загадочнее» [Линч, 1982: 161]. Поэтому «мы подсознательно стремимся к сохранению недавнего и “относительно недавнего” прошлого — того времени, с которым мы ощущаем реальную связь» [Линч, 1982: 162].

Ментальное картографирование

Основным методом нашего исследования выступает ментальное картографирование. В ходе интервью (гайд-интервью — см. Приложение 1) информанту предлагается перенести на чистый лист бумаги свое видение города, рассказать о тех местах в городе (и указать их на своей карте), с которыми он/она лично связан(а) в силу определенных эмоций, фактического знания, воспоминаний, активности и интересов.

Если брать такие мегаполисы, как Москва, то рассказать обо всем городе очень сложно. Поэтому показалось уместным использовать тематическую разбивку интервью на три блока: «район проживания», «район занятости», «район проведения досуга». Предложенная разбивка берет свое основание в теории «третьих мест», носит условный характер и имеет цель лишь упорядочить рассказ жителя о городе, а не на-

вязать информанту логику исследователя.

В ходе интервью исследователь задает уточняющие вопросы, касающиеся отображаемых мест и объектов, проясняя содержание связи между местом и информантом (тематизируемые ценности и интересы), а также относительно точное расположение места по отношению к другим. Попутно исследователь составляет список упомянутых мест в порядке их возникновения.

Первичная обработка данных заключается в составлении таблицы (см. Приложение 2), в строках которой представлен список упомянутых информантом мест, а в столбцах отражена содержательная связь между информантом и местом. На пересечении места и связи сначала прописывается подробный комментарий информанта по поводу данного места, после чего на последующих этапах обработки после составления единой типологии связи указывается лишь 0, когда данная связь с местом отсутствует, или 1 — когда связь есть. Столь абстрактный уровень описания (возможно, чересчур жесткий для таких «качественных» данных) необходим для дальнейшего топологического рассмотрения получившейся структуры того или иного сообщества, о чем пойдет речь ниже.

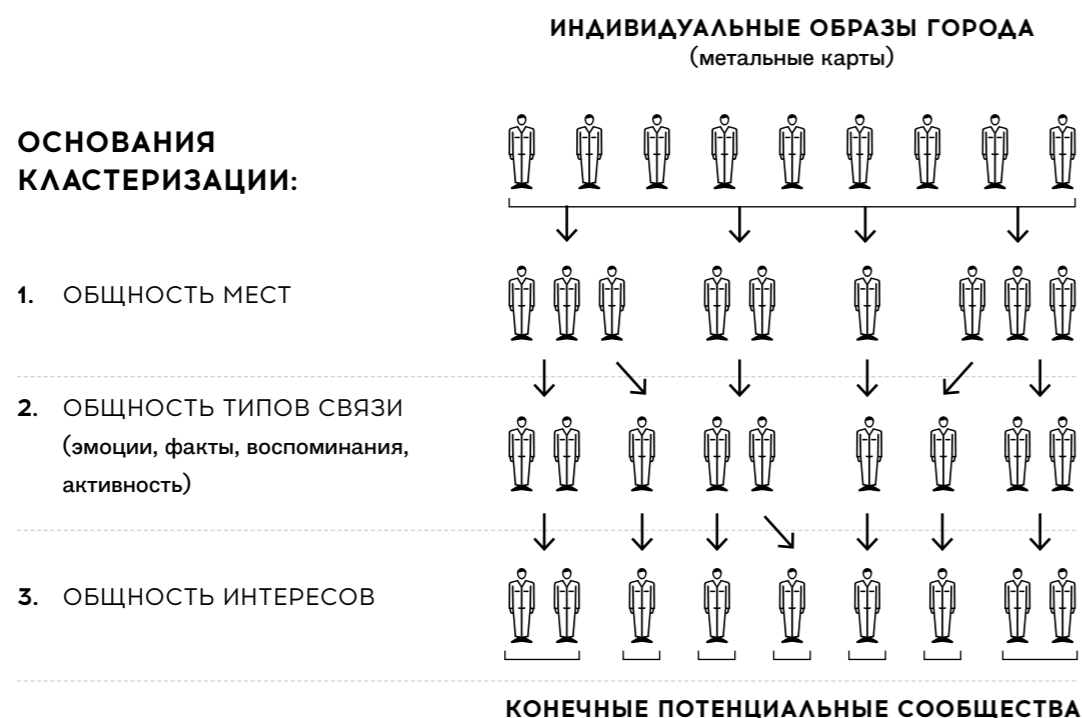
Теперь перейдем к описанию процедуры кластеризации информантов на основании составленных ими индивидуальных образов города. Места, которые упомянул информант в ходе интервью, наносятся

на географическую карту. Прежде всего нас интересуют общности людей, которые рассказали об одних и тех же местах. Затем мы обращаемся к интерпретативным таблицам (пример в Приложении 2), в которых содержатся сведения, касающиеся типа связи между человеком и местом. После этого люди группируются именно по общности типов связи с одинаковыми местами. Несмотря на схожее отношение к месту и привязанность, индивидуальные

интересы жителей города в части возможных сценариев развития территории могут различаться. Поэтому последнюю группировку предлагается выполнить на основании общности интересов, связанных с одними и теми же местами, причем под интересами мы понимаем конкретные предложения (видения) по изменению (сохранению) городской среды. Обобщенно алгоритм кластеризации выглядит так, как показано на рис. 2.

Рис. 2.

АЛГОРИТМ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ИНФОРМАНТОВ
ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Теперь подробно опишем каждый этап кластеризации. Общность мест может быть обнаружена путем присвоения каждому месту уникального кода и поиска совпадений таких кодов, встречающихся у разных информантов. Такая общность будет представлена гораздо нагляднее, если расположить все места с ментальных карт на географической карте города, пометив их разными цветами (каждый цвет соответствует конкретному информанту). После обнаруже-

ния совпадений в списках мест необходимо оценить долю совпадений по отношению ко всем упомянутым местам. Для этого мы строим таблицу, где в строках и столбцах указаны все информанты, а на пересечении — количество совпадений мест. Но нас будут интересовать не абсолютные показатели, а относительные, поэтому обращаем внимание на процентную долю совпадений от суммы всех мест пересечения у каждого информанта индивидуально и попарно (табл. 1).

Таблица 1.

КОЛИЧЕСТВО МЕСТ СОВПАДЕНИЙ

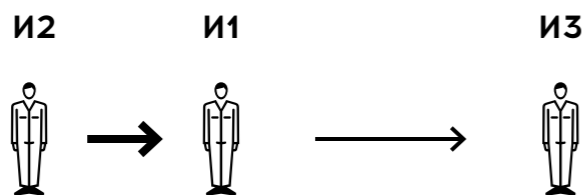
	Информант 1	Информант 2	Информант 3	...
Информант 1	X	10 (71,4%)	7 (63,6%)	
Информант 2	10 (58,8%)	X	4 (36,4%)	
Информант 3	7 (41,2%)	4 (28,6%)	X	
...				X
Сумма	17	14	11	

На основании цифр, предложенных в нашем примере, по результатам первого этапа

кластеризации можно выделить следующую структуру общности информантов (рис. 3).

Рис. 3.

РЕЗУЛЬТАТ ПЕРВОГО ЭТАПА КЛАСТЕРИЗАЦИИ
(общность мест)

Затем мы переходим ко второму этапу кластеризации по основанию общности типов связи. Здесь нам необходимо произвести обобщенную оценку степени совпадения привязанности информантов к одним и тем же местам. Для этого мы обращаемся к таблицам, где аналитически (или подробно) указаны типы связи информанта 1 и информанта 2 с местами пересечения описания. После этого степень совпадения типов связи характеризуется порядковой шкалой, где «1» — конфликт описаний, «2» — нейтральность описаний, «3» — неполное соответствие описания, «4» — полное соответствие описаний. Чтобы не допустить смещений в пользу большего (меньшего) количества мест пересечения (которые не всегда говорят о единодушном отношении к ним разных информантов), полученные баллы следует нормализовать на первоначальное количество совпадений

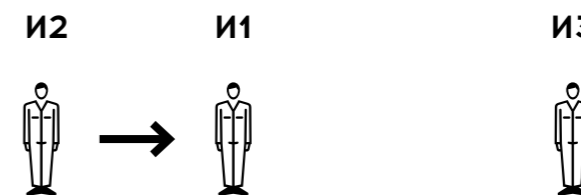
мест. В результате мы получаем следующее (табл. 2).

Первоначальное количество совпадений мест у информанта 1 и информанта 2 равнялось 10; это означает, что оценка степени привязанности по предложенной шкале может варьироваться от 10 баллов до 40 баллов. В нашем примере это 35 баллов; если нормализовать их на количество мест пересечений (10 мест), это в среднем соответствует 3,5 баллам по каждому месту.

На базе нашего примера мы можем вывести следующие результаты кластеризации второго этапа (общности типов связи). Связь между информантом 1 (И1) и информантом 2 (И2) крепнет: у них не только большое количество мест пересечений, но и высокая степень солидарности по типам связи с этими местами. Связь между И2 и И3, напротив, слаба: у них мало мест пересечения, а по имеющим-

Рис. 4.

РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОГО ЭТАПА КЛАСТЕРИЗАЦИИ
(общность типов связи)

ся отмечается либо конфликт, либо нейтральность описаний. В то же время связь между И1 и И3 ослабла: несмотря на сравнительно высокую долю мест пересечения,

отношения к ним, скорее, описываются как нейтральные, что дает основание рассматривать И1 и И3 как отдельные группы (рис. 4).

Таблица 2.

ОЦЕНКА ТИПОВ СВЯЗИ В МЕСТАХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ПО БАЛЛАМ ПОРЯДКОВОЙ ШКАЛЫ
vw («1» — конфликт, «4» — солидарность)

	Информант 1	Информант 2	Информант 3	...
Информант 1	X	35 (3,5)	17 (2,4)	
Информант 2	35 (3,5 баллов на место)	X	6 (1,5)	
Информант 3	17 (2,4)	6 (1,5)	X	
...				X

В заключение кластеризации мы переходим к ее третьему этапу — общности интересов. Для этого необходимо рассмотреть предложения каждого информанта по конкретному месту пересечения описаний и сделать оценку совместимости таких предложений между парами информантов. Ситуация вокруг предложений по развитию (сохранению) сложившейся городской среды в тех или иных местах города обычно складывается неконструктивная, то есть информант зачастую теряется, когда его спрашивают, что бы он хотел сделать с данным местом. В связи с этим оценка совместимости интересов не требует столь сложного шкалирования и нормировки; достаточно лишь сравнить содержание и модальность имеющихся предложений. Допустим, в нашем примере И1 и И2 упомянули (помимо прочего) один и тот же парк в своем городе, к которому они испытывают схожую привязанность. Тем не менее, если И1 предлагает установить в парке развлекательные аттракционы, а И2 — восстановить когда-то стоявшую здесь церковь, очевидно, что наблюдается конфликт интересов, и наших информантов следует развести по разным группам.

Группировки, получившиеся в результате трех этапов кластеризации, мы и будем рассматривать в качестве потенциальных сообществ, которые затем предстоит описать с точки зрения 1) социально-демографических характеристик (пол, возраст, продолжительность проживания и т. п.),

2) мест проживания, 3) мест общих привязанностей и интересов, 4) взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам.

Общественное картографирование

В рамках последующего этапа исследования предлагается обратиться к методу общественного («партиципаторного») картографирования, который особенно интересен в контексте п. 4 описания полученных потенциальных сообществ («взаимосвязи с другими сообществами...»).

Как мы говорили выше, существует много подходов к изучению города и городских сообществ, однако, по словам М. С. Добряковой, «характерно, что ни один из авторов исследований, за исключением, пожалуй, Р. Парка и Э. Берджесса, в меньшей степени Уорнера, не занимался разработкой методологических оснований своей деятельности. Как правило, авторы ограничивались обоснованием выбора объекта и перечислением техник исследования» [Добрякова]. На наш взгляд, применение графических методов для изучения городских сообществ оправданно. В современных исследованиях последних лет «общественные карты», «партиципаторное картографирование» рассматриваются не только как метод изучения, но и как средство объединения горожан, сообщества, как

средство развития города. Это путь демократизации самой информации о городе и городской среде, упрощение доступа к ней.

В качестве примера мы можем привести краткий анализ статьи Франца Фахи и Михаэля О. Синнеида «Реконструкция городского ландшафта с помощью общественных карт: привлекательная перспектива для стабильности?» [FAHY, SINNEIDE, 2009: 167–175]. Статья посвящена кейсу создания общественной карты (community mapping) в ирландском городе Гелвей. Разработка подобных карт — относительно новая практика, но она уже хорошо себя зарекомендовала. С появлением новых технических средств (таких как Google Earth, например) методики работы с картой становятся все более популярными. В итоге на карте обозначаются культурные и религиозные места, места прогулок, социальные места и пр. Существенно, что карта выкладывается в Интернет (в рассматриваемом случае — на сайт www.galwaygreenmap.ie), поэтому посетители сайта смогли увидеть результат и принять участие в доработке. После первых результатов опять прошли обсуждения; важно, что при этом учитывался и принятый план развития города, то есть инициативы «снизу» были согласованы с реальными возможностями. Конечно, у такого подхода есть ограничения (по возрасту участников обсуждения, их доступу к высоким технологиям, социальной обеспеченности...), но авторы понимают это и продолжают работать над имеющимися проблемами.

В результате использования общественного картографирования мы бы хотели не только получить некую обратную реакцию на промежуточные результаты для последующей их корректировки, но и проследить динамику группового взаимодействия представителей разных сообществ в том, что касается их представлений о городе, видения путей его развития.

К сожалению, в исследованиях с общественным картографированием не приводятся конкретные процедуры по его реализации, поэтому здесь сложно говорить о полноценных попытках методологической преемственности. В нашем случае данная процедура в обобщенном виде напоминает воркшоп (круглый стол), в рамках которого участникам (представителям разных «потенциальных сообществ») поэтапно предлагаются карты и содержательные характеристики мест. Результаты преподносятся друг за другом, по сути, дублируя структуру данных, собираемых в ходе ментального картографирования. Сначала на обсуждение выносятся те характеристики выявленных сообществ, которые были сформулированы при описании общности мест, затем — при описании общности типа связи и в последнюю очередь — общности интересов. В заключение вносятся уточнения в комплексные содержательные портреты сообществ (необязательно всех, но, по крайней мере, тех, которые сопричастны участникам конкретного воркшопа). Уточнения производятся по параметрам,

схожим с уже обозначенными четырьмя: по социально-демографическим характеристикам, местам проживания, местам общих привязанностей и интересов, по взаимосвязи с другими сообществами. По окончании воркшопа предоставляется доступ к онлайн-версии карты с возможностью по заданному шаблону вносить свои замечания касательно мест, их описания и характеристик сообществ.

Причины множественности интерпретаций пространства

Одна из причин, по которой одни места становятся на наших картах местами солидарности, а другие места — местами конфликта, заключается в том, что восприятие пространства во многом зависит от наблюдателя, хотя, конечно, большую роль играют и объективные физические характеристики. Д. Харви, анализируя рассуждения В. Беньямина, пишет, «что мы не просто живем в материальном мире, но наше воображение, наши мечты, наши концепции и наши репрезентации сильно опосредуют материальность» [Harvey, 2003: 18, 19]. Наверное, этот подход допускает определенное кантовское прочтение: окончательная картина того, что видит человек, формируется в его голове. Как пишет Т. Гьерин, «место во вселенной с собранным там физическим материалом становится местом только тогда, когда оно скрывает (ensconces) историю

или утопию, опасность или безопасность, идентичность или память. Несмотря на его относительно постоянную и внушительную материальность, значение или ценность одного и того же места неустойчиво гибко в руках различных людей или культур, покорно времени и неизбежно оспариваемо» [GIERYN, 2000: 465].

Различные интерпретации — это, в числе прочего, различные мнения об одном и том же пространстве, так как часто оно существует среди разных культур и не один исторический период. Зачастую люди не могут прийти к единой трактовке даже одного исторического события; тем более возникают множественные интерпретации, если пространство ассоциируется с несколькими из них. С. Лоу с коллегами, например, называет подобные ситуации «диссонансом наследия», однако отмечает, что чаще всего доминирующей все же становится ассоциация, принятая в доминирующей культуре данного пространства [Low et al., 2005: 13].

Таким образом, пространство в потенциале предполагает множество интерпретаций и, соответственно, несет в себе не один образ места. Выбор зависит уже от конкретного наблюдателя — от того, турист он или местный житель, от его знаний, опыта и взглядов. Однако, по мнению С. Пайла, дело может быть в том, что люди просто привыкли к таким противоречиям и не воспринимают часть заложенных образов. Например, он характеризует Трафаль-

гарскую площадь как «перенасыщенную смыслами» (*overdetermined*). «Антивоенные протесты, проходящие там, где высятся статуи героев имперских войн, — это загадка. Как два противоречащих влияния и смысла — мир и война, империализм и радикализм — могут занимать одно и то же пространство? Возможно, постольку, поскольку мы привыкли к этим парадоксам пространственной работы (space-work), «да/нет» реальность» города — средоточия контрастов — теряет свое влияние, и люди могут больше не видеть сны, воплощенные в кирпичах и бетоне, в монументах и на открытых пространствах» [Pile, 2005: 52]. Именно такое различие восприятий придает смысл нашим картам и предложенным методам их использования и анализа.

IV. ОПИСАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы рассмотрим ключевые аспекты нашего исследования и выскажем свои соображения по поводу возможных стратегий построения выборки.

Цель исследования — обеспечить пространственное и сущностное описание сообществ Москвы, соответствующее современным условиям жизни в больших городах, связанных с возросшей мобильностью, распространенностью коммуникаций и трансформацией территориальной привязанности.

Объект — потенциальные городские сообщества Москвы.

Предмет — пространственные границы, территориальная привязанность, ценности и интересы сообществ, связанные с городской средой.

Задачи (для анализа полученного эмпирического материала):

- провести кластеризацию информантов по трем этапам: «общности мест», «общности типов связи» и «общности интересов»;
- описать выделенные потенциальные сообщества с точки зрения социально-демографических характеристик, мест проживания, мест общей привязанности/конфликта и интересов, а также взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам;
- тематизировать полученные результаты кластеризации и описаний в ходе дискуссии и общественного картографирования пространства Москвы с представителями потенциальных сообществ.

Для реализации исследования можно предложить две стратегии построения выборки. Одну стратегию мы условно назовем количественной, а другую — качественной.

Первая ориентирует нас на увеличение количества проинтервьюированных информантов и на стремление к представленности каждого округа города (же-

лательно — района: как минимум 125 информантов, по одному из каждого района Москвы). С одной стороны, такая стратегия позволит сформировать комплексное описание города и группировок, возможных в отношении его пространств. С другой стороны, не вполне ясно, как обосновать выбор конкретного информанта от района (округа), если пренебречь половозрастным распределением, — а если нет, то насколько следует увеличивать конечное число информантов, с которыми требуется провести интервью столь непростого формата?

Вторая стратегия, в свою очередь, больше напоминает детектив или распутывание клубка отношений людей и мест. Сначала необходимо выбрать место в городе — Место с большой буквы, которое считается знаковым для Москвы в целом (допустим, ЦПКиО им. Горького). В таком месте осуществляется первичный отбор информантов. В ходе интервью на этой стадии формируется список других «знаковых» мест, которые также становятся площадкой для «вербовки» новых информантов. Мы рассчитываем, что тем самым мы обеспечим диверсифицированную подборку мест в Москве и соответствующих им информантов. Преимущество такого подхода заключается в снижении конечного числа опрошенных при условии сохранения взвешенного (несмещенного) описания города в целом с точки зрения мест. Очевидный недостаток «качественной» стратегии заключается в возможной «трагедии перво-

го шага», связанной с детерминирующим влиянием первоначального выбора места на последующие отсылки к другим местам. Взвесив все «за» и «против», административные и финансовые ограничения исследовательского проекта, необходимо принять решение в пользу одной из предложенных стратегий.

V. ОПИСАНИЕ ЭТАПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы бы хотели конкретизировать связь между обозначенными выше задачами, методами и временными периодами их реализации (табл. 3).

Таблица 3.

ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

ЗАДАЧИ	МЕТОДЫ	КОНКРЕТНЫЕ МЕРЫ	ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ
Провести кластеризацию информантов по трем этапам: «общности мест», «общности типов связи» и «общности интересов»	Интервью с использованием ментального картографирования	Отбор информантов	0,5 месяца (2 недели)
		Сбор данных. Проведение интервью	2 месяца
		Первичная обработка данных	0,5 месяца (2 недели)
		Анализ данных. Кластеризация	0,25 месяца (1 неделя)
		Анализ данных. Описательные характеристики выделенных потенциальных сообществ	0,25 месяца (1 неделя)
Описать выделенные потенциальные сообщества с точки зрения социально-демографических характеристик, мест проживания, мест общей привязанности и интересов, а также взаимосвязи с другими сообществами в городе, основанной на сходном отношении к одним и тем же местам		Подготовка отчета с промежуточными результатами исследования	0,5 месяца (2 недели)
Тематизировать полученные результаты кластеризации и описаний в ходе дискуссии и общественного картографирования пространства Москвы с представителями потенциальных сообществ	Воркшопы (круглые столы) с представителями потенциальных сообществ, в рамках которых используется общественное картографирование	Отбор представителей потенциальных сообществ	0,25 месяца (1 неделя)
		Проведение серии воркшопов (круглых столов)	0,25 месяца (1 неделя)
		Подготовка финального отчета и иллюстративных материалов (карт сообществ) по результатам воркшопов	0,5 месяца (2 недели)

**ИТОГО:
5 месяцев**

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБРАМОВ Р., ФЕНЬ Е. *Шахматисты на аллеях парка // Неприкосновенный запас.* № 1 (75). 2011 // URL: [HTTP://MAGAZINES.RUSS.RU/NZ/2011/1/AB25.HTML]. Проверено: 22.03.2014.
2. БАУМАН З. *Город страхов, город надежд.* // Логос. № 3 (66). 2008. С. 50.
3. ВАХШТАЙН В. *Производство сообществ: событие, язык, коммуникация // 60 параллель.* № 2. 2011. С. 72–85.
4. ВИРТ Л. *Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии.* — М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.
5. ДОБРЯКОВА М. С. *Исследования локальных сообществ в социологической традиции. Подходы к изучению локального сообщества // URL: [HTTP://WWW.SOCPROB.RU/INDEX.PHP?OPTION=COM_CONTENT&VIEW=ARTICLE&ID=864:2012-03-29-17-01-23&CATID=89:2012-03-29-16-27-50].* Проверено: 22.03.2014.
6. ЗИММЕЛЬ Г. *Большие города и духовная жизнь // Логос.* № 3 (34). 2002. С. 23–34.
7. ЛИНЧ К. *Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева.* М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. СОЙЯ Э. *Как писать о городе с точки зрения пространства? / Пер. А. Смирнова // Логос.* № 3 (66). 2008. С. 130–140.
9. СОЙЯ Э. *Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / Пер. А. Резниченко // Логос.* № 6 (40). 2003. С. 133–150.
10. ТЕННИС Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева.* СПб.: Владимир Даль, 2002. 444 с.
11. ФИЛИППОВ А. Ф. *Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса / Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева.* СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 386–446
12. ФИЛИППОВ А. Ф. *Социология пространства.* СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
13. ФИЛИППОВ А. Ф. *Смысл империи: к социологии политического пространства / Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея.* Ред.-сост. С. Б. Чернышев. М.: Аргус, 1995. С. 421–476.

14. ХАРВИ Д. *Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос.* № 3 (66). 2008. С. 80–94.
15. ХАРЛАМОВ Н. *О книге Э. Амина и Н. Трифта «Города: переосмысливая городское» // Социальная реальность.* № 1. 2008. С. 117–123.
16. CARMONA M. *Contemporary Public Space: Critique and Classification, Part One: Critique // Journal of Urban Design.* Routledge, 2010. Vol. 15. No. 1. Pp. 123–148.
17. FANU F., CINNEIDE M. Ó. *Re-Constructing the Urban Landscape through Community Mapping: An Attractive Prospect for Sustainability? // Area.* Vol. 41 (2). 2009. Pp. 167–175.
18. GALLEN T N. *Second Homes, Community and a Hierarchy of Dwelling // Area.* Vol. 39. No. 1. 2007. Pp. 97–106.
19. GIERYN THOMAS F. *A space for place in sociology // Annual Review of Sociology.* Vol. 26. 2000. Pp. 463–496.
20. GUSTAFSON P. *Mobility and Territorial Belonging // Environment and Behavior.* Vol. 41. No. 4. 2009. Pp. 490–508.
21. HARVEY D. *Paris, capital of modernity. New York and London: Routledge,* 2003. 377 p.
22. JENKS M., DEMPSEY N. *Defining the Neighbourhood: Challenges for Empirical Research // The Town Planning Review.* Vol. 78. No. 2. 2007. Pp. 153–177.
23. LECHNER FRANK J. *Simmel on Social Space // Theory, Culture, and Society.* Vol. 8. No. 3. 1991. P. 195–201.
24. LOW S., TAPLIN D., SCHELD S. *Rethinking urban parks: public space and cultural diversity.* Austin: The University of Texas press, 2005. 240 p.
25. PILE S. *Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life.* Sage Publications, 2005. 216 p.
26. SIMMEL G. *Sociology: inquiries into the construction of social forms / translated and edited by Anthony J. Blasi, Anton K. Jacobs, Mathew Kanjirathinkal; with an introduction by J. Horst.* Leiden-Boston: Brill, 2009. 445 p.
27. THORNS D. C. *The transformation of cities.* New York Palgrave Macmillan, 2002. 258 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1.

Гайд для интервью «Образ Москвы в представлениях жителей города»

Здравствуй!

Мы проводим исследование, посвященное восприятию городского пространства жителями Москвы. Нас интересуют горожане, которые занимают активную позицию по отношению к своему городу. Собранные материалы будут использоваться исключительно в исследовательских целях и обрабатываться в обобщенном виде, что гарантирует их анонимность.

Где вы на данный момент проживаете? Как давно? Где и как долго жили до этого?

Что для вас Москва в целом? Какие ассоциации у вас появляются в связи с городом?

Нарисуйте, пожалуйста, карту Москвы. При этом постарайтесь вспомнить и указать на карте места, с которыми вас связывают истории, воспоминания, чувства, деятельность и личные интересы. *

* По мере выполнения задания исследователь уточняет у информанта, что это за места, где они находятся, в связи с чем информант их упоминает.

При необходимости исследователь предлагает информанту для начала поговорить о районе Москвы, где тот проживает («район проживания»), затем о районе, где проходит основная трудовая активность информанта («район занятости»), в завершение — о районе, где информант любит проводить свободное время («район проведения досуга»).

Приложение 2.

Таблица первичной обработки данных

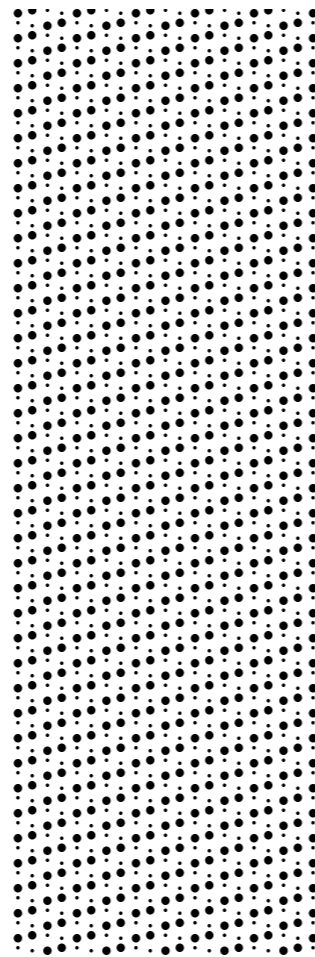
Таблица 4.

ПРИМЕР ОБРАБОТКИ ДАННЫХ ПО МЕНТАЛЬНОМУ КАРТОГРАФИРОВАНИЮ ИНФОРМАНТА

Тип связи ----- Места	Эмоции		Знание	Воспоминания	Активности	Интересы
	эмоция 1	эмоция 2	факт 1	воспоминание 1	активность 1	интерес 1
Место 1	1	0	1	0	1	0
Место 2	1	1	0	0	1	1
Место 3	0	1	1	1	0	0
...						

Irina Vorobyeva

Explaining “Cultural Revolution” in Perm: public space, urban memory and idea of “culturedness”

INTRODUCTION

“Art is the main teacher of human freedom — this is what great Aleksandr Solzhenitsyn and Iosif Brodsky, human experience of whom is inseparable from the artistic one, were talking about in their Nobel lectures. Let’s admit it, we all know it or have a certain presentiment about it. Free, creative person is our main economic resource. That is why our country needs a territory where talented people would mission themselves with intellectual and spiritual search. As I have already said, there is a huge need for this and this niche is not filled. Moscow and Saint-Petersburg (I’m not going to talk about the reasons now) are unable to cope with this task. So, if there is a need, it means there is an economy too” — Boris Milgram (Minister of Culture, Youth Policy and Mass Communications of Perm Krai), Report “Perm as a cultural capital”, Fifth Economic Forum in Perm Krai, December 26th 2009.

“Perm is becoming a city of windbags, minions and adventurers thanks to accidental efforts of our governor. Over the last year Perm became a sort of all-Russian pastime, provincial attraction for Moscow and international creators who are bored because of the crisis idleness and lack of money... The point is not that I and other Perm residents like me are against art, “cultural points of growth” and so on. The point is that we are against absurd notions that it is exactly “fine arts” which are the only chance for Perm to find a decent future. A lot of what the Milgram–Gelman team is doing is attractive, beautiful, bold... But Perm land is not native for them.

They do not feel sorry for anything here. They simply use, sometimes trample it... The city is being imposed by not its own destiny, while it continues like spellbound to merge foreign slovenly meanings. Glamour political regime that lives for forums, premiers and presentations have already been formed in Perm...” — Igor Averkiev (Executive Director and expert of the Perm Civil Chamber, member of the Board of the Perm Civil Chamber, member of the Perm Regional Human Rights Center), “Perm Cultural Bubble” (OCTOBER 2009).¹

Russian city Perm found itself in the great turmoil of cultural events in 2008. The so-called “cultural revolution” was announced to be realized in a very short period of time in provincial city located in the European part of Russia near the Ural Mountains on the river Kama. The city of Perm is inhabited by about one million people and was mostly known for its oil and gas refining and other heavy industry production. “Cultural revolution” was presented as a plan of transforming Perm, rather ordinary Russian city, into an international center of culture, “Cultural Capital of Europe”. “Cultural revolution” in Perm was supposed to lure tourists away from Moscow and Saint Petersburg and bring them to Perm, beautify the urban space in the city, make life of Perm residents more pleasant, interesting and eventful, and also attract investors, develop business in the city, etc.; in other words, development of cultural sector was taken as a ground for entire economic growth of the city and improvement of the

¹ All Russian-language sources are in author’s translation.

standard of people's life there. Very quickly after the opening of contemporary art museum and exhibition "Russkoe Bednoe" ("Russian Poor"), organization of art and theatre festivals, implementation of a number of public art objects all over the city Perm not only got attention from other parts of Russia, but also became known beyond Russian borders. It got a name "Bilbao for the Urals". Journalist Erich Follath wrote about Perm as about a "hot new contender for the title" of cultural capital of Russia in Spiegel Online in 2009 [Follath, 2009]. Then Finn Olaf-Jones from the New York Times compared Perm with the other festival centers like Australian Melbourne and Scottish Edinburgh in 2011 [OLAF-JONES, 2011].

The project was initiated top-down, by the liberal-minded governor of the Perm Krai of that time Oleg Chirkunov and proclaimed in 2011 its purpose to rebrand the city and make Perm "the cultural capital of Europe" [GLADKIKH ET AL., 2011]. The whole project of rebranding the city was perceived negatively by the local community. Along with the ordinary inhabitants of the city, famous Perm writer Alexei Ivanov, the head of Perm Civil Chamber Igor Averkiev, movie director Pavel Pechenkin and lots of others were criticizing the project for its distance from Perm inhabitants, for the waste of money from the Perm budget funds that could be used to solve other, more urgent social and economic problems of the city, for not involving local artists into the projects, ignoring Perm

residents' opinions about various public art objects that were appearing all around the city, for impossibility to realize "revolution" from the top, for ambitious plan to improve the life in the city during extremely short period of time. "Contemporary", "conceptual", "actual" art was criticized as it is not an art, that it is stupid, awful, ridiculous, that city does not need it, etc.

In 2012, after Vladimir Putin was inaugurated as the president of Russian Federation, Oleg Chirkunov, the main sponsor of the "cultural revolution" was removed from his position; new Perm authorities abandoned the project "Perm, the cultural capital of Europe"; the information about several audit and police investigations into the use of Perm federal budget appeared in the Media; Marat Gelman, the main curator of the project and the director of contemporary art museum "PERMM", was fired after the political scandal, when the Vasily Slonov's satirical exposition "Welcome to Sochi 2014" (a number of pictures that deride the organization of Winter Olympic Games in Russia) was presented at the festival "Beye nochi" ("White Nights") in June 2013 (ILL. 1). In November 2013 the information about eviction of the museum "PERMM" from the building of old river-boat station that was restored in 2008 appeared in the media.

Perm project of "cultural revolution" was called to be a political project that was shut down after the change of government [MAMAEVA, 2013]. However, despite the official

ILLUSTRATION 1.
Vasily Slonov,
"Welcome to Sochi 2014". Exhibition
"Beye nochi"
("White Nights"),
Contemporary art museum
"PERMM", Perm, June 2013.

SOURCE: WWW.VITKI.ORG

program in Perm being over and despite huge public criticism throughout the whole project, the number of festivals, educational programs, theatre, art exhibitions, etc. is the highest in Russia after Moscow and Saint Petersburg. Moreover, now changes from the bottom up are being initiated in Perm. Thus, street-art festival "Ecology of space" is organized by local artists, "Creative space Apteka Bartminskogo", a place that includes "a rooftop restaurant serving local produce; a well-stocked bookshop with everything from photography to philosophy; a children's art studio; a record store selling vinyl (a rare thing even in Moscow); a perfumery and more" [OMIDI, 2013] was recently opened. In spite of the initiators of these projects sometimes saying their activity has nothing in common with "cultural revolution" and was not influenced by it, street-art festivals and "creative spaces" seem to continue the

transformation of the city in the direction specifies by "cultural revolutionists".

Purpose of the study

The purpose of the particular research is not to investigate the economic, social, political or cultural value of the project of "cultural revolution" in Perm. Neither is my purpose to understand the ulterior motives of the Perm authorities and other people that were involved in the work on this project. Neither is it to understand if the contemporary art and public art objects implemented in different part of the city suit or do not suit the surrounding environment of the city, if contemporary art is a real art or not, if it is worth looking at or not. However, I intend to take festivals, art exhibitions, contemporary art museum, public art objects, attention of

ILLUSTRATION 2.
Bus stop “Stantsiya Perm”,
Perm.

SOURCE: WWW.THE-VILLAGE.RU

the Moscow and foreign media to the city, etc. as something that have become during a period of more or less than five years an everyday reality for people who live, study, work, who spend most of their time in Perm and also for those who may not live in Perm presently (like students who come to Perm for holidays), but associate their life with Perm, who walk by the public art objects on their way to work or grocery store, who are waiting for the bus every morning at the bus stops decorated by famous designer (ILL. 2), etc. — as a reality these people can hardly escape from.

Problematization

I see “cultural revolution” in Perm and numerous events happened there during the last five years as an extremely controversial issue that caused not only different perceptions and reactions to it from residents

of the city, but a number of activities among them, especially younger generation of the city. I am going to focus on Perm youth in my research as they are, first, not only more open for changes and “cultural innovations”, but also have more free time to spend at the festivals and walking in the parks and along the streets “beautified” by public space [LOVELL, 2005]. Moreover, keeping youth in Perm was one of the main official goals for the project of Perm “cultural revolution”. I want to look, therefore, at the Perm residents’ embodied experiences of new urban environment. I use Abidin Kusno’s term “embodied experience” [2010] to determine what people do with the public art objects, how do they react to the changes in the city, how their perception of the city changes along with the changes in urban environment of the city.

Thus, the project of the “cultural revolution” in Perm declared its aim as the regeneration of the city through the use of different

ILLUSTRATION 3.
“Perm Gate”, Perm.

SOURCE: WWW.PUBLICARTPERM.RU

cultural activities, especially through the use of modern art. In Perm almost all public art objects were installed, as well as most art festivals took place, in the historical center of the city and near the main buildings and spaces of the city like the central railway station, the city embankment of the river Kama, near buildings of regional library, philharmonic society, theatre, several movie theatres, the Legislative Assembly of Perm Krai, the biggest hotel and business center as well as on the central square, and in the central park of Perm. Different public art objects and temporary art festivals that appeared in different places implied different engagement with them, some more than the others. Thus, for example, such public art objects as “II” statue (the official name is “Polisskiy’s Arch” after the name of the artist) made of fir beams that are fastened together chaotically and 12 meters width, length and height and installed near the central railway station (ILL. 3); “Red

People” (several sculptures that picture men one of which is plastic and is “sitting” on the roof of the building philharmonic society of Perm region; the other one is wooden and is “sitting” on the white chair; two others are riding white scooters (ILL. 4)); the “Power” bench (is a bench in the shape of letters that make the word “Power” taking place near the Legislative Assembly of Perm Krai) (ILL. 5); “Apple” sculpture (peel of which is made of green tile slab and pulp of which is made of red bricks) installed near the regional library (ILL. 6) are big, stable, implemented for a long period of time in places associated usually with traditional social institutions (culture, government, etc.). They were perceived, especially at the beginning of the project, very negatively up to the attempts to destroy and burn them.

Other parts of “cultural revolution” such as, for instance, street art on the buildings (ILL. 7), concrete fences (ILL. 8) and even trees

ILLUSTRATION 4.
"Red People", Perm.

SOURCE: PERM.BEZFORMATA.RU

ILLUSTRATION 5.
"Power" bench, Perm.

SOURCE: PERM.BEZFORMATA.RU

ILLUSTRATION 6.
"Apple", Perm.

SOURCE: COLTA.RU

ILLUSTRATION 7.
Street art, Perm.

SOURCE: COLTA.RU

ILLUSTRATION 8.
Street art, Perm.

SOURCE: WWW.THE-VILLAGE.RU

throughout the city, temporary art, music and folk festivals like "White Nights" festival (ILL. 9) that attracts a number of people to visit different exhibition it offers and lasts for a short period of time every year and "Snowmen Parade" (about one hundred snowmen were standing on the square in front the hotel "Ural" and people were invited to decorate themselves (ILL. 10)), extreme park (theme park dedicated

to motorize and non-motorize extreme sports like bikes, skates, and roller skates (ILL. 11) with a number of thematic public art objects (like a snail on the motorbike (ILL. 12)), typographic installation "Happiness is not beyond the mountains" ("Happiness is not far away" (ILL. 13)) are several of the main modern touristic attractions of Perm. Thus, for instance, when "Happiness is not beyond the mountains"

ILLUSTRATION 9.
“White Nights”, Perm, June
2013.

SOURCE:
WWW.MAGAZINE-FISH.RU

ILLUSTRATION 10.
“Snowmen's Parade”,
Perm, January 2012.

SOURCE:
WWW.PUBLICARTPERM.RU

ILLUSTRATION 11. “Extreme Park”, Perm.

SOURCE: WWW.PUBLICARTPERM.RU

ILLUSTRATION 12.
“Snail”, “Extreme Park”, Perm.

SOURCE: WWW.PUBLICARTPERM.RU

ILLUSTRATION 13.
“Happiness is not beyond
the mountains”.
Perm, bank of Kama-river.

SOURCE: WWW.PERM.AIF.RU

was removed by the city municipality people voted online for returning the installation to its place. Moreover, several times “Happiness is not beyond the mountains” was restored by the informal group of public initiative. During some time the letter “E” was falling to earth and, therefore, it became an interactive part of public art object: people could hold it while making a photo. Recently a group of artists replaced the letter “Г” with the letter “B” and

the sentence “Happiness is not beyond the mountains” turned to the phrase “Happiness is not for thieves”.

Research question

In particular, and that is my research question, I am going to study the ways how changes in aesthetics of urban environment of the city influence people's percep-

tion of the city and which possibilities for social activities and political participation these changes create for city inhabitants. Therefore, I want to focus on different (sometimes even polar, diametrically opposed) ways on how people deal with the changes in the urban environment. Do they ignore them or use them? If they do use them, do they use it according to the “official” meaning or invent their own ways (sometimes, illegal, like drinking alcohol sitting on the public art object “Power” bench, changing themselves different installations (like in case of “Happiness is not beyond the mountains” described before), and hooligans” attempts to destroy “Red People” and to burn “II” statue)? Do they associate their city with the changes or try to ignore them? Do they feel empowered (as they got an opportunity to realize their own projects (as, for example, street-art festival that was initiated by “cultural revolutionists”, but continued by local artists and now it is led by them)) or defrauded after the end of official program of “cultural revolution”? Thus, for example, some people “were initially very critical of the “Red People” but turned around in their opinion: “Now I say hello to the red men on rainy mornings when I go to work — they’re so bright and always there, waving good morning.” [KRUGLOVA, 2013: 40].

Urgency of the research

The particular research is socially and academically relevant as it allows to look at

the modern city, top-down process of urban regeneration through the use of modern art that took place in the city and that included a number of different activities (from public art to theatre festivals and schools for teenagers in the field of art and cultural management) and that caused negative reaction from the city residents. Despite or because of this negative reaction different people’s initiatives have appeared and are still appearing (like street-art festival and “Apteka Bartminkogo”) in the city. Perm’s being a post-Soviet city creates a whole new environment for the research of the city, people’s reaction to the changes in the city, urban regeneration through the use of modern art. Thus, concepts of public space, urban memory, relationship with art and public art (embodied experience of new urban environment), in particular, that are relevant for the research are put a new face on when they are analyzed in the post-Soviet reality. Finally, focus on youth as one of the main research populations allows taking closer look at the top-down intentions of the city authorities being fulfilled by their program of urban regeneration (as keeping youth in Perm was the main goal of the project).

I will now move on to the theoretical background of the sociological and anthropological issues that appeared during the definition of the problem of the research. I will start from the general notion of urban regeneration, and its controversial nature of opposition of top-down initiatives and

residents” reaction to it bottom-up and of the contrast of negative and positive attitudes of the changes. I will continue with the issue of “public space” as it is the place where encounters of people and urban regeneration policy occur. Then I will talk about the issue of “urban memory” that determines people’s reaction to this policy. I will conclude with the concept of “kulturnost” that traces its roots back to Russia of the 19th century and Soviet Union of the 1930s and explains Soviet/Russian tradition of cultural policy the example of which is the project of “cultural revolution” in Perm.

I. PROBLEM DEFINITION AND THEORETICAL FOUNDATION

“The idea of city branding through culture” has become “the avatar of urban regeneration strategies of the 20th and 21st centuries” [MITRACHE, 2013: 564] and is highly debated among social scientists, urbanists, city planners, etc. A number of urban studies literature presents art and culture in the process of uneven urban development as creating “the impression of affluence, vibrancy, conviviality, change and regeneration, while at the same time being used to mask the increasingly fractured and polarized social and economic realities that characterized life for the majority of urban dwellers” [HALL, 2003: 111]. Modern art, and modern public art in particular, was called

upon “to solve any number of urban problems from the necessary regeneration of peripheral neighborhoods for forging city-wide, cultural identities” [MITRACHE, 2013: 564], but in reality public art has become an instrument of top-down official policy that consequently caused changes in the audience of public art, “oftentimes misrepresented and precluded from actively participating in fashioning images relevant to the city” [IBID]. Often, during or after construction, objects of public art are “judged according to their intended, official meaning, and the public are rarely acknowledged (or credited) in their ongoing social and spatial interactions, even though they forge the latest (and truest) meanings associated with any public place” [MITRACHE, 2013: 563].

The public art and the other contemporary art activities such as festivals and museum exhibitions in Perm demonstrate the problematic situation within the context of urban regeneration through modern art. Top-down, official meaning of art encounters here with the people’s engagement with it and different ways they choose to communicate with it and use it. It changes their everyday reality, and their attitude may be either positive or negative. Thus, my inquiry into the debate on urban regeneration in Perm should begin with the concept of public space, its changing [PACHENKOV, 2012] and disappearing nature [SENNETT, 2010], and its special features in the post-Soviet context. The concept of “public space” will allow explaining different

perception of public art in different urban context.

Public space

In general, public space can be determined as “a platform where different people with different public interests may and do interact” [FOHRBECK, 2013: 76]. Discussion on the concept of “public space” should begin with a short inquiry to the notion of “public sphere” that is closely connected to it. Hannah Arendt and Jürgen Habermas regarded the public sphere as a space for free citizens to meet and work out different ideas on various issues of society’s life on the basis of their free and somehow organized communication [ARENDR, 1958; HABERMAS, 1989]. Richard Sennett regarded public sphere as “sociability” that is an ability to socially interact and live a social life [SENNETT, 2010]. Therefore, according to Sennett, public space is a space where multiple unplanned interactions occur and where strange people can meet and enjoy each other’s company. Using Habermas’s definition of public sphere Sharon Zukin describes the main characteristic feature of public space as the possibility to be “used by many people for common purpose” [1995]. Public space is also characterized as being opposite to private and being openly accessible [PACHENKOV & VORONKOVA, 2010]. Fohrbeck, therefore, defines public space as the space that is used by many different people with different purposes [2013: 76].

While “public space is inextricably linked to democratic ideals” [DEUTSCHE, 1992: 24], it is also often presented in terms of exclusion. Thus, “official public” that possesses the “dominant power” does not include all the members of society [FRASER, 1992]. “Weak” public as opposed to “strong” public has no access to the “dominant power” and is unable to participate in political decision making. The role of public space is to be a place for an open exchange of different public’s opinions and mutual decision-making [FRASER, 1992] and it is exactly the reorganized and artistically improved public spaces (like an attempt was done in Perm) should become “a meeting point for professionals from the world of culture, for creators and for the public in general” [FOHRBECK, 2013: 77].

Richard Sennett [1977] and Zygmunt Bauman [2000] describe two types of urban spaces that predominate in modern cities, that are not private or privatized, but lack public culture, which is an important characteristic for public space. These spaces do not stimulate emergence of people’s interaction and communication, “civility” that should construct social urban space [SENNETT, 1977: 264], but, instead, hampers it. These are, first, “arrogant” spaces that people do not feel comfortable to be in (like La Defense in Paris), and, second, spaces of consumption that create an illusion of community or likeness: people use the same physic space, but they do not interact with each other in any way [BAUMAN, 2000]. Perm as a post-Soviet city experienced the

transit from the dominance of pseudo-public spaces of the first time — inhospitable, where people do not want to stay, — to the dominance of the pseudo-public spaces of consumption [PACHENKOV, 2012].

Thus, the two main types of Soviet public spaces were territories (or squares) near the official buildings of city government or political party and central squares that were used for official parades. There were enough “arrogance” and feelings of discomfort associated with these places [ENGEL, 2007: 288]. People try to avoid such places; they choose ways and alternative routes [BOITSOVA, 2008]. During the post-Soviet period Russian cities have been filled with pseudo-public spaces of consumption where people act individually, and do not communicate [BAUMAN, 2000].

Neither the first nor the second type of public space described before is unable to serve the main purpose of public space — to be a place for people’s interaction and democratic engagement. Pachenkov [2012] suggests new types of places that could become new public spaces where free citizens can meet and communicate. These are places that different public uses during different parts of the day, for example, “flea” markets or Saturday farmers’ markets. These types of city activities produce public space temporarily, using the territory that belongs to another activity the most period of time [PACHENKOV, 2012]. They use spaces that are used as parking or parks as well as normal squares and streets, therefore, they do not produce conflict between different

publics as they disappear when the weekdays come and set space free for the other groups of citizens [PACHENKOV, 2012]. It illustrates de Certeau’s idea [1984] about people’s use of space as opposed to state’s, or “system’s”, use of space: people avoid “official” public spaces as they are controlled by the system, while they prefer temporary public spaces as they can use it for their own purposes and then set them free for others [CERTEAU, 1984].

In Perm context it is possible to observe how public spaces that are ephemerally organized for a particular period of time such as street art that appears and disappears all the time in the different parts of the city and temporary public art objects and performances can be opposed (that demonstrates the difference describes before) to stable permanent public spaces. This particular issue illustrates the controversial nature of the public space and its usage as it becomes a place where people try to avoid government control on the level of using public art. Thus, public spaces that can be organized by people themselves and used according to their wishes seem to be perceived more positively [BOITSOVA, 2008] than those that are not flexible, where public art objects are implemented for a long period of time, and where political authorities try to establish an official order, to regulate people’s actions so that people react to the architecture in a particular way (like “II” statue that is very big, stable, and even fireproofed so that hooligans could not burn it).

In which cases, therefore, transformation of visual environment of public space in Perm,

was succeeded? Was it, as Forhrbeck calls it, “socially-inclusive urbanization” [FORHRBECK, 2013: 79], when government, artists and people managed to communicate and collaborate to define and realize common interests [WILLIAMS, 1997] related to the use of public space? I hypothesize that different attitude to different public art objects and contemporary art events in Perm affects according to which way the public space is organized around this public art.

Urban regeneration through modern art aims at changing urban environment of the city and implies transformation of the public space where people live and that they are usually used to for a long period of time, and, consequently, inevitably influences people’s memory of the city. Therefore, next part will be dealing with the concept of “urban memory” that will aid to explain different engagement of people with the city and changes happening in it.

Urban Memory

Changes in the city produced “at all levels of urban space: block parties, neighborhood watch, and regional planning initiatives” cause protests among urban citizens as they resist development because they believe it negatively impact their communities [SMART & SMART, 2003: 272]. One of the main arguments against the “cultural revolution” in Perm was ignoring native people’s interests, changing

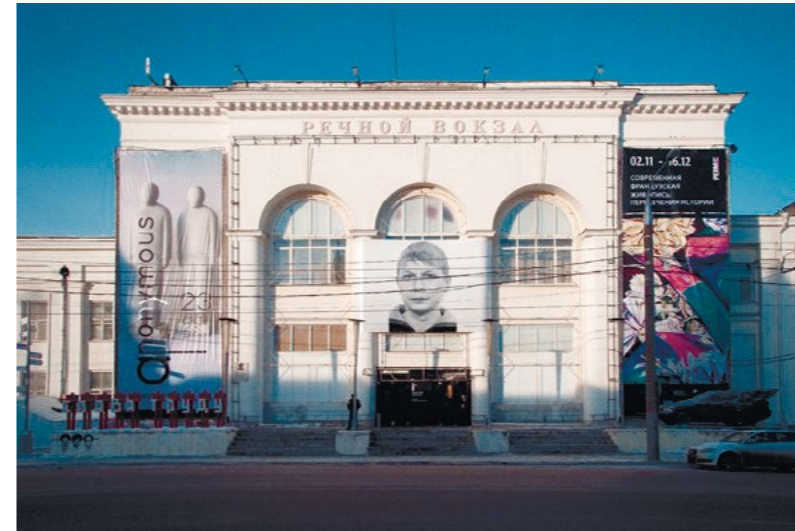

ILLUSTRATION 14.
“Logotype of Perm”.

SOURCE:
WWW.ARTLEBEDEV.RU

city landscape by people who are not from Perm, and who, therefore, are not familiar with Perm history, local culture, etc. The new logotype of the city (ILL. 14) the motives of which were used in various public art objects in Perm was called to be the main symbol of the city that people can associate Perm with, but, instead, caused strong negative reaction to it (“Мы не П!” (We are not P!), “Мы—Пермь!” (We are Perm!) [ORLOVA, 2011]). Thus, it was claimed that residents of Perm did not want to associate themselves with these “cultural innovations”. They would prefer the city to be associated with the achievements of Perm region and its inhabitants, rather than with the newcomer artists who realize their own, strange, foreign to the region projects instead of developing cultural inheritance of Perm Krai [IBID].

“Memory” as such is a subjective term that is more than the residue of past experiences [CRINSON, 2005]. Urban memory, therefore, in the most cases regards the city as a physical space and demonstrates, thereby, sequential building and rebuilding of the city. Urban memory, according to Crinson [2005], is something that has been used and abused by conservationists as well as by developers

— ILLUSTRATION 15.
Contemporary art museum
“PERMM”, Perm.

SOURCE: WWW.THE-VILLAGE.RU

in order to justify changes in the urban landscape. Thus, Abidin Kusno explores how visual environment “helps to articulate a general anxiety over the sense of change in everyday life” [KUSNO, 2010: 3]. Looking at the process of transmitting of state history, social memory and “unmanaged anxieties of the past” into the aesthetics and ethical life of the current state, Kusno examines the roles that architecture and urban space play in shaping “social memories and political consciousness in the colonial and post-colonial world” [KUSNO, 2010: 4]. As the governor of Jakarta used architecture to create an image of the city as a national center of power, public authorities in Perm also used public art to create an impression of the modern “cultural” city (one of the examples of such attempts is the posters

of social advertisement “Perm is changing, so you should change too! We are a cultural capital”).

Abandoned empty building of the old river-boat station in Perm was renovated for opening there Contemporary art museum “PERMM” (ILL. 15); empty building of the Institute of missile troops was decorated with the paintings of the ancient characters (ILL. 16). I wonder how people of Perm perceive such beautification of the architecture of the buildings associated with Soviet period and “Stalin Empire” style. Does the new aesthetics of the architecture contribute to the process of forgetting or, on the contrary, remembering the past of the building and the history of the city? Does it influence their positive or negative attitude to changes in the city as a whole?

— ILLUSTRATION 16. “Characters of Antiquity”, Institute of missile troops, Perm.

SOURCE: WWW.THE-VILLAGE.RU

“Kulturnost” (Culturedness)

Another concept important for my research is “kulturnost” (culturedness) the name of which comes from the Russian word “kultura” (“culture”) and can be translated as “cultivatedness”, “cultured behavior”, “educatedness”. It is a concept that determines the level of people’s education, culture, behavior, good manners, personal interests, preference in how to spend personal spare time, passion in art, literature, etc. The concept “kulturnost” implies that this “culturedness” can be transferred on purpose and adopted individually. It first appeared in the 1870s when the political group of liberals and intellectuals — “narodniki” (Russian populists) tried to bring education to the working and peasant masses [VOLKOV, 1999]. A “cultured person” (“kulturny chelovek”) in

their ideology was one who was leading this process of education.

During the Soviet regime of the 1930s “kulturnost” became a strategy of educating people who were migrating from villages to the cities bringing with them their own strategies of behavior that was considered as “nekulturnost” (“uncultured behavior”) threatening established public order. Stalin’s cultural policy was propagandizing “kulturnost” with an aim to transform yesterday’s uncultured peasants into model Soviet citizens who must have had good manners, taken care of their personal hygiene (e. g. cleaning teeth), dressed properly, and, more important, had a certain educational background, as well as level of literacy (how a person speaks and how many books he/she reads), and basic knowledge of communist ideology [IBID]. It should be emphasized, that

in “kulturnost” “things that surrounded people — their material environment — became instrumental in changing people’s habits and attitudes” [VOLKOV, 1999: 220–221]. Thus, Volkov mentions three items of everyday “equipment” that were associated with the norms of civilized, “cultural” life: curtains, lampshades, and tablecloths — that could determine if the person is “kulturny” (cultural).

“Perm’s “cultural revolution” was, in some sense, as much an attempt to rebrand the city as it was a rebranding of “kulturnost”, the “culturedness” ideals of Soviet civilization” [KRUGLOVA, 2013: 26]. During the Soviet period, “cultural production was divided between “high” and “low” sets of aesthetic canons, competencies, and predilections, which were recognized as measures of social distinction and markers of class” [KRUGLOVA, 2013: 26], and determined the process of “civilizing” of Soviet peoples [KELLY & VOLKOV, 1998; KELLY, 2001; RIVKIN-FISH, 2009]. This illustrates Bourdieu’s idea of art being an instrument of “distinction” between people’s lifestyles rather than a tool of social integration [BOURDIEU, 1984] as well as Bennett’s idea that despite the fact that museums should produce equality for the undifferentiated public, they differentiate populations as they regulate and screen out “the forms of behavior associated with popular assemblies” and museum, therefore, has two main roles that contradict each other strongly: democratic role of public education and authoritative role of reforming public manners [BENNETT, 2009: 90].

After the collapse of Soviet Union cultural capital of “kulturnost” lost much of its value, when people were busy adapting themselves to the market economy, private property, culture of consumerism, etc. The educative and cultural role of “intelligentsia” — class that was most associated with “kulturnost” — had also declined [OUSHAKINE, 2009]. The concept of “kulturnost” gives insights into the project of “cultural revolution” in Perm being controversial in terms of continuity and discontinuity of Soviet tradition of cultural policy. From the one hand, “Concept of cultural policy of Perm Krai” that proclaimed the purpose to rebrand the city and make it “the cultural capital of Europe” [GLADKIKH ET AL., 2011] stated that traditional cultural industry in the region is absolutely outdated and needs wide-ranging reorganization. Modern art was taken as a main tool for reorganization of the city life; explaining the project, its organizers were using such words as “creative class”, “creative people”, “brand of the city”, “increase of investment attractiveness of the city and the region” that are associated with the world of new market economy, advertisement and global culture. Thus, echoing the ideological/didactic Soviet will to improve, the Perm” Project managers disavowed culturedness by associating it with a certain set of “obsolete” aesthetic ideals, but resurrected the hierarchical spirit of culturedness by promoting the significance of cultural capital in general and by stressing the importance, and hence the value, of what they saw as new, global,

and innovative approaches to art” [KRUGLOVA, 2013: 27]. At the same time, “in a very Soviet way, the demand to enjoy this “contemporary” art was imposed through a non-democratic process onto the city population in order to elevate, refine, and, in this particular case, to globalize” [IBID].

Moreover, according to Kruglova, the process of imposing a new hierarchy of what constitutes sanctioned and legitimate “culture” conflicted with localized imaginaries of pleasure and aesthetics [2013]. Which of public art objects, festivals, exhibitions in the museum represent the idea of pleasure for Perm inhabitants? Does the idea of simplicity (“if children cannot enjoy a piece of art, it is not a good piece of art (that is, not art at all)” [KRUGLOVA, 2013: 39]) is linked to the positive or negative perception of objects of “cultural revolution” in Perm?

In the next section I will define and operationalize aforementioned concepts in order to be able to ask specific question to get the answers on the theoretical questions I raise.

II. DEFINITION AND OPERATIONALIZATION OF CONCEPTS

To summarize briefly, my research question is the following: “How do the changes in aesthetics of urban environment of the city influence people’s perception of the city and which possibilities for social activities

and political participation do these changes create for city inhabitants?” The concepts of public space, urban memory and “kulturnost” of Perm residents will be analyzed while answering the following sub-questions of the research:

- How aware are people of the “cultural revolution” in Perm?
- How do people evaluate the changes in the city?
- Why are different aspects of “cultural revolution” perceived more positively/negatively than the others?
- How do Perm residents benefit from the policy of urban regeneration through modern art?

Thus, the first question about people’s awareness of “cultural revolution” in Perm is an opening on the research on their perceptions of changes in the city. To answer this question I need to find out the organization of the project of “cultural revolution”: if people know about activities it offers, about exhibitions being opened, festivals taking place in the city, public art objects that were put in parks, squares, etc. and also if they attend any of these events, if they go to the contemporary art museum, new mall and cafes that were recently opened, etc.

To check the aforementioned hypothesis that different attitude to different public art objects and contemporary art events in Perm affects according to which way the public space is organized around this public art

and if the new aesthetics of the architecture (like street art on the building of the House of Opera and Ballet) influence people’s positive or negative attitude to changes in the city as a whole, I will need the answer to the questions about how people evaluate the changes in the city and why different aspects of “cultural revolution” are perceived more positively/negatively than the others. Therefore, I am going to find out if people are positive, negative or neutral about changes in the city and planting modern art in it. So I need to know their general ideas and feelings about “cultural revolution”, about the people who were in charge of it, about the people who were working on it, what Perm residents think was the main purpose of it, etc.

Thus, the possible interview questions for the second and third research sub-questions are the following:

- Where would you bring your friend that came to Perm to the first time? Why?
- Can you name the most recognizable thing about Perm (The House of Opera and Ballet, for example)?
- Could you name one thing you would like to change about your city?
- Could you name one thing you could change about your city?
- What do you know about “cultural revolution” started in 2008? Was it good or bad for the city?
- What do you think about Marat Gelman and his team? Do you like

what he was doing here or not and why?

- What do you think the main purpose of “cultural revolution” in Perm?
- What do you think about “cultural revolution” in terms of budget money that was invested in it? Was it enough or not enough? Do you think they should have invested in something else instead of culture?
- Do you like the idea that “cultural revolution” made some kind of promotion for Perm?
- Did you like when a lot of artists were coming to the city? Journalists, tourists, etc.?
- Do you think huge “II” as the sign of Perm (that can be recognizable like Eiffel Tower of Kremlin)? Or Perm does not need this new sign as it has the old, more important one?
- Do you like that the contemporary art museum was opened?
- Do you like your city? What do you think about it?
- What do you think people know about Perm in other cities of Russia? Do you think people outside of Russia know something about Perm?
- Can you name the most common stereotypes about Perm?
- Do you connect your future with the city? Future of your children? Would you like to move to another city? Which city? Can you explain why?

- Can you name your favorite thing in the city? Your favorite place in the city?
- Which role “culture”, to your opinion, should play in the city (if it should play any role)?
- Do you think government should pay attention to the “culture”, invest in it? Why?
- Do you like the neighborhood of the city you live right now? Would you like to move to another neighborhood?

I will also need an answer to the question about how people evaluate the changes in the city to check if the idea of “kulturnost” is linked to the positive or negative perception of objects of “cultural revolution” in Perm. Thus, I will need to know what “kulturnost” in general (idea of being “cultured” person) means for my research population. Focusing on young people I will be able to define if it is out-of-date value or it is important, but cannot be fulfilled by attending contemporary art exhibitions and theatre festivals.

Moreover, asking question about how Perm residents benefit from the policy of urban regeneration through modern art I want to know how different aspects of “cultural revolution” are perceived and “used” (sitting on the “Power” bench, using a new extreme park, attending lectures in the contemporary art museum, opening a book store in the new mall) by city inhabitants and what local people’s initiatives were realized after the “cultural revolution” (like street-art festival).

III. METHODS AND TECHNIQUES OF RESEARCH

Methods

The main methods for my research are observation (participant and non-participant), interviews (semi-structured and unstructured), and textual analysis of Internet and blogs.

To get information about people’s awareness of the “cultural revolution” in Perm I will use structured interview with open-ended questions, because I need to get answers to the same set of questions [BERNARD, 2011: 212] to evaluate people’s awareness of changes that are going on in the city. This method will only let me know about what people think about their awareness, but will not capture those factors that they do not associate with “cultural revolution”, such as, for example, sitting on new benches or using bus stops that were colored by the artists, watching street-art paintings on their walk to school, work, grocery store, etc., spending more time in the park after it was decorated with new sculptures, etc., because people may not associate it with “cultural revolution”. Thus, structured interview will get access only to the “front stage” of informants [BERREMAN, 2012; ROBBEN, 2007] while “the ethnographer seeks access to back-region information”, but “the subjects seek to protect their secrets since these represent

a threat to the public image they wish to maintain” [BERREMAN, 2012: 163].

To get information about how people evaluate the changes in the city I will use unstructured interview to give respondents more freedom and make them feel “a minimum of control over” their “responses” [BERNARD, 2011: 211]. Using unstructured interview I will let people thinking out loud, reasoning, when they will be speaking about what they think about the changes of the city. There is a threat to produce artificial answers to the questions people have never thought before to create a certain impression for the interviewer (“expectancy effect” [BERNARD, 2011: 244]) and to hide their “back stage” [BERREMAN, 2012; ROBBEN, 2007]. The possible way to avoid the answers that are made up during the interview is to use the questionnaire for the first sub-question of the study as a filter to determine the people who do have particular attitude to the changes in the city (because, for example, they know about these events).

Another way could be to ask people at the beginning of the interview more broad questions about what they think about the city as a whole, what do they like about it and what they do not like, what do they think people from other regions and outside of Russia know about Perm, if there are stereotypes of Perm they do not like, what could be or should be changed in the city, if people are connecting their life or life of their children with Perm or they would like to move to another place, if they like the neighborhood they live right

now or they would like to move to another one, etc. To get frank answers to these questions I will need to establish communication with my informants. It is also helpful to use textual analysis of Internet fora and blogs where project of “cultural revolution” and different public arts objects and cultural events in Perm are discussed. It will provide additional information on the issues I analyze in my work.

To get this information about how different aspects of “cultural revolution” are perceived and “used” by city inhabitants I will use the combination of unstructured interview and participant observation. I will use unstructured interview in the form of walking with the informant around the city center (or some part of it), passing by different public art objects to get an insight about people’s perception of meanings of these objects and roles they play in the city environment. The difference between normal interview and this walk would be that a person will be “experiencing” these public objects at the moment of the interview instead of just remembering this experience during the interview. As “the interviewer must appear cordial and yet must also be in charge of the interview” [HILLER & DILUZIO, 2004: 10] I could allow respondent to lead the walk and make me follow him/her and at the same time ask questions about particular public art objects to keep my authority as the interviewer. I will also use unstructured interviews with people I meet near these public art objects, asking general questions about do they like it or not.

This method may allow me to record what people say they think while observing what they are doing in reality.

I will also use participant and complete observation. Thus, I will use complete observation to look how people use public art objects (biking in extreme park, children playing in new park, etc.), what public attend lectures and special events in the museum, etc. Moreover, I also need to play a role of participating observer while going to exhibitions and lectures in the museum, new book stores and cafes to participate in some aspects of life around people's life recording what I can [BERNARD, 2011: 347]. There is a threat here to "go native" (as mostly the public in extreme parks, cafes, lectures are young people around my age) and, perhaps, lose objectivity [BERNARD, 2011: 349]. Thus, according to Ferguson, being intellectually distanced or different from people we study means not rejecting the perception of the world by our objects, but, instead, paying special attention to it and being aware of our own "cliché-infested imagination" [FERGUSON, 1999: 84] that may appear and attribute wrong characteristics to the people we study.

Research population

For my research I would like to work with several groups of people. First of all, these are the people I can have access to at the "spots" organized or caused by the project of "cultural

revolution". Such places are contemporary art museum, different exhibitions, presentations and seminars it offers; festival events (for instance, festivals organized for the New Year holidays, theatre festival, street-art festival, etc.); recently opened "Creative Space Apteka Bartminkogo" that includes book store, café, vintage jewelry store; and, finally, extreme park, and other places where public art objects are implemented. The other group is the people who do not live in Perm all the time at the moment (like students who study in other places but come to Perm for holidays), yet can associate their life with Perm to compare perception of "cultural revolution" of people from Perm who live and do not live in Perm all the time.

In addition to interviewing and observing people I will find at the spots of "cultural revolution" I will use snowball method to find research units. If it is possible, I will hold observations and interviews several times to, first, compare people's ideas about "cultural revolution" when they are sitting and talking about and when they are actually in the city passing by public art objects or find themselves at the out-door festival, and, second, to see what they think about public art objects, events, etc. and how they deal with it in reality.

Data analysis

For the analysis of data I will get from the observations I will use discourse analysis

that "involves taping interactions and careful coding and interpretation" [Bernard, 2011: 485]. During observations I will make field notes to transcribe people's behavior (for instance, how they pose while making a photo with the "Happiness is not beyond the mountains" installation, what kind of people "hang out" in the "Creative Space Apteka Bartminkogo", interaction between street-artists, etc.), and conversations (what visitors are talking about looking at the different exhibits of museum "PERMM", etc.). The observations should also produce field notes that I can analyze to produce a qualitative schema, giving me the basis for the interviews.

To process the data I will gather during the fieldwork I will use qualitative analytical methods. For the analysis of interviews I will use grounded-theory approach to link "categories and concepts that emerge from text to substantive and formal theories" [Bernard, 2011: 492]. Thus, I will make transcripts of qualitative interviews I will have done by that time, then I will identify potential themes that arise in these interviews and code them (for example, "changes in the city", "public art", "attitude to Perm as a city"). When I find potential themes and categories I will take all the data from these categories together to analyze and compare them (for instance, for the category "public art": "weird", "not a real art", "fun", "interesting", "I would prefer flower-beds rather than this sculpture", etc.). Analysis of relations between the analytical

categories will aid to build theoretical models for my research (for example, the role of public art in transformation people's perception of public space). In addition, I am going to go through the notes from interviews and observations during the fieldwork to see which new themes and questions arise during fieldwork.

For the analysis of data I get from the Internet blogs and fora, I will use grounded-theory approach and, in addition to it, content analysis that is "concerned with testing hypothesis from the start" [Bernard, 2011: 506-507]. Using the discussions on the events of "cultural revolution", on opening new public art objects, etc. I will also pick out categories and concepts that emerge from text and use in building the theoretical model for my research. Using content analysis will also help me to categorize and classify the data from the online sources. For instance, looking at the discussion about the construction of a wooden statue "II" will allow me to reveal the main argument have for or against this construction.

It is expected that main concepts (or categories) of the research will appear from the information obtained with the use of different methods and types of analysis. These main concepts, therefore, will be analyzed as a whole by grounded-theory approach.

**IV. ORGANIZATION
OF THE RESEARCH**

Time schedule

I. PREPARATION:

September — December 15th 2013:

- **SEPTEMBER:** determination of fieldwork topic — Explaining “Cultural Revolution” in Perm: public space, urban memory and idea of “culturedness”; scientific supervisor — Patricia E. Spyer, fieldwork — Perm, Perm Krai, Russia,
- **OCTOBER–NOVEMBER:** regular meetings with the supervisor; literature search, search on the fieldwork area; work on the research proposal; arrangement of flight, accommodation in Perm,
- **NOVEMBER 27th:** the first full draft of the research proposal,
- **DECEMBER 15th:** final research proposal.

II. FIELD RESEARCH IN PERM:

January — March 2014.

III. REPORT ON FIELD RESEARCH:

April — July 2nd 2014.

- **APRIL — JUNE:** data analysis, writing the report,
- **JUNE 3rd:** full draft of the thesis,
- **JUNE:** work on improvement of the thesis,
- **JULY 2nd:** final thesis.

Budget

Travel expenses	Plane from Schiphol (the Netherlands) to Moscow (2500 km) and return	400 euro
	Plane (or train) from Moscow to Perm (1400 km) and return	8500 rubles (200 euro)
Accommodation	A room in a shared accommodation	24000 rubles (550 euro) for three months
Visa Insurance	I do not need insurance as I am a Russian citizen and I have the state medical insurance policy	non
Cost of maintenance	Food, transportation in Perm, life expenses	15000 rubles (350 euro) for three months
Informants fees	Coffee, small gifts for respondents, visits of museum “PERMM”	100 euro
Materials	Tape recorder	40 euros
Interpreter	I don’t need an interpreter as I know the area and I am a native Russian speaker	none
Final	Research fieldwork	1640 euro

BIBLIOGRAPHY

1. ARENDT, H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago Press. 1958.
2. AVERKIEV, IGOR V. *Permskii kulturnii puzir*. Perm Civil Chamber. 2009.
URL: [HTTP://WWW.PGPALATA.RU/PAGE/PERSONS/CULTURE](http://www.pgpalata.ru/page/persons/culture) [ACCESS ON 20.11.2013].
3. AVERKIEV, IGOR V. *Neskolko replik na permskuyu kulturnuyu situatziyu*. Perm Civil Chamber. 2011.
URL: [HTTP://WWW.PGPALATA.RU/PAGE/PERSONS/REMARKS](http://www.pgpalata.ru/page/persons/remarks) [ACCESS ON 22.11.2013].
4. BAUMAN, Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press. 2000.
5. BENNETT, T. *The Birth of the Museum. History, Theory, Politics*. London: Routledge. 2009.
6. BERNARD, R. H. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Lanham MD: AltaMira Press. 2011.
7. BERREMAN, G. *Behind Many Masks: Ethnography and Impression*. In: A. C. G. M. Robben & J. A. Sluka (eds.) *Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader*. Malden MA: Wiley-Blackwell. 2012. Pp. 153–174.
8. BOITSOVA, O. *Pamiatniki v postsovetском gorode i turistskaia fotografiia*. In: Neriius Milerius and Benjamin Cope (eds.) *PS Landshafty: optiki gorodskikh issledovani*. Vilnius, Lithuania: Evropeisky gumanitarny universitet. 2008. Pp. 296–308.
9. BOURDIEU, E. *Distinction: A social critique of the judgment of taste*. London: Routledge. 1984.
10. CERTEAU, M. DE. *The practice of everyday life*. Berkeley: University of California Press. 1984.
11. CRINSON, M. (Ed.) *Urban Memory: History and Amnesia in the Modern City*. New York: Routledge Press. 2005.
12. DEUTSCHE, R. *Art and Public Space: Questions of Democracy*. *Social Text*, 33. 1992. Pp. 34–53.
13. ENGEL, B. *Public space in the "blue cities" of Russia*. In: Stanilov K. (Ed.) *The post-socialist city*. New York: Springer. 2007.
14. FERGUSON, J. *Expectations of Modernity. Myths and meanings of urban life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: University of California Press. 1999.

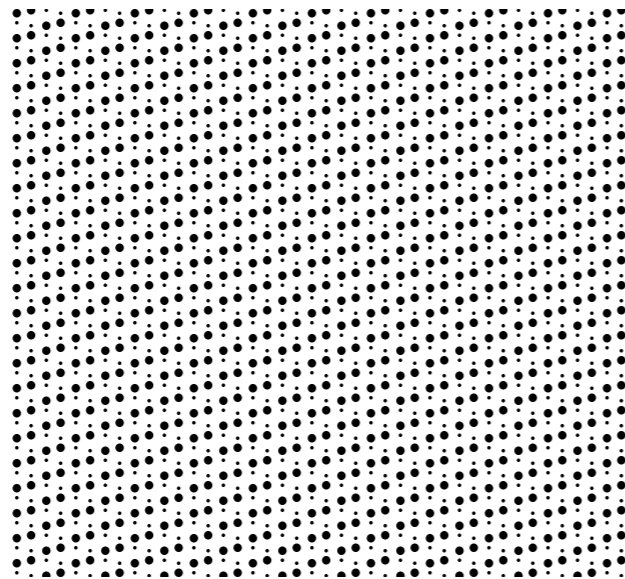
15. FOLLATH, E. *The Miracle of Perm: From Russian Gulag to Avant-Garde Mecca*. Siegel Online. 2009.
URL: [HTTP://WWW.SPIEGEL.DE/INTERNATIONAL/WORLD/THE-MIRACLE-OF-PERM-FROM-RUSSIAN-GULAG-TO-AVANT-GARDE-MECCA-A-656702.HTML](http://www.spiegel.de/international/world/the-miracle-of-perm-from-russian-gulag-to-avant-garde-mecca-a-656702.html) [ACCESS ON 21.11.2013].
16. FORHRBECK, C. *Public art spaces: the dilemma of economic growth and social inclusion in an aesthetised urban context*. A case study of initiative "Intermediae", Matadero Madrid, Spain in *Urban Public Space: Facing the Challenges of Mobility and Aestheticization / Oleg Pachenkov* (ed.). PL Academic Research. 2013.
17. FRASER, N. *Rethinking the public sphere: a contribution to the critique of actually existing democracy*. In: Calhoun, C. (ed.) *Habermas and public sphere*. Cambridge, MA/London: MIT Press. 1992. Pp. 109–134.
18. GLADKIKH, N., ZELENTOVA, E., MEL"VIL", E., POPOV, A., SACHKOVA, E., AND FILIMONOVA, K. *Proekt: kontsepsiia kul'turnoi politiki Permskogo kraia*. 2011.
URL: [HTTP://WWW.CREATIVEINDUSTRIES.RU/ASSETS/FILES/PERM%20CONCEPT.PDF](http://www.creativeindustries.ru/assets/files/perm%20concept.pdf) [ACCESS ON 22.11.2013].
19. HABERMAS J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge: The MIT Press. 1989.
20. HALL, T. *Opening up Public Art's Spaces: Art, Regeneration and Audience*. *Cultures and Settlements in The City Cultures Reader* (second edition) ed. by Malcolm Miles and Tim Hall, with Iain Borden. Routledge: Urban Reader Series. 2003.
21. HILLER, H. H. & DILUZIO, D. L. *The Interviewee and the Research Interview: Analyzing a Neglected Dimension in Research*. *Canadian Review of Sociology / Revue Canadienne de Sociologie*, 41 (1). 2004. Pp. 1–26.
22. KELLY, C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press. 2001.
23. KELLY, C., VOLKOV, V. *Directed Desires: Kulturnost and Consumption*. In: Catriona Kelly and David Shepherd (Eds.) *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940*. Oxford: Oxford University Press. 1998. Pp. 291–313.

24. KRUGLOVA, A. *Sensory Utopia in the Times of "Cultural Revolution": On Art, Public Space, and the Moral Ontology of Class. Laboratorium. Russian Review of Social Research (Laboratorium. Журнал социальных исследований)*, 1. 2013. Pp. 25–51.
25. LOVELL, ST. *Dosug v Rossii: svobodnoe vremia i ego ispol'zovanie. Antropologicheskij Forum*, 2. 2005. Pp. 136–173.
26. МАМАЕВА, О. *Revoljucija Gelmana i krasnyh chelovechkov*. 24 June 2013.
URL: [HTTP://ARCHIVES.COLTA.RU/DOCS/25883](http://archives.colta.ru/docs/25883) [ACCESS ON 10.12.2013].
27. MILGRAM, BORIS L. *Report "Perm as a cultural capital". The fifth economic forum in Perm, December 26th 2009. Ministry of culture, youth policy and Mass communications of Perm Krai*.
URL: [HTTP://MK.PERMKRAI.RU/PRESS-CENTR/OFIcialnye-vystuplenija/vystuplenie.php?nomer=166](http://mk.permkrai.ru/press-centr/oficialnye-vystuplenija/vystuplenie.php?nomer=166) [ACCESS ON 20.11.2013].
28. MITRACHE, G. *Architecture, art, public space. Social and Behavioral Sciences*, 51. 2012. Pp. 562–566.
29. OLAF-JONES, F. *A Bilbao on Siberia's Edge?* / New York Times, July 22. 2011.
URL: [HTTP://TRAVEL.NYTIMES.COM/2011/07/24/TRAVEL/PERM-RUSSIAS-EMERGING-CULTURAL-HOTSPOT.HTML](http://travel.nytimes.com/2011/07/24/travel/perm-russias-emerging-cultural-hotspot.html) [ACCESS ON 21.11.2013].
30. OMIDI, M. *Changing track: the cultural revolution may be over but it's not the end for Perm. The Calvert Journal*. 2013.
URL: [HTTP://CALVERTJOURNAL.COM/ARTICLES/SHOW/1372/THE-CULTURAL-REVOLUTION-MAY-BE-OVER-BUT-ITS-NOT-THE-END-FOR-PERM](http://calvertjournal.com/articles/show/1372/the-cultural-revolution-may-be-over-but-its-not-the-end-for-perm) [ACCESS ON 22.11.2013].
31. ORLOVA, M. *V Permi proshel miting protiv "novoj kulturnoj politiki" regiona / Rossijskaja Gazeta*. 2011.
URL: [HTTP://WWW.RG.RU/2011/06/30/REG-PERMKRAY/MITING.HTML](http://www.rg.ru/2011/06/30/reg-permkraj/miting.html) [ACCESS ON 25.11.2013].
32. OUSHAKINE, S. *Wither the Intelligentsia: The End of the Moral Elite in Eastern Europe. Studies in East European Thought*, 61. 2009. Pp. 243–248.
33. PACHENKOV, O., VORONKOVA, L. *Workshop introductory speech "Urban public space in the context of mobility and aestheticization: Setting the problem"*. Institute for European Ethnology, Humboldt University, Berlin. 2010.
34. PACHENKOV, O. *Publicnoe prostranstvo goroda pered licom vyzovov sovremennosti: mobilnost i "zloupotreblenie publichnostju"*. NLO (HJIO), 117. 2012.
35. RIVKIN-FISH, M. *Tracing Landscapes of the Past in the Class Subjectivity: Practices*

- of Memory and Distinction in the Marketizing Russia. American Ethnologist*, 36 (1). 2009. Pp. 79–95.
36. ROBBEN, A. C. G. M. () *The Politics of Truth and Emotion among Victims and Perpetrators of Violence*. In: A. C. G. M. Robben & J. A. Sluka (eds.) *Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader*. Malden MA: Wiley-Blackwell. 2007. Pp. 175–190.
37. SENNETT, R. *The fall of Public man*. Cambridge: Cambridge University Press. 1977.
38. SENNETT, R. *The public realm*. In: Bridge G., Watson S. (Eds.) *The Blackwell city reader*. Oxford: Blackwell Publishers. 2010.
39. SMART, A., SMART, J. *Urbanization and the Global Perspective. Annual Review of Anthropology*, 32. 2003. Pp. 263–285.
40. VOLKOV, V. *The Concept of Kul'turnost'. Notes on the Stalinist Civilizing Process*. In: Sheila Fitzpatrick (Ed.) *Stalinism. New Directions*, London and New York: Routledge. 2000.
41. WILLIAMS, D. *Creating social capital. Adelaide: Community art network of South Australia*. 1997.
42. ZUKIN, SH. *The Cultures of Cities*. Cambridge, Mass. and Oxford: Blackwell Publishers. 1995.

Наталья Антропова, Анастасия Илюхина, Александр Стрепетов, Алексей Сахаров

Культурная жизнь в спальном районе Москвы: организации, сообщества, мероприя- тия, инфраструктура (на примере р-на Строгино)

ОБЗОР РЕЛЕВАНТНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ФОРМУЛИРОВКА ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предлагаемый проект исследования предусматривает исследование культурной жизни спальных районов города Москвы. Эти территории не слишком часто становятся объектом научного исследования, и традиционное представление о них выражается примерно следующим образом: «Миллионы москвичей живут в одинаково серых, унылых и сонных районах, которые начинаются уже за Третьим транспортным кольцом. Фактически это десятки отдельных городов, которые похожи друг на друга, но не имеют ничего общего с центром Москвы. Там почти нет хороших ресторанов и кафе, нет театров и клубов, а из всех доступных развлечений — воскресный поход в ближайший ТЦ» [САДРЕЕВ, 2012; ЗАБОРГСКИЙ, 2013]. Однако, как правило, такие суждения субъективны и за ними не стоят сколько-нибудь серьезные исследования культурной жизни. Особую ноту вносят предприниматели, делящиеся опытом развития бизнеса в районах, удаленных от центра города: «...многие думают, что у них “на районе” ничего хорошего быть не может, что максимум — это “японские” сети и шашлычные. Но когда они попадают к нам, они меняют свое мнение» [ШАКЛЕННА, 2013].

Существует значительное количество работ, посвященных изучению отдельных

явлений культурной жизни в городе, субъективной природы культурной жизни, а также региональных аспектов (соотношения провинциальной и столичной культурной жизни). В качестве примера изучения отдельных сторон культуры можно привести работы Е. Р. Секачева «Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX века», М. Ю. Семенова «Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX — начале XX веков как часть городской культуры», М. И. Байдуж «История изучения городских суеверий во второй половине XIX — начале XXI вв.» и др. [СЕКАЧЕВА, 2001; СЕМЕНОВА, 2010; БАЙДУЖ, 2011].

Интересен подход к рассмотрению регионального измерения культурной жизни, предложенный Е. Фирсовой: «Обращаясь к культуре провинции, следует различать культуру разных территорий в трех ракурсах. Первый: по степени удаленности ее от административных и культурных центров, то есть Петербурга и Москвы. Второй: по степени проникновения и воспроизведения культурных столичных норм. Третий: по развитости историко-культурных местных традиций» [ФИРСОВА, 2001]. А поле культуры характеризуется как «система просвещения и образования, библиотеки, издательские центры, формы интеллектуального общения, представленные различными объединениями научного, культурного и общественного плана, но и собственно носители — интеллектуальная элита провинциального общества» (там же).

М. Ю. Семенов в своей диссертации «Культурная жизнь русского губернского города в конце XIX — начале XX века (по материалам г. Курска)» выделяет следующие составные элементы городской культурной жизни: культурное просвещение, культурные развлечения и культурный досуг. Каждое явление подвергнуто комплексному анализу, предусматривающему как «характеристику контингента потребителей городской культуры», так и оценку «деятельности культурно-просветительских учреждений по формированию и развитию сегментов городской культуры и вовлечению в них горожан» [Семенов, 2011].

Сходная методологическая установка лежит в основе исследования «Мониторинг культурной жизни города Москвы». Авторы оперируют тремя измерениями культурной жизни: 1) институциональное, в котором действуют учреждения культуры; 2) информационное, состоящее из информационных потоков относительно культурной жизни; 3) социографическое, отражающее культурные практики жителей [Самодин, Хлевнюк, 2013].

Целью настоящего исследования являются описание и анализ совокупности практик, составляющих и формирующих культурную жизнь района Строгино. Для достижения цели поставленные задачи объединены в блоки:

1. Изучение институциональной среды культурной жизни спального района.
2. Изучение предметно-пространственной среды.
3. Изучение восприятия культурной жизни жителями района.

Первый блок включает следующие задачи:

- проведение сравнительного анализа деятельности организаций, реализующих культурные и образовательные программы (как бюджетных организаций различного ведомственного подчинения, так и частных);
- выявление и анализ деятельности непрофильных организаций, выполняющих культуртрегерские функции на уровне района (кафе, клубов, магазинов и др.).

Второй блок объединяет такие проблемы, как:

- оценка потенциала общественных пространств (или открытых территорий, претендующих на эту функцию);
- характеристика материальной и пространственной среды района, в которой разворачивается культурная жизнь;
- выявление пространственного распределения организаций, формирующих культурную жизнь района.

Наконец, задачами третьего блока являются:

- оценка вовлеченности жителей в культурную жизнь районного масштаба;

- анализ аудитории культурных событий, протекающих на территории района.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Центральным понятием исследования является «культурная жизнь». Однако базовый термин «культура» имеет множество дефиниций в разных научных дисциплинах, что затрудняет его использование в прикладном исследовании. Для преодоления этого противоречия в настоящем исследовании в понятие «культура» и «культурная жизнь» включена та деятельность, которая реализуется в государственных учреждениях культуры. Наиболее широкий спектр работы имеют дома культуры. Перечень охватывает такие направления, как музыкальное, вокальное, театральное, хореографическое, спортивно-оздоровительное, изобразительное и прикладное творчество, туристско-краеведческое, социально-педагогическое, научно-техническое (см., например сайт ДК «Алые Паруса», г. Москва). Таким образом, в рамках настоящего исследования под «культурной жизнью» понимается совокупность любых мероприятий, укладываемых в указанные направления и проводимых организациями любого типа собственности и размера. Ключевым мо-

ментом в исследовании является разделение мероприятий на разовые (организация и проведение которых приурочены к какому-либо событию или календарной дате) и систематические (проводящиеся постоянно и составляющие основной вид деятельности организации).

Современный подход к исследованию культурной жизни предполагает анализ практик, как активно, так и пассивно формирующих культурную жизнь (среду). Кроме того, принципиальным вопросом является локализация этих практик. Концепция исследовательского проекта имеет трехчастную структуру и включает исследование:

- институциональной среды (организаций, активно формирующих культурную жизнь);
- инфраструктурных возможностей и ограничений для формирования культурной жизни в районе;
- жителей района, являющихся потребителями культурной жизни.

Изучение институциональной среды культурной жизни спального района

Первый блок исследования направлен на анализ и изучение практик, формирующих культурную жизнь района. Работу в рамках культурных направлений проводят не только специализированные организации, находящиеся в ведомствен-

ном подчинении Департаменту культуры г. Москвы, но и иные ведомства. В пространстве культурной жизни могут находиться бюджетные организации разного подчинения, частные организации коммерческого и некоммерческого профиля, незарегистрированные объединения граждан. Для объективного описания культурной жизни спального района необходимо учесть все силы, действующие в изучаемом пространстве.

Однако важно отделить организации, текущая, повседневная деятельность которых лежит в области формирования культурной жизни, и организации, работающие вне культурных направлений, но выполняющие культуртрегерские функции. Под последними мы понимаем специально организованные действия, усиливающие культурную жизнь района (организация фестивалей, лекций, мастер-классов, концертов и иных мероприятий культурной направленности).

Для удобства описания и анализа все организации разбиты на категории по двум параметрам. Первый параметр рассматривает основной источник финансирования, второй учитывает основное направление деятельности организации. По сочетанию этих двух параметров можно выделить четыре типа организаций: бюджетные профильные, бюджетные непрофильные, внебюджетные профильные, внебюджетные непрофильные. Исследование предусматривает сравнение разных

типов учреждений по значимости их вклада в культурную жизнь района.

Деятельность профильных организаций (реализующих систематические программы и организующих мероприятия по одному или нескольким направлениям культурной жизни) исследуется по ряду показателей:

- текущая деятельность и разовые культурные мероприятия;
- социальные предпосылки и факторы сложившейся системы работы;
- ориентация на постоянную или временную аудиторию;
- коммуникационные стратегии, выстраиваемые с жителями района;
- целенаправленная работа по формированию сообщества;
- сложившееся сообщество.

Деятельность непрофильных организаций и незарегистрированных объединений горожан, выполняющих культуртрегерские функции, анализируется по следующим показателям:

- размер и основное направление деятельности организации;
- коммуникационные стратегии;
- целенаправленная деятельность по формированию сообщества;
- сформированное сообщество;
- социальные предпосылки и факторы сложившейся системы работы.

Для каждого показателя разработаны система индикаторов и инструментарий исследования (см. таблицу).

Показатель	Индикаторы	Инструментарий
Текущая деятельность и разовые культурные мероприятия	Количество сотрудников, вовлеченных в организацию разовых мероприятий (в процентах к общему количеству сотрудников), тематическое наполнение систематических и разовых мероприятий	Анализ письменных источников, экспертное интервью
Социальные предпосылки и факторы сложившейся системы работы	Предыдущий опыт руководителя, сильное сообщество, большой штат сотрудников, контакты с другими профильными и непрофильными учреждениями	Анализ письменных источников, экспертное интервью
Ориентация на постоянную или временную аудиторию	Количество мероприятий, открытых для разового посещения (в процентах к общему количеству культурных событий, инициированных организацией)	Анализ письменных источников, экспертное интервью, этнографическое наблюдение
Коммуникационные стратегии, выстраиваемые с жителями района	Использование различных каналов (форумы, печатные объявления, размещение на сайте организации и др.), привлечение широкой аудитории / ориентация на узкую группу (возрастную, гендерную, профессиональную и т. п.)	Анализ письменных источников, экспертное интервью, этнографическое наблюдение
Целенаправленная работа по формированию сообщества	Наличие стратегической цели по формированию сообщества, прописанной в документах и других текстах; наличие сотрудника, должностные обязанности которого предусматривают работу по формированию сообщества; проведение мероприятий, формирующих сообщество	Экспертное интервью, этнографическое наблюдение, анализ письменных источников
Сложившееся сообщество	Структура сообщества, основная деятельность, точка сборки, каналы коммуникации, участие в культурной жизни района	Этнографическое наблюдение, глубинное интервью с членами сообщества

Размер структуры (для непрофильных организаций)	Малый бизнес / сетевая организация	Анализ письменных источников
Основное направление деятельности (для непрофильных организаций)	Основное направление деятельности согласно уставным документам	Анализ письменных источников
Организация культурных мероприятий	Количество мероприятий в исследуемый период, иницилируемых организацией; их направленность	Анализ письменных источников, этнографическое наблюдение

Изучение предметно-пространственной среды

Вторым элементом, составляющим концепцию исследования, является изучение инфраструктурных возможностей и ограничений района по созданию культурной жизни. Исследование качества объектов (открытых пространств, мероприятий и

зданий учреждений культуры и культуртрегерской деятельности) осуществляется на основе концепции «Города для людей» Яна Гейла [Гейл, 2012]. Исследование проводится по адаптированной под условия Строгино методике Проекта общественных пространств (Project for Public Spaces), дополненной картографическим методом.

Показатель	Индикаторы	Инструментарий
Социальность	Гендерно-возрастное разнообразие; наличие локального сообщества; использование в качестве места встреч; факты спонтанного общения; наличие групп совместно развлекающихся / отдыхающих людей. Для учреждений также наличие сайта, активность на сайте/форуме	Этнографическое наблюдение

Имидж и комфортность	Благоустроенность (для зданий — внешнее и внутреннее состояние); наличие мусора, грязи, мешающих проходу сугробов; наличие, обилие и удобство мест для сидения; соотношение платных и бесплатных услуг и мероприятий; факты фотографирования; наличие общественных туалетов, комнат матери и ребенка; загрязнение (шумовое; воздуха). Для открытых пространств также освещенность в вечернее время; соотношение территорий для автомобилей и для людей; возможность укрыться в тепле зимой и в тени летом	Этнографическое наблюдение
Использование и активность	Наличие посетителей; гендерно-возрастное разнообразие; разнообразие способов времяпрепровождения; обилие и разнообразие предоставляемых услуг / способов развлечения посетителей; наличие обслуживающего мероприятия персонала / менеджеров учреждения; наличие простаивающих помещений / неухоженных пространств; количество и регулярность проводимых мероприятий, в т. ч. сверхплановых	Этнографическое наблюдение, интервью с представителями администрации учреждения/мероприятия

Транспортная и пешая доступность	Наличие удобных парковок, пешеходных подходов, удаленность от остановок общественного транспорта; временная доступность объекта от жилых домов в разных частях Строгино (расчетно, в минутах), в том числе отдельно — для маломобильных категорий граждан	Этнографическое наблюдение, картографический анализ
Инфраструктурный потенциал увеличения интенсивности культурной жизни	Наличие недоиспользованных площадей, открытых пространств	Обследование территории, экспертное интервью

Изучение восприятия культурной жизни жителями района

Наконец, третий компонент культурной жизни спального района — это его жители, являющиеся потребителями культурных программ и мероприятий. Концепция исследования предполагает изучение восприятия и степени вовлеченности жителей района в сложившуюся систему культурной жизни. Особое внимание уделяется маломобильным категориям (семьи с маленькими детьми, инвалиды, пенсионеры). Одной из гипотез исследова-

ния является предположение, что именно такие люди более всего нуждаются в развитой культурной жизни на уровне района. Кроме того, результаты исследования стратифицируются по полу и возрасту респондентов.

Изучение жителей района предлагается по следующим показателям:

- вовлеченность в событийный ряд культурной жизни района;
- участие в систематических культурных программах;
- восприятие жителями культурной жизни.

Показатель	Индикатор	Инструментарий
Вовлеченность в событийный ряд культурной жизни района	Количество и направленность культурных мероприятий на территории района, которые респондент посещал в качестве зрителя/участника	Анкетирование
	Количество и направленность культурных мероприятий (в г. Москве), в которых принимал участие респондент за период исследования	Анкетирование
	Аудитория культурных уличных мероприятий, протекающих на территории района	Опрос
Участие в систематических культурных программах	Количество и направленность систематических культурных программ, которые посещают жители и их дети на территории района	Анкетирование
	Количество и направленность систематических культурных программ, которые посещают жители и их дети вне территории района	Анкетирование
Восприятие жителями культурной жизни	Отношение к насыщенности культурной жизни района, ограничения на участие в мероприятиях культурной направленности	Анкетирование, глубинное интервью

МЕТОДЫ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Исследование культурной жизни локализовано на территории района Строгино, расположенного на северо-западе столицы. Преимущество данного района в качестве объекта исследования заключается в его географическом расположении. Река Москва, Московская кольцевая автодорога и промышленная зона создают естественные барьеры района, формируют четкие границы, преодоление которых сопряжено с использованием транспорта или значительными временными затратами. Тем самым в процессе исследования можно избежать разногласий респондентов, экспертов и членов исследовательской группы при отнесении тех или иных событий, мероприятий и учреждений к культурной жизни именно изучаемого района. Это позволит также отказаться от исследования границ вернакулярного района.

Кроме того, район Строгино традиционно занимает высокие, а зачастую лидирующие позиции в различных позитивных рейтингах районов Москвы. Так, в 2011 г. район занял четвертое место в рейтинге лучших районов для проживания с детьми, составленном компанией Penny Lane Realty на основе пяти параметров: насыщенность детскими садами и школами, количество дополнительных образовательных центров для занятий спортом и творчеством, наличие парков и зон отдыха, благоустройство домов и придомовых территорий, экологическая обстановка [ЛЕН-

ТА.РУ, 2011]. В рейтинге перспективности и удобства проживания в спальнях районах, составленном с учетом иных характеристик (экологичность, транспортная доступность, развитая инфраструктура, общественный порядок и безопасность, планы строительства объектов, предполагающих развитие района), в том же 2011 г. район Строгино занял первое место [СТРОИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2011]. В рейтинге районов Москвы по стоимости квартир в декабре 2012 г., составленном РБК, Строгино занимает 32-е из 86 мест [РБК РЕЙТИНГ, 2013].

Базу исследования составляют результаты как количественных, так и качественных методов социоантропологического исследования, а также результаты метода географического картографирования.

В течение месяца будет проводиться анкетированный опрос среди жителей района Строгино с целью выявления причин и факторов, побуждающих их принять участие в культурных мероприятиях на территории своего района или за его пределами (подробнее см. ниже).

Предварять анкетированный опрос будет пилотное исследование с целью корректировки инструментария. Пилотное исследование рассчитано на 14 дней и предполагает участие 40 человек разного возраста, пола, социального статуса.

Опрос проводится среди участников массовых культурных мероприятий, проходящих на территории района (численность участников не менее 100 чел).

Этнографический метод, полуструктурированное интервью, экспертное интервью, анализ письменных источников формируют базу данных о работе организаций, вносящих вклад в формирование культурной среды района. Все организации разбиты на четыре категории по двум параметрам: бюджетные профильные, бюджетные непрофильные, внебюджетные профильные, внебюджетные непрофильные.

Категория **бюджетных профильных организаций** объединяет учреждения, находящиеся в ведомственном подчинении Департамента культуры г. Москвы, Департамента образования г. Москвы, Москомспорта, Мосгорпарка.

К **бюджетным непрофильным** отнесены Управа, учреждения Департамента здравоохранения, некоторые религиозные организации (церкви).

Категория **внебюджетных профильных организаций** включает кинотеатры, образовательные студии и кружки, спортивные секции, некоммерческие и общественные организации, работающие в области культурной жизни. Наконец, **внебюджетные непрофильные** — это предприятия общественного питания, магазины, предприятия сферы услуг (парикмахерские, турфирмы), некоммерческие и общественные организации, основная деятельность которых лежит вне сферы культуры (например, политические партии).

100% профильных организаций, как бюджетных, так и внебюджетных, становятся объектом анализа и изучения.

Непрофильные организации (то есть те, основная деятельность которых лежит вне культурной сферы) являются объектом анализа лишь в той степени, в какой они выполняют культуртрегерские функции. Совокупность непрофильных организаций, составляющих базу исследования, формируется на первом этапе работы на основе анализа письменных источников (районные газеты, сайты, форумы, объявления, афиши).

Картографический метод позволяет определить пространственные отношения между объектами.

Дополнительными источниками информации при анализе инфраструктуры района служат ментальные карты, составленные детьми (не менее 20 шт.), пенсионерами (не менее 10 шт.) и представителями среднего поколения (не менее 10 шт.).

Концепция исследования предполагает изучение трех компонентов культурной жизни, локализованной на уровне спального района: агентов, формирующих культурную среду, жителей района, вовлеченных в культурную жизнь, и инфраструктурные условия.

Методы, применяющиеся при изучении агентов, формирующих культурную жизнь

1. Анализ письменных источников.
2. Экспертное полуструктурированное интервью.
3. Этнографическое наблюдение (учреждения и территории).
4. Этнографическое наблюдение (праздники).

Возможно применение дополнительного метода — глубинного интервью с членами сообщества, в случае если будут обнаружены сообщества любого типа.

Аналізу будут подвергнуты следующие письменные источники: уставные документы организаций, районные газеты, сайты, форумы, объявления, афиши. В результате применения этого метода мы получим:

- окончательный список объектов исследования (выявленные организации, выполняющие культуртрегерские функции);
- краткие характеристики организаций: основное направление деятельности, размер организации, количество мероприятий, открытых для разового посещения (в процентах к общему количеству культурных событий, инициированных организацией), основная целевая аудитория, направления и каналы коммуникации с целевой аудиторией, наличие

зафиксированной цели по формированию сообщества.

Экспертные полуструктурированные интервью запланированы с руководителями и сотрудниками учреждений, являющихся объектами анализа. Результатом станет получение скрытой, неочевидной и непубличной информации о работе учреждений.

Этнографическое наблюдение проводится с целью описания тех качеств, которые сложно выявить другим путем, но которые влияют на организацию работы и восприятие учреждения жителями. Описание структурируется по четырем направлениям: транспортная и пешая доступность, имидж и комфортность, использование и активность в этом месте, социальность.

Кроме того, оценке подвергается инфраструктурный потенциал увеличения интенсивности культурной жизни.

Методы оценки инфраструктурных возможностей и ограничений на формирование культурной жизни района

1. Картографический метод.
2. Метод ментальных карт.
3. Этнографическое наблюдение (учреждения и территории).

Картографирование осуществляется в программном обеспечении ArcGIS на основе данных свободных источников ин-

формации и полевого обследования территории. Составляются карты расположения учреждений культуры и учреждений, осуществляющих культуртрегерскую деятельность и открытых пространств; доступности учреждений и открытых пространств от жилых домов в разных частях Строгино (в том числе для разных категорий маломобильных граждан); маршрутов общественного транспорта; аналитические (на основе вышеприведенных и прочих материалов, полученных в ходе исследования).

Анализ пешеходной и транспортной доступности объектов проводится путем построения системы графов путей от подъездов жилых домов до объектов. Графам задаются определенные характеристики (грунтовая/асфальтированная дорога и т. п.), позволяющие дифференцированно проанализировать возможные маршруты жителей со специфическими особенностями мобильности. Анализ проводится с помощью программных средств ArcGIS и Mathcad. В результате создается карта изолиний транспортной доступности отдельных объектов или отдельных типов объектов (аналоги представлены в работе: *The Regional Equity Atlas. Metropolitan Portland's Geography of Opportunity // The Coalition for a Livable Future, Portland, Oregon, USA, 2007*; на картах *Transit access: walking distance to nearest transit stop, Parkland access: walking distance to nearest public park or greenspace* и др.).

Метод составления ментальных карт призван выявить те нюансы на территории района, которые известны только жителям

и постоянным посетителям. Ментальные карты, которые человек составляет самостоятельно, опираясь только на свою память, показывают его восприятие места и позволяют посмотреть на пространство района на микроуровне.

Методы изучения вовлеченности жителей района в культурную жизнь

1. Анкетированный опрос жителей района.
2. Опрос посетителей массовых мероприятий, проходящих на территории района.
3. Глубинное интервью с жителями района.

Анкетированный опрос: репрезентативная выборка составлена по полу, возрасту, месту жительства, уровню доходов, образованию. Выборка основана на данных о половозрастной структуре района Строгино (данные Управы, данные переписи населения 2010г.).

Конечный объем выборки составит не менее 400 человек. Репрезентативность выборки рассчитывалась по основным показателям исследования, исходя из максимальной ошибки в 4%. Математико-статистическая обработка данных будет выполнена методом корреляционного анализа при использовании программы SPSS.

Анкета состоит из 14 закрытых вопросов и вопросов шкального типа. Опрос:

- выборочный — предназначенный только для жителей района;
- письменный — посредством заполнения анкеты;
- анонимный;
- индивидуальный — групповые опросы не предусмотрены концепцией проекта;
- односторонний.

Предварять анкетированный опрос будет пилотное исследование с целью корректировки инструментария. Пилотное исследование рассчитано на 40 человек разного возраста, пола, социального статуса.

Опрос будет проводиться раздаточным и прессовым (в случае положительной договоренности с редакцией) методами:

- в школах (для родителей школьников);
- в учреждениях (профильных/непрофильных);
- в парках;
- в Интернете (в районных форумах будут созданы специальные темы);
- в районной прессе (в случае положительной договоренности с редакцией).

Опрос проводится среди участников массовых культурных мероприятий, проходящих на территории района (численность участников не менее 100 чел). Опрос устный, предполагает получение ответа лишь на один вопрос: является ли жителем района человек, посетивший мероприятие. Релевантность применения метода обусловлена проведением опроса лишь на тех мероприятиях, на которых организаторами предусмотрена

одна точка входа, что позволит провести примерный подсчет количества участников. Шаг выборки — 5. Одновременно исследователь заполняет бланк, где отмечает пол, примерный возраст респондента, коллективное (семейное/дружеское) или одиночное посещение мероприятия. В результате применения метода будут даны оценка аудитории массовых мероприятий по пространственному признаку и ответ на вопрос, посещают ли культурные мероприятия в Строгино жители других московских районов.

Глубинное полуструктурированное интервью с жителями района будет проводиться методом случайной выборки; количество опрошенных не менее 50 человек. В результате планируется определить особенности восприятия жителями района культурной жизни на эмоциональном уровне. Возможно, будут выявлены сообщества и объединения, влияющие на отношение жителей к культурным программам и событиям и на степень участия в них.

ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предлагаемая продолжительность исследования культурной жизни в спальном районе — 7,5 месяцев. Календарные сроки: 1 февраля — 15 сентября 2014 г.

Длительность исследования связана с сезонными колебаниями активности культурной жизни района. Климатические условия в летний период способствуют пере-

несению деятельности из закрытых помещений на улицу; значительно повышается количество мероприятий в парковой зоне района, более интенсивно используются улицы и открытые территории.

В холодный период важно зафиксировать культурную деятельность в праздничные дни: Масленичную неделю (24.02 – 02.03.2014), на Пасху (20.04.2014), в День Победы (09.05.2014). Это центральные события календарного праздничного цикла, к которым привязан событийный ряд культурной жизни. Проведение исследования в эти дни позволит сравнить деятельность разных типов организаций, поскольку это периоды концентрированной активности агентов и традиционной вовлеченности жителей в культурную жизнь.

Продолжительность программы исследования обусловлена и тем, что основными потребителями культурной среды на уровне спального района являются пенсионеры, дети и их родители. Образ жизни этих групп горожан характеризуется сезонными изменениями, связанными с открытием дачного сезона и продолжительными летними каникулами. Посещаемость культурных учреждений в летнее время уменьшается, одновременно перестраивается их работа. Проведение работы в течение нескольких месяцев позволит сравнить активность культурной жизни в районе в зимне-весенний и летний периоды, получить ответ на вопрос о сезонных изменениях в культурной жизни района.

Временное планирование исследования культурной жизни района:

1. 11–20 ФЕВРАЛЯ.
Составление перечня агентов, формирующих культурную жизнь в районе Строгино. Подготовка кратких характеристик агентов по письменным источникам. Распределение организаций по четырем категориям.
2. 24 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА.
Масленичная неделя. Исследование праздничной активности и всплеска культурной жизни района: этнографические наблюдения, опрос, интервью с участниками мероприятий.
3. 4 МАРТА — 30 АПРЕЛЯ.
Описание и анализ работы учреждений культуры и других агентов, формирующих культурную жизнь. Проведение глубинных интервью, экспертных интервью, этнографических наблюдений. Оценка инфраструктурных возможностей и ограничений (сбор материала для картографирования, оценка общественных пространств). Изучение изменений культурной активности в связи с религиозными праздниками (Пасха). Проведение пилотного анкетирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

4. 1–31 МАЯ.
Изучение динамики культурной жизни и, в частности, уличных форм культурной жизни в связи с климатическими изменениями. Анализ празднования Дня Победы как культурного мероприятия. Проведение анкетирования раздаточным методом. Работа с детьми, взрослыми и пенсионерами по составлению ментальных карт.
 5. 1 ИЮНЯ — 31 АВГУСТА.
Изучение летних форм работы учреждений различного типа, формирующих культурную среду (анализ письменных источников, этнографическое наблюдение). Проведение опроса среди аудиторий массовых культурных мероприятий на территории района. Повторный анализ общественных пространств с целью выявления сезонных колебаний в их функционировании. Картографирование культурной жизни района. Обработка результатов анкетирования.
 6. 1–15 СЕНТЯБРЯ.
Составление комплексного описания культурной жизни района за период исследования.
1. БАЙДУЖ М. И. *История изучения городских суеверий во второй половине XIX — начале XXI в.* // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (14). 2011. С. 196–203.
 2. ГЕЙЛ Я. *Города для людей.* М.: Концерн «КРОСТ», пер. с англ. Альпина Паблишер. 2012. 277 с.
 3. ЗАБОРГСКИЙ Г. *Жизнь в спальном районе — это борьба!* // Интернет-журнал UrbanUrban. 12.11.2013.
URL: [HTTP://URBANURBAN.RU/BLOG/PLANNING/289/-ZHIZN-V-SPALNOM-RAYONE--ETO-BORBA.](http://urbanurban.ru/blog/planning/289/-zhizn-v-spalnom-rayone--eto-borba)
 4. КОСТИНА А. В., ГУДИМА Т. М. *Культурная политика в современной России: соотношение этнического и национального.* М., 2007. С. 200.
 5. САДРЕЕВ И. *Как оживить спальные районы?* // Интернет-газета The Village. 2012.
URL: [HTTP://WWW.THE-VILLAGE.RU/TALKS/VILLAGE/4785-CITY-VILLAGE-SPALNYE-RAYONY/.](http://www.the-village.ru/talks/village/4785-city-village-spalnye-rayony/)
 6. САМОДИН А. А., ХЕВНЮК Д. О. *Исследование «Мониторинг культурной жизни города Москвы и оценка эффективности деятельности учреждений культуры Департамента культуры города*

7. СЕКАЧЕВА Е. Р. *Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в.* // Новый исторический вестник. № 5. 2001.
 8. СЕМЕНОВ М. Ю. *Культурная жизнь русского губернского города в конце XIX — начале XX в. (по материалам г. Курска): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Семенов Михаил Юрьевич; ГОУВПО «Белгородский государственный университет».* Белгород, 2011. 217,[0] с.: ил.
 9. СЕМЕНОВ М. Ю. *Проблема исторического исследования феномена городской культуры. Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX — начале XX веков как часть городской культуры / М. Ю. Семенов / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика».* Белгород: Издательство БелГУ, 2010. № 1 (56). Вып. 16. С. 128–136.
 10. ФИРСОВА Е. Б. *Серебряный век и российская провинция: культурная жизнь*
11. ШАКЛЕИНА М. *Окно в спальню. Как, зачем и почему рестораторы идут в спальные районы* // Ресторатор. 06.03.2013.
 12. ЛЕНТА.РУ. *Названы лучшие районы Москвы для проживания с детьми / Совместно с Рамблер Недвижимость.* 30.11.2013. 01:10:33. URL: [HTTP://REALTY.LENTA.RU/NEWS/2011/01/27/RATING/.](http://realty.lenta.ru/news/2011/01/27/rating/)
 13. *Строительное обозрение. Рейтинг перспективных спальных районов Москвы* // Интернет-портал «Строительное обозрение». Материал предоставлен компанией Penny Lane Realty. 11.08.2011. URL: [HTTP://STROY-OBOZRENIIE.RU/ANALYTICS/80.HTML.](http://stroy-obozrenie.ru/analytics/80.html)
 14. РБК РЕЙТИНГ 2013. URL: [HTTP://RATING.RBC.RU/ARTICLES/2013/01/10/33858290_TBL.SHTML?2013/01/10/33858249/.](http://rating.rbc.ru/articles/2013/01/10/33858290_tbl.shtml?2013/01/10/33858249/)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Анкета

1. В каких мероприятиях Вы принимали участие (какие мероприятия посещали) в период с 1 февраля этого года по настоящий момент?

Название мероприятия	Участие	На террито- рии района	За его границами
Посещение театральных спектаклей	☐		
Посещение кинотеатра/кинопоказа	☐		
Участие в образовательных секциях/ кружках	☐		
Посещение спортивных секций/ фитнес-клубов	☐		
Встречи с друзьями/знакомыми	☐		
Посещение кафе/бара/ресторана	☐		
Посещение музыкального концерта	☐		
Посещение библиотеки	☐		
Посещение музыкального концерта	☐		
Посещение музея/выставки	☐		
Прогулка	☐		

Участие в уличных праздниках, народных гуляниях	☐		
Посещение парикмахерской / салона красоты / spa-центра	☐		
Посещение детских выступлений	☐		
Посещение публичных лекций и семинаров	☐		
Посещение спортивных выступлений/ матчей/игр	☐		
Посещение ночного клуба / дискотеки	☐		
Другое: Что именно? _____	☐		

2. Некоторые мероприятия Вы посетили за пределами своего района.

С чем это связано? (Можно указать несколько вариантов ответа.)

☐ Мероприятие такого формата не проводятся в моем районе.	☐ Удобнее добираться.
☐ Это невозможно из-за отсутствия кинотеатра/театра и т. д.	☐ Я принял(а) предложение о посещении мероприятия, не участвуя в выборе места его проведения.
☐ Мероприятия на территории района проигрывают по качеству мероприятиям в других местах.	☐ Люди, с которыми я ходил(а) на мероприятие, преимущественно живут в другом районе, всем было так удобнее.
	☐ Другое

3. Оцените, пожалуйста, Вашу степень удовлетворенности культурной жизнью, протекающей на территории района Строгино, по 5-балльной шкале, где 5 означает высокую степень удовлетворенности, а 1 — низкую.

1 2 3 4 5

4. Вы посещаете культурные мероприятия преимущественно:

В районе Строгино По всему городу
 В соседних районах Не посещаю
 В центре Москвы Другое

5. Откуда Вы получаете информацию о культурных событиях, происходящих на территории Вашего района?

Из телевизионных передач Из социальных сетей в Интернете
 Из радиопередач Мне приходит рассылка на электронную почту
 Из газет и журналов (печатных) Меня информируют родственники/ знакомые/друзья
 Из публикаций в Интернете Другое: _____

6. Состоите ли Вы в каком-либо сообществе (группе) по интересам, расположенном (расположенной) в Вашем районе?

Да, состою в _____

Нет, не состою

Состою, но месторасположение трудно определить.

Это сообщество — _____

7. Что может заставить Вас отказаться от посещения заинтересовавшего Вас культурного мероприятия?

Нехватка свободного времени Далеко ехать
 Не с кем оставить детей Неудобно добираться на общественном транспорте
 Высокая стоимость билета Ожидаемые пробки на автодорогах
 Другое: _____

8. Сколько лет Вам исполнилось на момент проведения этого исследования?

9. Какое у Вас образование?

Неоконченное среднее (9 классов школы или меньше) Среднее специальное
 Среднее Я студент ВУЗа
 Сейчас обучаюсь в техникуме, лицее или колледже Высшее
 Я магистрант / аспирант / кандидат наук / имею ученую степень

10. Проживают ли вместе с Вами дети младше 16 лет?

- Да, мои дети/внуки/сестры/братья/племянники
- Да, но я не участвую в их воспитании
- Нет

11. Как давно Вы живете в этом районе?

- Меньше года
- От двух до пяти лет
- Больше 10 лет
- С детства
- Это съемное жилье, я не считаю себя жителем этого района

12. К какой из нижеперечисленных категорий граждан Вы относитесь?

- Пенсионеры
- Люди, с ограниченными возможностями передвижения
- Родители с грудными детьми, пользующиеся коляской
- Родители с детьми младшего школьного возраста
- Не отношусь ни к одной из этих групп

13. Какая характеристика точнее отражает материальное положение Вашей семьи?

- Денег не хватает даже на питание
- На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения

- На питание и одежду денег хватает, но покупка крупной бытовой техники вызывает затруднения
- Можем спокойно себе позволить покупку бытовой техники, однако для приобретения автомобиля надо копить или брать кредит
- Можем позволить себе покупку бытовой техники или автомобиля, однако приобретение недвижимости вызывает затруднения
- Денег хватает на все вышеперечисленное
- Затрудняюсь ответить

14. Пол:

- М
- Ж

Дата заполнения анкеты: _____

ГАЙД ГЛУБИННОГО ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ С ЖИТЕЛЯМИ РАЙОНА

В целом вам нравится жить в Строгино? Вы довольны культурной жизнью Строгино? Чего вам не хватает? В связи с чем возникла такая ситуация? Кто или что может помочь в решении этой проблемы?

Что для вас культурная жизнь? Что вы считаете культурными мероприятиями? Какие из них вы посещаете? Почему именно эти?

Вы давно живете в Строгино? Вы когда-нибудь жили в других районах? Вам есть с чем сравнить культурную жизнь Строгино? Каковы результаты этого сравнения? В чем, на ваш взгляд, причина различий?

Мероприятия каких организаций в вашем районе самые интересные/массовые/безопасные? Как вы выбираете, на какое идти, а какое пропустить? Есть ли в Строгино мероприятия, на которых вы с максимальной вероятностью хорошо проведете время?

Мероприятия каких организаций организованы хуже всего? Почему? Отчего так сложилось? Кто ответствен за это?

Вы обычно предпочитаете проводить свободное время в Строгино? Почему? Является ли для вас место проведения меропри-

ятия значимым фактором для его посещения? Каким видом транспорта вы обычно пользуетесь?

Откуда вы узнаете о событиях, которые происходят или будут происходить в вашем районе? Вы читаете районную газету? Пользуетесь Интернетом?

Есть ли на вашем попечении дети до 16 лет? Вы водите их на занятия? Потом вы уходите домой или ждете, когда занятие закончится? Общаетесь ли вы с другими родителями, пока ожидаете ребенка? Насколько интересно для вас это общение?

Посещаете ли вы какой-нибудь клуб или группу по интересам? Совместные велопрогулки? Прогулки с любителями собак? Устраиваете ли вы совместные мероприятия?

В таких местах, как парикмахерская, салон красоты может протекать культурная жизнь? Вы ходите в один и тот же салон или в разные? У вас есть постоянный мастер? Знаете ли вы других людей, которые посещают этот салон? Много ли у вас там знакомых? Обсуждаете ли вы новости с постоянным мастером?

Есть ли какие-либо препятствия и барьеры, мешающие вам посещать то или иное культурное мероприятие? Вы свободно перемещаетесь по району? Давно были

на другом конце района? Где вы обычно гуляете?

ГАЙД ЭКСПЕРТНОГО ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ РАБОТНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (ПРОФИЛЬНЫХ)

Расскажите об основной направленности вашего учреждения. Какой вы видите свою целевую аудиторию? Вы ориентируетесь преимущественно на жителей района или открыты для всех москвичей? Как вы общаетесь о проведении мероприятий жителям? Есть ли у вашей организации сайт в Интернете? Кто его ведет?

Есть ли у вас постоянные посетители? Сколько их, на ваш взгляд? Кто они? До которого часа вы работаете в будние дни, в выходные? Можно ли сказать, что вокруг вашего учреждения сложилось некоторое сообщество? Что вы знаете о нем? Проводите ли вы целенаправленную работу, направленную на формирование сообщества?

Вы сами живете в Строгино? А другие работники учреждения? Кто у вас работает? Сколько всего человек? Мужчины? Женщины? В каком возрасте? Сколько лет существует ваше учреждение? Есть ли у него своя история?

Как часто вы устраиваете праздники? Для кого? Какой бюджет выделяется на такой праздник? Каковы ваши ресурсы? Кто ваши спонсоры? Есть ли у вас специальный персонал, который занимается организацией празднеств, или эту задачу сообщество решают все сотрудники учреждения?

Основные ваши конкуренты в районе? Или это, скорее, помощники? Проводите ли вы совместные мероприятия? Существует ли кооперация между учреждениями аналогичного типа? Кого лично вы знаете в других учреждениях? Можете ли выделить каких-то лидеров?

Основные факторы, которые мешают вам в вашем деле (социальные, экономические, пространственно-территориальные)?

ГАЙД ЭКСПЕРТНОГО ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (НЕПРОФИЛЬНЫХ)

Считаете ли вы свое учреждение одним из тех, которые формируют культурную жизнь в районе? В городе? Считаете ли, что оно должно выполнять такую задачу? Почему?

Какой вы видите свою целевую аудиторию? Вы ориентируетесь преимущественно на жителей района или открыты для всех мо-

сквичей? Проводите ли вы специальные акции, мероприятия, которые укладываются в понятие «культурная жизнь»? Как вы сообщаете о проведении мероприятий жителям? Есть ли у вашей организации сайт в Интернете? Кто его ведет?

Есть ли у вас постоянные посетители? Сколько их, на ваш взгляд? Кто они? До которого часа вы работаете в будние дни, в выходные? Можно ли сказать, что вокруг вашего учреждения сложилось некоторое сообщество? Что вы знаете о нем? Проводите ли вы целенаправленную работу, направленную на формирование сообщества? Существование сообщества — это плюс или минус для вашей работы? Почему?

Вы сами живете в Строгино? А работники учреждения? Кто у вас работает? Сколько всего человек? Мужчины? Женщины? В каком возрасте? Сколько лет существует ваше учреждение? Есть ли у него своя история?

Как часто вы устраиваете праздники? Для кого? Какой бюджет выделяется на такой праздник? Каковы ваши ресурсы? Кто ваши спонсоры? Есть ли у вас специальный персонал, который занимается организацией празднеств, или эту задачу сообщество решают все сотрудники учреждения?

Основные ваши конкуренты в районе? Или это, скорее, помощники? Проводите ли вы

совместные мероприятия? Существует ли кооперация между учреждениями аналогичного типа? Кого лично вы знаете в других учреждениях? Можете ли выделить каких-то лидеров?

Оцените работу профильных учреждений, которые занимаются культурной жизнью в районе. В чем их преимущества/недостатки? Пробовали ли вы вступать с ними в диалог?

Основные факторы, которые мешают вам в вашем деле (социальные, экономические, пространственно-территориальные)?

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ

Этот метод призван выявить те нюансы в жизни района, которые известны только его жителям и постоянным посетителям. Часто в беседе с исследователем человек стесняется, выдает «правильные» ответы, приукрашивает действительность или просто от волнения и неожиданности многое забывает. Ментальные карты, которые человек составляет самостоятельно, в уединении, опираясь только на свою память, отражают его личностное восприятие места и позволяют посмотреть на пространство района на микроуровне.

Положите перед собой листок бумаги. Постарайтесь вспомнить и зарисовать все то, что приходит

СТРУКТУРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ/ОРГАНИЗАЦИЙ/ЗАВЕДЕНИЙ

Доступность

- Насколько легко можно попасть в это учреждение? Не приходится ли людям метаться между движущимися машинами, чтобы оказаться здесь? Существуют ли другие препятствия?
- Есть ли у учреждения вывеска?
- Используют ли это место те, кто живет и работает в близлежащих зданиях?
- Какова освещенность в темное время суток?
- Ведут ли к этому месту тротуары?
- Удобно ли место для использования людьми с особыми требованиями (ограниченными возможностями здоровья)?
- Насколько велик список видов транспорта, на котором можно добраться до этого места (метро, автобусы, машина, маршрутка, трамвай, велосипед...)?
- Каков график работы организации?

Имидж учреждения

- Внешнее и внутреннее состояние здания.

вам на ум при словах «район Строгино». Вы можете, например, начертить карту улиц, или схему, или создать отдельные зарисовки, аппликации. Перенесите на бумагу связанный с районом эпизод – из детства или во время свидания, или когда вам было грустно и вы просто гуляли, или, наоборот, когда было очень радостно. Вспомните, где больше всего бывает людей в Строгино? Где жители района и лично вы любите прогуляться? Что вам там нравится и что мешает?

Пожалуйста, не думайте о том, что карта покажется смешной или неинтересной, не сомневайтесь в своих способностях! Полагайтесь только на собственную память. Нас интересует не то, как «на самом деле» выглядит район, а то, каким вы его себе представляете. Поэтому не переживайте по поводу каких-либо пропусков, странных форм, пустых или сомнительных мест на вашем эскизе, – именно они могут оказаться наиболее интересными для исследования!

При желании сопроводите карту комментариями, которые никак не получается оформить в виде зарисовки.

- Цены на услуги. Соотношение платных и бесплатных услуг и мероприятий.
- Наличие общественного пространства (мест для сидения) внутри или на территории учреждения. Достаточно ли мест для сидения?
- Участие в мероприятиях, организованных другими учреждениями.

Использование и активность учреждения

- Направление деятельности.
- Площадь занимаемой территории, количество комнат/отделов/помещений. Простаивающие помещения.
- Кого здесь больше — мужчин, женщин, детей, пенсионеров?
- Количество постоянных участников деятельности (членов организации, посетителей).
- Количество и регулярность проводимых мероприятий (обязательных) в год.
- Количество сверхплановых мероприятий (специальных) в год.
- Предоставляемые услуги. Разнообразие услуг.

Социальность

- Каналы коммуникации с жителями района, варианты предоставления

- информации о деятельности учреждения.
- Иерархическая структура сотрудников учреждения.
- Наличие сайта.
- Понятность сайта, наличие онлайн-форума, количество зарегистрированных пользователей, частота обновления информации.
- Представленность в социальных сетях.
- Используют ли это место для встречи с друзьями?
- Наличие сообщества.

СТРУКТУРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ МЕРОПРИЯТИЙ

- Направление деятельности.
- Кто организатор.
- Количество посетителей / массовость мероприятия.
- Гендерно-возрастной портрет аудитории: мужчины/женщины/пенсионеры/дети.
- Где проводится мероприятие.
- Участие других районных агентов формирования культурной жизни района.
- Время проведения мероприятия.
- Стоимость участия.
- Разнообразие каналов коммуникации с жителями / маркетинговые стратегии / реклама.
- Удобно ли место проведения мероприятия для использования людьми с особыми требованиями (ограниченными возможностями здоровья)?
- Насколько велик список видов транспорта, на котором можно добраться до места проведения мероприятия (метро, автобусы, машина, маршрутка, трамвай, велосипед..)?

СТРУКТУРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДЛЯ ПРАЗДНИКОВ

(Масленичная неделя, Пасха, День Победы)

- Количество мест в районе, где проводятся праздничные мероприятия.
- Кто проводит мероприятия? Сотрудничают ли организаторы друг с другом?
- Количество посетителей на каждом мероприятии. Их половозрастной состав.
- За счет чего создается атмосфера праздника? Какие элементы традиционной культуры воспроизводятся? Какие инновации внесены организаторами в празднование?
- Что вызывает у зрителей положительную реакцию? Вовлечены ли люди в процесс празднования или они занимают позицию сторонних наблюдателей?
- Отмечается ли спонтанное празднование в публичных местах, без специальной организации со стороны учреждений?
- Какой звуковой и визуальный ряд сопровождает мероприятия в каждой точке праздника?

О КОНКУРСАХ

Открытые конкурсы для студентов и молодых ученых были проведены Московским институтом социально-культурных программ впервые в сентябре-декабре 2013 года.

Заявки на участие в конкурсе на лучшее научное эссе прислали 19 человек, отбор на соответствие конкурсной документации прошли 16 работ. Победителями конкурса выбраны следующие авторы:

I место — *«Пограничные» понятия: теоретические и эмпирические основания различения типов локальностей* / авторы: Константин Глазков, Ксения Круглова

II место — *Города как системы реального времени: новые подходы к изучению поведения горожан в пространстве современного мегаполиса* автор: Ирина Зябрева

III место — *Городское мертвое пространство: к вопросам практик освоения* / автор: Сергей Мохов

Заявки на участие в конкурсе на лучший проект исследования социально-культурной жизни Москвы прислали 10 человек, отбор на соответствие конкурсной документации прошли 8 работ. Победителями конкурса выбраны следующие авторы:

I место — *Пространственно-сетевой подход к изучению потенциальных городских сообществ* / авторы: Анастасия Мокроусова, Константин Глазков

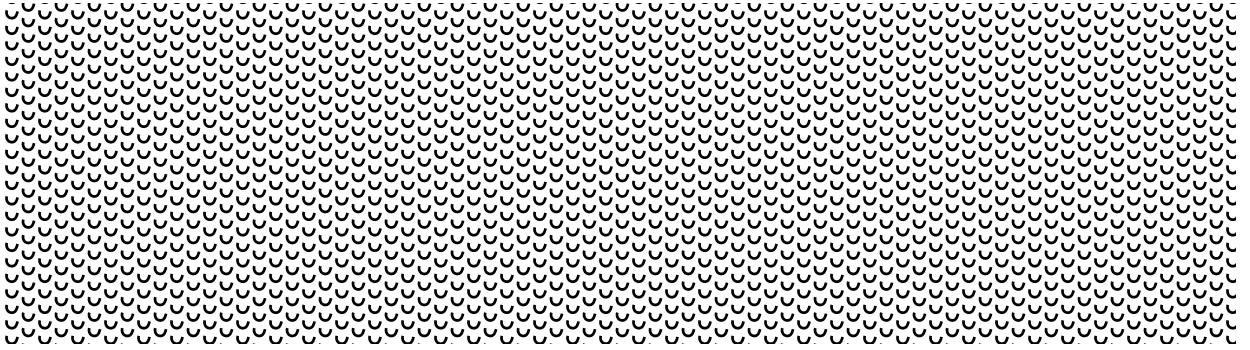
II место — *Explaining “Cultural Revolution” in Perm: public space, urban memory and idea of “culturedness”* / автор: Ирина Воробьева

III место — *Культурная жизнь в спальном районе Москвы: организации, сообщества, мероприятия, инфраструктура (на примере р-на Строгино)* / авторы: Наталья Антропова, Анастасия Илюхина, Александр Стрепетов, Алексей Сахаров

МИСКП искренне благодарит Виктора Вахштайна, Елену Зеленцову, Андрея Корбута, Владимира Николаева, Кирилла Пузанова, Павла Степанцова, Алексея Титкова, Александра Филиппова и Руслана Хестанова за работу в составе жюри конкурсов.

Конкурсы для студентов и молодых ученых Московского института социально-культурных программ. Работы победителей 2013 года: лучшие эссе и проекты исследований

М: Государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ, 2014. — 158 с. — 20 экз.

**МИСКП
2014**

